

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 1 раз в год

Выпуск РОМАНО-GERMANСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
11 / 2013

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции, издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Я.С. Суворова*
Компьютерная верстка
Т.А. Олоевой

Подписано в печать 10.09.2013.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 9,98. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 1000. Заказ 554.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доц.; *Т.С. Базарова*, д-р пед. наук,
доц.; *А.С. Булдаев*, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев*, д-р ист.
наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р
пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелева*,
д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук,
проф.; *К.Б.-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р
филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хашинов*,
д-р хим. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф. (отв. редактор); *Е.О. Хундаева*, д-р филол. наук, проф.; *Л.Д. Раднаева*, д-р филол. наук, проф.; *С.В. Будажапова*, канд. филол. наук, доц.; *Т.В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

Просодия английского повествования в условиях бурятско-русского двуязычия

Статья посвящена описанию результатов экспериментального исследования интерферированной речи студентов-билингвов, носителей бурятского и русского языков, в процессе овладения интонацией английского языка. В центре внимания авторов находятся просодические характеристики английского звучащего текста в жанре повествования, сложившиеся под воздействием ряда интерферирующих факторов родного (бурятского) и неродного (русского) языков в ситуации искусственного (учебного) многоязычия.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, просодия, произносительные характеристики, мелодика речи.

E.A. Babushkina, A.A. Namdakova

Prosody of English narration in Buryat-Russian bilingual classroom

The article presents a description of experimental study of Buryat-Russian bilingual students' speech in the course of acquiring English intonation. It is focused on some prosodic features of the English narrative affected by a number of interfering factors of both the native (Buryat) and non-native (Russian) languages in the context of conventional multilingualism.

Keywords: bilingualism, transfer, prosody, pronunciation features, speech melody.

В современных условиях профессиональное изучение иностранных языков требует от обучающихся достижения высочайшего уровня использования всех языковых ресурсов – грамматических, лексических и фонетических для овладения общелингвистической компетенцией, составной частью которой является фонологическая компетенция [4]. Фонологическая компетенция включает в себя знания о произносительной специфике иностранного языка (звуки, просодия, акцентно-ритмическая организация слова и фразы и т. д.), а также умения и навыки применения этих знаний в реальной ситуации общения с учетом факторов социальной среды.

Изучение специальной литературы по интересующей нас проблеме дает нам возможность говорить о том, что просодическая интерференция является не менее значимой, чем лексическая, грамматическая и другие ее виды. Правильное просодическое оформление высказываний на английском языке чрезвычайно важно для студентов, поскольку интерференция родного языка не только создает в речи сильный иностранный акцент, но и может исказить семантическое значение высказывания.

На начальном этапе овладения иноязычной интонацией обучающиеся допускают различные отклонения от произносительной нормы изучаемого языка, тем самым совершая фонетиче-

ские и фонологические ошибки, результатом чему является появление в их речи устойчивого иноязычного акцента. При этом речь билингва проходит несколько стадий развития в процессе усвоения им неродного языка – от сильного акцента до едва заметного. В проведенном нами экспериментально-фонетическом исследовании просодической интерференции бурятского и русского языка при контакте с английским в условиях бурятско-русского билингвизма в учебном процессе мы опирались на то, что одной из причин появления ошибок считают перенос автоматических лингвистических навыков из родного в неродной язык, который можно преодолеть путем сопоставительного анализа двух взаимодействующих систем, постоянной тренировки, имитации и многократного повторения правильных образцов [5].

Для изучения явлений просодической интерференции бурятского и русского языков при контакте с английским нами исследовались интонационные особенности неподготовленного чтения англоязычного текста повествовательного характера «Comma gets a cure» трех групп дикторов. В первую группу дикторов вошли жители Великобритании, говорящие на нормативном варианте британского английского языка – Received Pronunciation (далее RP). Вторая группа дикторов состояла из русскоязычных студентов, для которых английский язык является вторым

языком (далее *P*). И третья группа дикторов включала в себя студентов-билингвов, для которых бурятский язык является первым (родным) языком, русский язык – вторым и английский язык – третьим (далее *B*).

Проведенные ранее исследования показывают, что чтение идентичного текста, как никакие другие виды речевой деятельности, нивелирует влияние ситуативной вариативности на лингвистическую характеристику речевых реализаций. Этот вид речевой деятельности характеризуется использованием закрепленных в системе языка форм, что позволяет предположить, что говорящие вполне осознанно подходят к выбору правильной артикуляции звуков речи и употреблению нормированных просодических моделей.

Одну из важных позиций в области воздействия просодической интерференции, на наш взгляд, занимает *мелодика* речи. Общеизвестно, что мелодика речи носит национально специфический характер, обладая набором определенных мелодических средств, характерных для того или иного языка. К наиболее значимым ме-

лодическим особенностям речи относят характер реализации терминальных тонов и шкал в речи носителей языка.

В ходе аудиторского анализа мы определяли направление движения тона во фразе, тип терминального тона, затем вычислялась частотность использования определенных шкал и конфигураций тона у каждого информанта, после чего выводились среднегрупповые результаты в процентном соотношении.

Полученные результаты подтверждают общеизвестное положение о том, что нисходящее движение тона является одним из самых характерных в оформлении повествовательных предложений носителями английского языка. Что же касается особенностей мелодики речи в русскоязычной группе дикторов и группе бурятско-русских билингвов, то характерным в данном случае является преобладание волнообразных и ровных шкал по отношению к ступенчатой, что доказывает факт проявления просодической интерференции родного языка в иноязычной речи (табл. 1).

Таблица 1

Частотность употребления шкал в английских повествовательных предложениях в трех группах дикторов (%)

<i>Шкалы</i>	<i>Ступенчатая нисходящая</i>	<i>Ровная</i>	<i>Волнообразная</i>	<i>Восходящая</i>
<i>Группы</i>				
<i>RP</i>	51	17	19	9
<i>P</i>	21,5	32	46	0,5
<i>B</i>	15	35	50	0

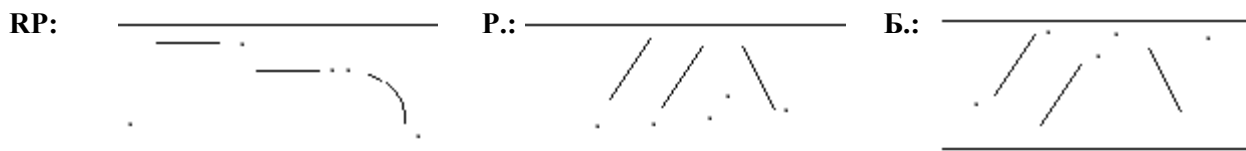
Исходя из полученных данных, мы можем выделить следующие особенности употребления шкал информантами. Частотность употребления ступенчатой нисходящей шкалы в реализации группы дикторов – носителей английского языка (51%) в 2,5–3,5 раза выше, чем в русскоязычной группе дикторов (21,5%) и в группе бурятско-русских билингвов (15%). При этом преобладание процента употребления волнообразной шкалы в 2,5 раза наблюдается в русскоязычной группе дикторов (46%) и в группе бурятско-русских билингвов (50%). Аналогичная ситуация отмечена в частотности употреблении ровной шкалы в английских повествовательных предложениях, реализуемой русскоязычной

группой дикторов (32%) и бурятско-русскими билингвами (35%).

Эксперимент показал, что как русскоговорящие монолингвы, так и бурятско-русские билингвы зачастую не справляются с правильным интонированием постепенно нисходящей шкалы. Вместо того чтобы произносить каждый ударный слог с ровным тоном, а каждый следующий за ним безударный на том же уровне, что характерно для носителей английской нормированной речи, они произносят каждый ударный слог с повышением тона, а на следующих за ним безударных слогах продолжают повышение тона.

Например:

...and washed her face in a hurry.

На рисунке 1 представлены отклонения в оформлении тремя группами дикторов нисходящей ступенчатой шкалы, выявленные при помощи электроакустического анализа (показателя F_0).

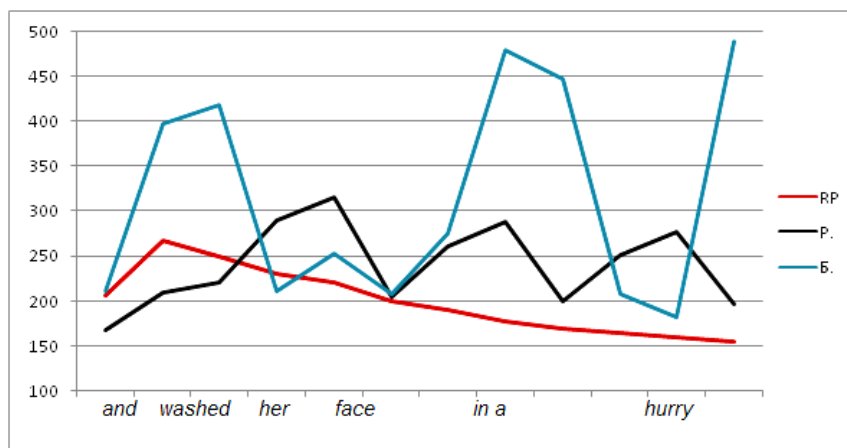

Рис. 1. Схематичное изображение синтагмы «...and washed her face in a hurry»

Здесь мы можем наблюдать постепенно понижающее направление движения тона в реализации носителей английского языка, тогда как у русскоязычных дикторов, так и бурятско-русских билингвов движение тона восходяще-нисходящее. Этот факт подтверждают и показатели частотности употребления шкал в трех группах дикторов. Частотность употребления ступенчатой нисходящей шкалы в реализации группы дикторов – носителей английского языка (51%) в 2,5–3,5 раза выше показателей двух других групп.

Следует отметить, что интонационный рисунок английской постепенно нисходящей шкалы, подвергшийся интерференции со стороны бурятского и русского языков, во многом соответствует интонационному рисунку, характерному для скандентной либо для волнообразной шкалы. Данный тип шкалы является весьма типичным для английской эмфатической речи. Следовательно, интерференция на уровне шкалы, изменяя эмоциональную сторону высказывания, может затрагивать его смысловую сторону.

В ходе нашего экспериментального исследования мы рассмотрели особенности употребления терминальных тонов в английских пове-

ствовательных предложениях, а также выявили наиболее типичные случаи проявления интерференции в оформлении терминальных тонов в реализации иноязычных дикторов.

Итак, как известно, *низкий нисходящий тон (Low Fall)* в английском языке является типичным тоном в оформлении повествовательных неэмфатических предложений [1Антип]. К характерным особенностям нисходящего тона в английском языке относится резкое понижение тона на последнем ударном слоге, он достигает самого низкого уровня диапазона говорящего (рис. 2а). Что касается бурятского и русского нисходящего тона, данный мелодический рисунок для них не является характерным, поскольку движение тона в шкале восходяще-нисходящее, и интервал изменения тона на последнем ударном слоге недостаточно большой. Кроме того, высота тона ударного слога не достигает нижней границы диапазона. Интерференция русского и бурятского языков в воспроизведении нисходящего тона иноязычными группами дикторов придает английскому интонационному контуру недостаточно ярко выраженное завершение (рис. 2б, 2в).

Например: ...near the 'Duke 'Street Tower.

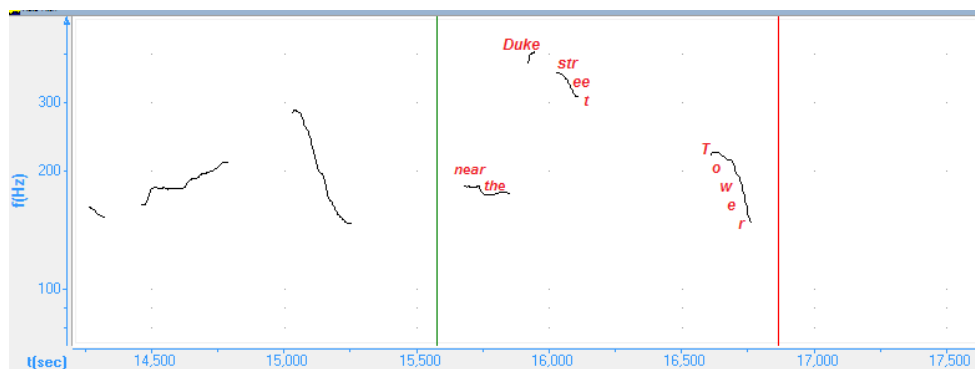
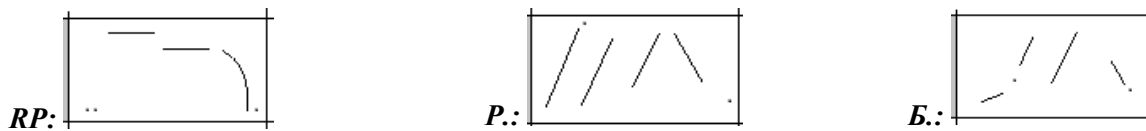

Рис. 2а. Интонограмма синтагмы «...near the 'Duke Street Tower» (Группа RP)

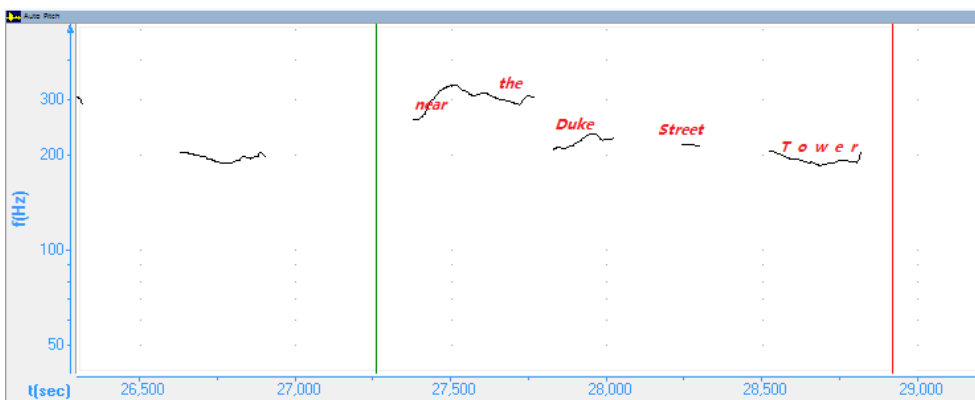

Рис. 2б. Интонограмма синтагмы «...near the 'Duke Street Tower» (Группа P)

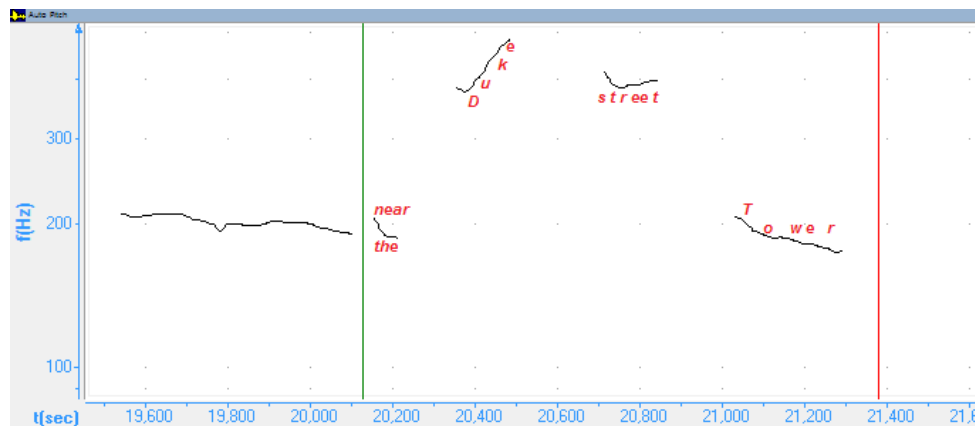

Рис. 2в. Интонограмма синтагмы «...near the 'Duke Street Tower» (Группа B)

Учитывая тот факт, что в системе английского языка кроме низкого нисходящего тона (Low Fall) существует также и средний нисходящий (Mid Fall), который не достигает низшей границы диапазона голоса и используется в неконечных синтагмах, случай интерференции,

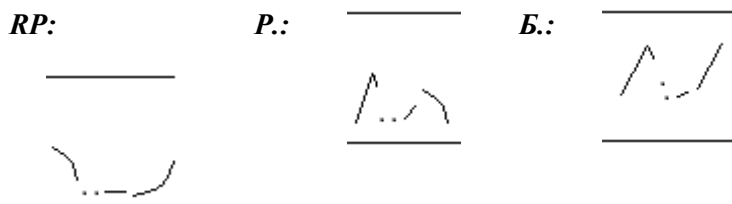
описанный и наглядно представленный выше, нарушает оппозицию «финальность и нефинальность», затрагивая текстообразующую функцию интонации.

Результаты нашего слухового анализа также выявили типичные отклонения в оформлении

перечисления в реализациях иноязычных дикторов. Нормативным интонационным оформлением данного типа структуры в английском языке считается употребление первого члена со средним нисходящим тоном (Mid Fall), второго члена – с низким восходящим тоном (Low Rise). В русском языке картина прямо противоположная: первый элемент произносится с повышением тона (ИК-3,4), а второй элемент – с понижением тона (ИК-1,2). Как показал наш эксперимент, оформление двучленных перечислений бурятско

– русскими билингвами практически не отличается от оформления одночленных предложений при помощи восходящего тона (ИК-3).

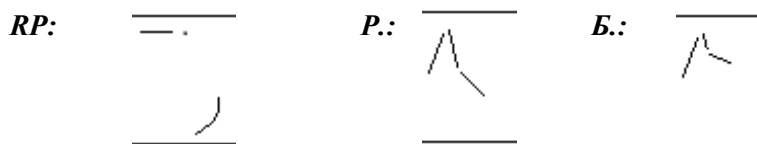
Например: *...she put on a plain yellow dress and a fleece jacket, picked up her kit and headed for work.*

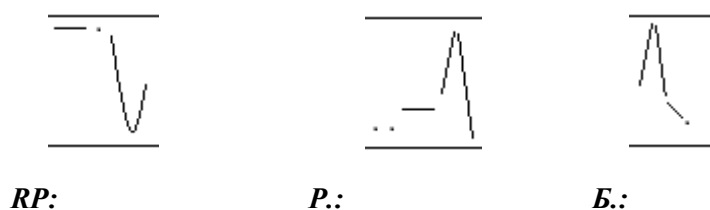
Помимо проявления интерференции русской и бурятской ИК-3 в нефинальных синтагмах, данный тип интерференции также встречается и во вводных словах и структурах в начале предложения. Для английского языка наиболее типично употребление в этих структурах низкого восходящего (Low Rise) и нисходяще-

восходящего (Fall-Rise) тонов, которые значительно отличаются от ИК-3, поэтому интерферирующее влияние в данном случае является особенно явно различимо на слух.

Например: *Even so, on her first morning she felt stressed.*

When she got there...

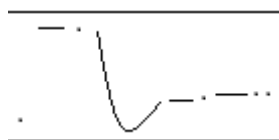

Наш эксперимент также выявил случаи интерференции во вводных словах и структурах в середине предложения. Между английским, русским и бурятским языками существует принципиальное отличие в оформлении парентетических внесений в данной позиции. Если в английском языке они присоединяются к предыдущей

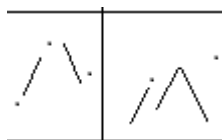
синтагме и оформляются как ее постцентровая часть, то в бурятском и русском языке они, как правило, выделяются в отдельную синтагму с собственным интонационным центром [3].

Например: *The goose's owner, Mary Harrison, kept calling...*

Р.:

Б.:

RP:

Итак, в нашем исследовании были выявлены наиболее типичные случаи интерференции русского и бурятского языков в просодическом оформлении чтения английского текста повествовательного характера, которые проявляются как в самом интонационном центре, так и в предцентральной и постцентральной частях контура. Данные типы интерферирующего воздействия родного и неродного языков на изучаемый студентами иностранный язык могут привести не только к изменению смысла высказывания путем изменения его эмоциональной окрашенности, но и к нарушению грамматической структуры предложения. Все это усиливает проявление в речи билингва иноязычного акцента, что в ряде случаев может повлиять на адекватность восприятия высказывания и, тем самым, нарушить процесс коммуникации.

Обучение иноязычной речи в данной связи является непростой лингводидактической задачей, поскольку, во-первых, неизменно сопровождается акцентно-мелодическими искажениями английской речи билингов, вызванных наложением трех просодических систем контактирующих языков, и, во-вторых, требует от преподава-

теля пересмотра образовательных стратегий, нацеленных на учет возможных интерферирующих факторов при обучении иноязычной интонации в лингвистически неоднородной аудитории [2].

Литература

1. Антипова А.М., Каневская С.Л., Пигулевская Г.А. Пособие по английской интонации. – М.: Просвещение, 1985. – 244 с.
2. Бабушкина Е.А. Особенности изучения английской интонации в лингвистически неоднородной аудитории // Фонетико-фонологические аспекты дискурса. – М.: Рема, 2013. – С. 9-16 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. (1) 661; сер. Языкознание).
3. Бураев И.Д и др. Акцентно-интонационная система бурятского языка. – Улан-Удэ, 2004. – 152 с.
4. Медведева Т.В. Фонологическая компетенция как условие успешной межкультурной коммуникации // Фонетика и фонология дискурса. – М.: Рема, 2010. – С. 255-264 (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. (1)580; сер. Языкознание).
5. Шевченко Т.И. Фонетика и фонология английского языка: курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. – Дубна, Феникс+, 2011. – 256 с.

Бабушкина Елена Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: babelena@rambler.ru

Намдакова Аяна Аркадьевна – соискатель БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: namdakova ayan@mail.ru

Babushkina Yelena Alekseyevna – cand. of philology, assistant professor of English language department of BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolina str. 24a. E-mail: babelena@rambler.ru

Namdakova Ayana Arkadievna, degree seeking student of BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolina str. 24a. E-mail: namdakova ayan@mail.ru

УДК 811.111

© Е.П. Баяртуева

О развитии концептуальной структуры созидания в английском языке

Данная статья представляет собой попытку автора использовать методы диахронического анализа в изучении особенностей структуры концептуального поля созидания. Исторический аспект развития изучаемого концепта позволяет углубить понимание его структуры, а также выявить основные тенденции развития концепта «созидание» в английском языке, отражающие определенные когнитивные процессы англоговорящего сообщества.

Ключевые слова: когнитивный подход, концептуальное поле созидания, прототипическая структура, диахронический подход, исторический метод, тенденции развития, расширение значения, десемантизация.

Concerning the Creation Concept Structure Development in English

The article is an attempt to apply the methods of diachronical analysis to the conceptual field of creative activity research. The historical aspect of the concept can make understanding of the concept under analysis more profound; besides, it helps educe the major drifts of the concept in English, which reflect some definite cognitive processes of English-speaking community.

Keywords: *cognitive approach, conceptual field of creativity, prototypical structure, diachronical approach, historical method, meaning drifts, extension of meaning, loss of meaning.*

Рассматривая структуры концептов и понятий в современных языках, исследователь не может обойти своим вниманием развитие данных структур, отражающих ту или иную область репрезентации и, соответственно, развития когнитивных механизмов и их изменения, поскольку, как отмечает Ю.С. Степанов, это способствует изучению того глубинного слоя, который существует в современном состоянии культуры (и языка. – Е.Б.) в неосознаваемом людьми, скрытом виде [Степанов, 2001, 54]. Таким образом, исторический метод исследования помогает нам в определенной степени раскрыть сущность когнитивных механизмов в сознании человека, так как «история концептов культуры (и, соответственно, языка. – Е.Б.) строится как преемственность концептов» [Степанов, 2001, 56]. То есть, концепты надо изучать на основе данных, существовавших ранее и передававшихся из поколения в поколение, используя наряду с другими методами концептуального анализа и исторический метод исследования.

Концептуальное поле созидания представляет собой одно из центральных областей сознания человека и является подвидом категории изменения. Данное концептуальное поле обладает широко развитой структурой, при этом, несомненно, оно имеет свои особенности в представлении посредством английского языка, отражающие определенные аспекты развития англоговорящего сообщества, в частности, и человеческого общества в целом (подробнее об особенностях структуры концепта созидания в современном английском языке см.: Баяртуева 2010; 2012).

Прототипическая структура созидания не претерпела принципиальных изменений с древнеанглийского периода, то есть с того периода, когда появились первые письменные источники, по которым можно ее изучать. В качестве примера репрезентации прототипической концептуальной структуры созидания может служить следующее предложение: *Samson mōste him macian sum gamen* – «Самсон должен сделать себе какую-либо игру». В данном предложении

присутствуют все обязательные компоненты пропозитивной структуры созидания: субъект действия (*Samson*), действие (*macian*) и объект, который появляется в результате действий субъекта (*gamen*).

Учитывая процессуальный характер ситуации созидания, первичным средством ее выражения служит предикат.

В древнеанглийском языке три глагола имели одинаковое значение и являлись ядерными для репрезентации ситуации созидания: *dōn*, *macian* и *wyr(e)an*: *þou haues don a wicke dede* – «ты **сделал** дурное дело»; *Sæde him bispell hū hē hit macian sceolde zif hē hēora þezen bēon sceolde* – «Сказал ему, как он должен **поступать**, если он должен стать их слугой»; *Ac hē is lēas wyrwend* – «но он есть зло **творящий**».

Первоначальное значение глагола *dōn* было чисто локальным: «сажать», «класть», «ставить» (впоследствии вместо глагола *dō* в этом значении начинает употребляться глагол *put*): *Him dā gegiredon Gēata lēod ād on eorðan unwāclīcne* – «тогда ему **приготовили** люди Геатов огромный костер на земле». При этом уже с древнеанглийского периода основным значением глагола *dōn* было значение «совершать», «делать».

В среднеанглийский период глагол *wyr(e)an* (совр. *work*) теряет значение «делать» и начинает употребляться только в значении «работать», соответственно, ядерными глаголами создания остаются два глагола – *do* и *make*.

В древнеанглийском и среднеанглийском языке оба вышеуказанных глагола могут сдвигать свое значение в сторону глаголов побуждения к действию; при этом после них стоит инфинитив без частицы *to*: 1) *zif þou me dest to deþe bringe* – «если ты **прикажешь** меня убить»; 2) *that makes you look miserable* – «это **заставляет** вас выглядеть несчастным». Первый пример демонстрирует сдвиг в значении глагола *do* в сторону значения глаголов приказа (речи), тогда как глагол *make* развивает чисто каузативное значение, которое очень широко представлено данным глаголом в современном английском языке. При этом в среднеанглийском языке

глагол *do* выступает в значении побуждения к действию чаще, чем глагол *make*. В современном английском языке данное использование глагола *do* не является широко распространенным.

Возможно, ограничение развития значения глагола *do* в сторону значения побуждения к действию объясняется тем фактом, что именно глагол *do* стал использоваться для образования аналитических форм, то есть стал глаголом наиболее широкой семантики после глаголов *be* и *have*. Одновременно с расширением служебного использования глагола *do*, сузилась сфера его употребления как лексически полнозначного глагола: из трех значений, присущих ему в древнеанглийском («класть», «делать», «заставлять»), он сохранил только одно – «делать, совершать», но и в этом значении он был потеснен глаголом *make*, который стал передавать присущее раньше глаголу *do* значение действия, в процессе которого достигается определенный результат [Иванова 1976, 186-188]. Таким образом, в современном английском языке глагол *do* утратил значение соиздания практически полностью.

Однако следует отметить, что в современном английском языке наблюдаются случаи использования глагола *do* вместо глагола *make*, например: *Max Meyer was in Steerborough to see if he might do a painting*, т.е. мы наблюдаем в определенной степени возвращение функционирования глаголов *do* и *make* к своему первоначальному состоянию. Таким образом, принимая во внимание развитие первичного значения и англо-саксонский характер его происхождения, следует признать глагол *make* ядерным глаголом со значением соиздания в современном английском языке.

Развитию каузативного значения глагола *macian* способствовало его использование в конструкциях с местоимением *hit*, которое уже в древнеанглийский период демонстрировало тенденцию к десемантизации данного глагола. Так, в древнеанглийский период встречались отдельные случаи употребления *hit* в функции дополнения, имеющего неопределенное, максимально обобщенное значение, как правило, с непереходными глаголами.

Из переходных глаголов *hit* в таком употреблении встречается только с *macian*, но в этом случае оно сохраняет обобщенное лексическое значение и не может считаться полностью формальным (чисто структурным) дополнением: *rehton hū hī hit macedon on Decius Cāseres tīman* – «рассказывали, как они поступали во времена десятого цезаря».

В среднеанглийский период такое употребление почти исчезает. Сохраняются лишь случаи употребления *it* с обобщенным, неопределенным лексическим значением после глагола *make*, причем только в конструкции «*make+it+Adj.*»: *Straunge he made it of his marriage* – «Он сделал свою женитьбу странной»; *he wolde not make it faire with þese ordris* – «он не хотел восстанавливать справедливость этими приказами».

После 1500 г. глагол *make*, выступая с формальным *it*, одновременно сочетается с прилагательным. В этом случае он приобретает аспектуальное значение, а по функционированию приближается к глаголу-связке: *Mary, you make it tough* – «Мэри, ты становишься опасной»; *I make it tough, I make it so, as maidens do* – «Я становлюсь опасным и хитрым, как девица» [Иванова, Чахоян 1976, 228-229].

В новоанглийский период глагол *make* становится одним из самых употребимых каузативных глаголов в том случае, когда он употребляется в структуре с объектом, выраженным предикативной конструкцией: *I must acknowledge it a great presumption in me to make you this address* [Иванова, Чахоян 1976, 230].

Кроме вышеназванных ядерных глаголов соиздания, в древнеанглийском языке существовали другие глаголы данного класса с общим значением соиздания, например, *scyppan*: *And dēofol nāne zescefta (1) scyppan ne mæz* – «а дьявол не может создать ни одного творения»; *ācennan* “produce”.

Также как в современном английском языке, в древнеанглийском языке существовала группа глаголов соиздания, маркированных по признакам, раскрывающим некоторые особенности процесса соиздания. К таким маркировочным признакам можно отнести:

1. «Способ действия субъекта»:

- Выращивание (питание): *alan* “to nourish, grow, produce”; *ālædan* “to be produced, grow, come forth”.

- Обработка: *ābacan/ ābrædan* “to bake”.

- Придание формы: *āmetan* “form”.

- Сочинение: *ādihtan/ ādihtian* “to compose”.

- Рисование: *āmētan* “to paint”.

- Соединение, собирание: *bindanne, bindan* “to bind; *tō zardienne* “to gather”: *Þā onzān sē æpelunz Edmunz tō zardienne fyrde* – «Тогда начал благородный Эдмунд собирать армию»; *zetimbrian* “to build” (первоначально строить из дерева) и образованное от него существительное *zetimbrung* – “building”: *Rōmāne hēton zetimbrian Cartaina* – «Римляне приказали восстанавливать Карфаген». Следует отметить, что

уже в древнеанглийском языке первоначальное значение глагола *zetimbrian* утратилось, поэтому материал (дерево), из которого строились сооружения, мог эксплицитироваться в поверхностной структуре предложения: *hē hēt zetimbrian cirican of trēowe* – «он приказал **построить** церковь из дерева».

- Порождение звуков: *āgalan* “to sound forth”; *āgēomrian* “to mourn”; *āgielpan* “to exult in”; *Hwæt sceal ic sinzan?* – «Что я должен *петь?*»; *Hīe hæfdon heora lufsang zesungene* – «Они *спели* свою хвалебную песню».

- Письмо: *āgrafan* “to carve”.

- Говорение: *ābannan* “to command”; *Word æfter spræc heard under helme* – о «слово затем **сказал** храбрый в шлеме»; *Men ne cunnon seczan to sōðe sele rædenne hæleð under heofenum, hwā þæm hlæste onfēnz* – «Люди не могут **сказать** наверняка, советники в зале, воины под небесами, кто тот груз принял».

2. «Тип объекта». В отдельных случаях семантический компонент «тип объекта» мог ограничивать сочетаемость глагола созидания с определенным существительным, обозначающим объект (или результат) действия субъекта, например, глаголы созидания типа *wiglian* «делать предсказания»: *Nū wīzliað stunte men menizfealde wīzelung on ðissum dæze* – теперь **делают** глупые люди в этот день многочисленные *предсказания*. Глагол *wiglian* и существительное *wīzelung* «предсказания» являются однокоренными и, соответственно, в глаголе фактически повторяется информация об объекте, т.е. данный глагол является семантически маркированным по виду объекта.

Следует, однако, отметить, что в целом глаголы созидания не маркированы по признаку объекта и сочетаются как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными: *Þæt is þat nān man dōn ðþere* – «это значит, что ни один человек не **создает** *другого*»; *Pa zesceafta ðe sind þwyrlice zedūhte, hē sind tō wrace zesceapene yfel-dæddum* – «создания, которые кажутся напрасными, *они созданы* на несчастье для злодеяний»; *Mysel yfel dēð sē unwītere, zif he nele hys wōh zerihtan* – «много *зла* **сделает** писатель, если он не захочет исправить свои ошибки»; *Hē hæfð ton zeworhtne* – он **создал** человека; *Is wille wyrcean mīn setl on norðdæle* – Lat. *Ponam sedem meam ad aquilonem* – Я **воздвигну** свой *трон* в северной части.

3. «Каузативность действия». В древнеанглийском языке существовало большое количество глаголов созидания, которые в своем значении имели компонент каузативности (2). При

этом в результате действий субъекта изменялась целая ситуация, в которой объект воздействия мог приобретать определенные свойства или состояния, либо был вынужден совершать определенные действия. В соответствии с данными особенностями мы подразделяем глаголы этой группы на глаголы со значением:

- «Придание какого-то свойства или состояния объекту»: *ālænian* “to make lean, soak”; *tō ābarian* “make bare”; *ābæligan* “make angry”.

- «Каузативность какого-либо действия объекта»: *āgeolwan* “to make to glitter as gold”; *āhrēran* “make to tremble”.

Кроме того, в древнеанглийском языке, также как в современном английском языке, существовали лексические единицы, передающие значение вторичного образования/создания чего-либо: *Þā alysnesse monna cynnes þurh ūpstize on heofonas* – «**возрождение** рода человеческого через вознесение на небеса»; *āgnian* “make over (to)”.

В среднеанглийский период процесс расширения значения (десемантизации) глаголов созидания продолжается и расширяется за счет:

- Появления устойчивых словосочетаний с глаголами созидания: *Ther was whilom a lords sone, Which of his pride a nyce wone Hath cawht* – «Тогда был сын лорда, который благодаря своей гордости **выработал** в себе хорошую *привычку*».

- Развития каузативного значения, которому способствовало появление предикативных конструкций: *Heo madeð him sunezen on hire* – «Она **заставила** его грешить из-за себя».

- Возникновения в конце среднеанглийского периода грамматизованных глагольно-объектных словосочетаний (фразеологических глаголов): *wile I make a leepe ffrom him* «я хочу **убежать** от него»; *to hire chaumbre she made a flezth* «Она **убежала** в свою комнату»; *And smale foweles maken melodye* – «И маленькие птички **поют песни**».

В новоанглийский период тенденция к расширению значения у глаголов созидания в вышеуказанных случаях сохраняется, кроме того, данная тенденция увеличивается за счет появления фразовых глаголов типа *work out*: *Did not I say he would work it out?*

Следует также отметить расширение группы глаголов созидания за счет появления в английском языке заимствований из французского языка в результате норманнского завоевания. Пожалуй, самым показательным глаголом в этом плане является глагол *create*, который в современном английском языке является ядерным для

выражения значения созидания наряду с глаголом *make*.

Более того, в современном английском языке глаголы *create* и *make* используются взаимозаменяемо: *She creates noise and mess and the mumbling speech that the doctor said should improve quickly takes weeks to go away* (Rachel Seiffert. Reach).

В способе репрезентации субъекта мы также можем наблюдать тенденцию к использованию абстрактных понятий в качестве как самостоятельно действующих сущностей, которые, будучи созданными самим человеком, перестают ему подчиняться и сами становятся способными влиять на жизнь человека, не всегда в пользу последнего, например: *This steady trend created a sense of inevitability about media conglomeration* (Economist 2002). В данном предложении описывается такая ситуация, когда определенная тенденция может вызвать негативный для общества процесс конгломерации средств массовой информации. То, что результат тенденции является нежелательным, репрезентируется использованием существительного *inevitability*, поскольку считается, что отсутствие выбора для человека – это плохо.

Ту же тенденцию к расширению концептуального поля созидания в английском языке мы наблюдаем на примере развития способов выражения объекта созидательной деятельности. Индустриальное, экономическое, техническое развитие человеческого общества способствовало созданию таких артефактов в жизнедеятельности человека, которые имеют не только физическое, материальное воплощение (средства передвижения, электроприборы, заводы и т.д.), но подчас являются чисто ментальными или психическими объектами (виртуальные миры, Интернет, голограммы).

Таким образом, на примере развития концептуального поля созидания в английском языке мы можем проследить основную тенденцию

развития данного поля – его расширение. Данная тенденция тесно связана с развитием общества, влияние которого, как показывает проведенный анализ, способствует становлению более аналитического, абстрактного мышления. Можно предположить, что подобный процесс затронул языки всех цивилизованных народов, в связи с чем представляется интересным рассмотреть развитие концептуального поля созидания также и в других языках.

Примечание

1. В наименовании объекта в данном случае присутствует указание на Субъект номинации (подробнее см.: Баяртуева 2010).

2. Следует оговориться, что сама по себе ситуация созидания является каузативной, поскольку субъект своими действиями приводит к тому, что появляется объект. Однако в данном случае мы наблюдаем отсутствие появления объекта; появляется только его определенное свойство или состояние либо он вынужден совершать определенные действия. Данное наблюдение позволяет нам, тем не менее, отнести описываемые глаголы к группе глаголов созидания.

Литература

1. Баяртуева Е.П. Субъект пропозиции и Субъект номинации в структуре созидательной и деструктивной деятельности (на материале русского и английского языков) // Вестник ИГЛУ. – № 4(12). – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2010. – С. 155-161.

2. Баяртуева Е.П. Концептуализация созидательных и разрушительных процессов в структуре категории изменения (на материале русского и английского языков) // Вестник БГУ. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – Вып. 11. – С. 25-28.

3. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.

4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Наука, 2001. – 992 с.

5. Economist, 2002.

6. OEME – Old English Made Easy [Электронный ресурс]. URL: http://home.comcast.net/~modean52/oeme_dictionaries.htm.

Баяртуева Елена Петровна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры английской филологии ФГОУ ВПО «Бурятский государственный университет», 670000 Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а. Тел. (8-301-2)-23-70-24, 89516205512, e-mail: kandidat2002@inbox.ru.

Baiartueva Elena Petrovna – Kandidat Philologicheskikh Nauk, Docent, Senior Research Associate of English Philology Chair of the Buryat State University, 670000 Republic of Buryatia, Ulan-Ude City, 24a Smolina Str. Phone: (8-301-2)-23-70-24, 89516205512, e-mail: kandidat2002@inbox.ru.

УДК 81:39(=133.1)(=512.157)

© И.З. Борисова

Концепт «любовь» в пословичной картине мира во французском и якутском языках

В статье речь идет об одном из ключевых концептов картины мира. В разных картинах мира любовь, несмотря на то что является объективной данностью, имеет разное преломление. Наиболее четко это обстоятельство прослеживается в пословицах.

Любовь один из базисных концептов, определяющих ментальность народа. В статье определены общие и различные черты данного концепта в пословичной картине мира французов и якутов. Данные знания помогут носителям якутского языка, изучающим французский язык, и будут способствовать успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: любовь, ключевой концепт, пословичная картина мира, картина мира, тематика пословиц.

I.Z. Borissova

The “love” concept in the french and yakut languages proverb world image

The article discusses one of the world image key concepts. Love is interpreted slightly different in various world images, despite the fact that it is an objective entity. This can be clearly seen in proverbs.

Love is one of the basic concepts, defining the national mentality. The article also defines the general and various features of the love concept in the French and Yakut proverb world image. These facts can help the Yakut language speakers, who are studying French, and will significantly help in the process of interpersonal communication.

Keywords: love, key concept, the proverb world image, world image, the proverb themes.

Любовь как выражение эмоционального и чувственного восприятия окружающей среды, взаимоотношений между людьми и полами имеет огромное значение в жизни любого человека. Любовь имеет большое значение в картине мира любого человека и определяет его отношение к миру. В разных картинах мира любовь, несмотря на то что является объективной данностью, имеет разное преломление. Наиболее четко это обстоятельство прослеживается в пословицах.

Известно, что в основе различных культур лежат системы ценностных ориентаций, которые находят свое отражение в пословицах, а лингвистический анализ этих высказываний дает возможность объективно установить некоторые ценностные приоритеты сравниваемых культур.

Любовь является одним из базисных концептов, определяющих ментальность народа, и нами определены темы, определяющие данный концепт в пословичной картине мира.

Первое место занимает группа **«любовь и дружба (12)»**.

При сопоставлении пословиц сразу же привлекает внимание тот факт, что только во французском языке существует такая группа:

L' amitié est toujours profitable, l' amour est parfois nuisible. (Букв.: Дружба – всегда полезна, а любовь иногда вредна.)

L' amitié finit parfois en amour, mais rarement l' amour en amitié. (Букв.: Дружба иногда превращается в любовь, но редко любовь в дружбу.)

L' amour et l' amitié s' excluent. (Букв.: Любовь и дружба несовместимы.)

Дружба во французской пословичной картине может превратиться в любовь, а редко любовь в дружбу.

Второе место занимает группа **«любовь и ненависть» (10)**. Такая тематическая связь, как и первая группа в большом количестве существует во французской пословичной картине мира.

On aime sans raison, et sans raison l' on hait. (Букв.: Любят без причины и ненавидят без причины.)

Il y a un temps pour aimer et un temps pour haïr. (Букв.: Всегда найдется время для любви, и ненависти.)

L' amour et la haine dépassent toujours les bornes. (Букв.: Любовь и ненависть всегда переходят границы.)

Характерной особенностью этой группы является то, что человек, когда любит, может одновременно ненавидеть. Любовь так же сильна, как и ненависть. Французские пословицы вклю-

чают мысль о том, что как любовь, так и ненависть безрассудны, переходят границы.

Третье место занимает группа «**любовь и визуальные ощущения**» (7).

L' amour naît du regard. (Букв.: Любовь начинается со взгляда)

L' amour est tout yeux et ne voit rien. (Букв.: Любовь – это глаза, но они ничего не видят.)

L' amour a besoin des yeux comme la pensée a besoin de la mémoire. (Букв.: Любовь нуждается в глазах, также как мысль в памяти.) Во французской пословичной картине мира имеется 7 пословиц, утверждающих о важности оценки взглядом, любви взглядом, внешних ощущений, в целом визуальных ощущений. Объясняется данное обстоятельство особым местом эстетических ощущений, внешней красоты, вообще красоты во французской картине мира.

Группа «**любовь и ревность**» (6).

Такой тематической связи в якутских пословицах нет.

Il n' y a point d' amour sans jalousie. (Букв.: Без ревности любовь не любовь)

La jalousie est la soeur de l' amour. (Букв.: Ревность – сестра любви)

Il y a dans la jalousie plus d' amour – propre que d' amour. (Букв.: В ревности больше любви, чем в самой любви.)

Отличительной чертой является то, что без ревности любовь не любовь. Если человек любит, то он должен ревновать.

Далее идет группа «**любовь слепа**» (5).

L' amour est aveugle et croit que personne ne le voit pas. (Букв.: Любовь слепа и думает, что никто это не замечает.)

Несмотря на то, что имеется большое количество пословиц о значении визуального ощущения в любви, также имеется значительное количество пословиц, характеризующих это чувство как слепое.

В якутских пословицах на эту тему гораздо более значительное место, чем во французском языке, занимают пословицы с отрицательной оценкой концепта «Любовь».

Шестое место занимает группа «**любовь и смерть**» (5).

L' amour est fort comme la mort. (Букв.: Любовь такая сильная как смерть.)

Любовь ставится в один ряд со смертью.

Седьмое место занимает группа «**любовь и бедность**» (4).

L' amour et la pauvreté font ensemble mauvais ménage. (Букв.: Любовь с нищетой плохо уживаются.)

Любовь не уживается с бедностью, бедность убивает любовь.

Далее идет группа «**любовь и время**» (2).

L' amour fait passer le temps, et le temps fait passer l' amour. (Букв.: Любовь убивает время, время убивает любовь.)

Связь любви со временем во французской картине прослеживается реже, чем в якутской культуре.

Группа «**старая любовь**» (2).

Vieil amour ne se rouille jamais. (Букв.: Старая любовь никогда не забывается.)

Тема старой любви, первой любви во французской пословичной картине развита и представлена больше.

Группа «**любовь и деньги**» (2).

Деньги играют очень важную роль в жизни общества. Они низвергают человека в бездну страстей:

L' amour est la seule passion qui se paie d' une monnaie qu' elle fabrique elle – même. (Букв.: Любовь – это страсть, которая не стоит денег.)

L' amour ne se paie qu' avec l' amour et les oeuvres avec les oeuvres. (Букв.: За любовь не платят)

Группа «**любовь и закон**» (2).

L' amour n' a point de règle. (Букв.: На любовь закона нет)

L' amour ne fait point de mal au prochain: l' amour est donc l' accomplissement de la loi. (Букв.: Любовь не знает закона.)

Группа «**любовь и ссора**» (2).

Le plaisir des disputes, c' est de faire la paix. (Букв.: Милые бранятся, только тешатся.)

Единичными примерами представлены группы: «**любовь и бог**», «**любовь и веселье**», «**состояние влюбленного**», «**любовь и расстояние**» и «**любовь и карты**»:

Группа «**любовь и бог**»

Dieu est là où habite l' amour. (Букв.: Где бог, там и любовь.)

Группа «**любовь и веселье**»

L' amour apprend aux ânes à danser. (букв.: Любовь и осла научит плясать.)

Группа «**состояние влюбленного**»

L' amour fait perdre le repas et le repos. (Букв.: От любви, что от болезни, теряют сон и аппетит.)

Группа «**любовь и расстояние**»

L' amour rapproche la distance. (Букв.: К милосту и семь верст не околица.)

Группа «**любовь и карты**»

Heureux au jeux, malheureux en amour. (Букв.: Кому везет в картах, тому не везет в любви.)

В якутской пословичной картине любовь наполняется конкретным содержанием, связанным непосредственно с устройством жизни:

созданием домашнего очага, рождением детей, продолжением родового клана. С одной стороны, любовь относится к области духовной натуры человека, исходящей из глубинных тайн душевной его природы. С другой стороны, любовь есть биологическое влечение двух телесных тел. Оно ощущается физически, является материализованным представлением чувственных восприятий человека [15, с. 203].

Понятие любви – таптал – описано в эпического мифотворчестве.

В пословичной картине мира якутского языка самым продуктивным является тема: «любовь слепа».

Первое место занимает группа «**любовь слепа**» (5).

В якутской пословичной картине мира любовь считается божественным определением и божественным даром. Также пословичная картина показывает, что в якутской культуре не принято выражать чувства открыто. Подчеркиваются безрассудность и божественная предначертанность чувства. Они влюбляются безрассудно.

Сөбүлээбит сүгэхэрдээҕи батыһар, таптаабыт тайахтааҕы батыһар. (Букв.: *Полубивший (ая) идет и за тем, кто с ношей за плечами, влюбившийся (аяся) идет и за тем, кто с посохом.*)

Тапталтан киһи харалҕан буолар. (Букв.: *Любовь слепа.*)

Таптала киһи булбат, таптал бэйэтэ булар. (Букв.: *Человек не находит любви, а она сама находит.*)

Второе место занимает группа «**любовь и ссора**» (3).

Таптыыртан харах араһнат, абааһы көрөртөн тыл араһнат, ыалдьартан илии араһнат. (Букв.: *От милого не отрывается взор, ненавистного не оставляет язык, с больного места не сходит рука.*)

Таптаһар ойох – эр охсуһуулаах буолар. (Букв.: *Милые бранятся – только тешатся.*)

Ыалдьартан илии араһнат, сөбүлүүртэн сүрэх араһнат. (Букв.: *Где больно, там рука, где мило, тут глаза.*)

Третье место занимает группа «**любовь и визуальные ощущения**» (3).

Бабарартан харах араһнат, сөбүлүүртэн сүрэх араһнат. (Букв.: *С желанного (ой) глаз не сводится, от полюбившегося (ейся) сердце не отходит.*)

Таптал хараһха баар. (Букв.: *Любовь живет в глазах.*)

Тарбаххынан талан, сүрэххинэн сөбүлээн, хараһхынан хайҕаан ыл. (Букв.: *Выбирай пальцами, одобряй сердцем, хвали глазами.*)

Большое значение имеет понятие – выбирают глазами. В якутской пословичной картине к этим визуальным параметрам для выбора объекта любви прибавляются тактильные ощущения. В пословицах о любви большое значение имеет сердце.

Группа «**любовь и богатство**»(2).

Таптал диэн дьол, оттон баай диэн күн кырааската. (Букв.: *Любовь – это счастье, а богатство – это видимость.*)

Таптал баай хоту, аат сурах да буолбат. (Букв.: *Любовь не ради богатства и не ради имени и славы.*)

В пословичной картине мира якутов красной линией проходит мысль о том, что богатство не может заменить любовь.

Группа «**любовь и бог**» (2).

Тапталга танара гынан үңэр. (Букв.: *Молится, как богу.*)

Таптаһар дьон таңаралара биһир. (Букв.: *У любящих божество общее.*)

Группа «**любовь и смерть**» (1).

Таптал иһин тыына быстыбыт диэбиккэ дылы. (Букв.: *За любовь он отдал свою жизнь, как говорится.*)

Человек умирает, но любовь как духовная сущность остается в памяти народа. Воображением фольклорного творчества она возрождается как сама природа в виде весенне-летнего «бэрдьигэс от», полевого хвоща.

Настоящая любовь в пословичной картине якутов представлена как бессмертная. Прежде всего, это – состояние духовное. В мировоззренческой системе народа саха природной сущности характера проявлений любви придается особое значение.

Нами выявлено, что во французском языке 7 слов, в якутском – 3 слова, которые в своей семантике имеют значение «*интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею*».

Особенностью пословичной картины мира является тематическая связь «любовь и дружба» (12). При сопоставлении пословиц сразу же привлекает внимание тот факт, что только во французском языке существует такая группа. Во французской пословичной картине мира любовь отделяется от дружбы, предполагая этим самым ее особое положение.

Особенностью пословичной картины мира народа саха является тематическая связь «любовь слепа» (5). У якутов любовь считается бо-

жественным определением и божественным даром.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы:

1. Особенностью пословичной картины мира французского языка является тематическая связь «любовь и дружба» (12). При сопоставлении пословиц сразу же привлекает внимание тот факт, что только во французском языке существует такая группа.

2. Французская пословичная картина показывает преобладание визуальной оценки, внешних ощущений, визуального ощущения.

3. В якутской пословичной картине к визуальным параметрам для выбора объекта любви прибавляются тактильные ощущения. Это также хорошо проглядывается и в этимологии слова «таптал», в котором имеется тактильный компонент.

4. Большое значение в пословичной картине якутов имеют визуальный и тактильный компоненты, которые дополняются участием сердца, то есть подчеркивается роль интуиции.

5. Особенностью пословичной картины мира народа саха является большая тематическая связь «любовь слепа» (5). В якутской пословичной картине мира любовь считается божественным подарком.

6. Для французской пословичной картины концепт «любовь» включает высокий эмоциональный накал, любовь и ненависть идут параллельно. Французские пословицы включают мысль о том, что как любовь, так и ненависть – безрассудны, переходят границы.

7. Отличительной чертой французской пословичной картины является наличие большего количества пословиц выражающих связь любви и ревности.

8. В якутской пословичной картине мира любовь связана с физическими побоями, ссорами. В пословицах проходит мысль о недостаточности любви без побоев.

9. В пословичной картине мира якутов красной линией проходит мысль о том, что бо-

гатство не может заменить любовь. Во французской пословичной картине мира любовь и бедность не уживаются.

10. Тема связи любви и времени прослеживается у французов.

11. Тема «любовь и смерть» и их тесная взаимосвязь прослеживается во французской пословичной картине.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991.
2. Даль В.И. Напутное // Пословицы русского народа: сб. – М., 1957.
3. Емельянов Н.В. Сборник якутских пословиц и поговорок. – Якутск, 1962.
4. Емельянов Н.В. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1962.
5. Жигулев А. Русские народные пословицы и поговорки. – М., 1958.
6. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – М., 1994.
8. Кулаковский А.Е. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск, 1945.
9. Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск, 1979.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Мн.: Тетра Системс, 2004.
11. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. – М., 1975.
12. Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М., 1961.
13. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах. – Новгород, 1997.
14. Соболев А.И. Русские пословицы и поговорки. – М., 1983.
15. Уткин К.Д. Религиозные воззрения коренных народов Якутии. – Якутск, 2000.
16. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. – М., 1994.
17. Философия любви. – М., 1990.

Борисова Изабелла Захаровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры французской филологии института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, д. 58. Тел.: 89142255596, 4112-36-59-98, e-mail: Isborissova05@rambler.ru

Borisova Isabella Zakharovna – Cand. Sc. (Education), associate professor of the Department of French Philology of the Institute of Foreign Philology and Regional Studies, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Russia, 677000, Yakutsk, Belinskogo st., 58. Phone: 89142255596, 4112-36-59-98, e-mail: Isborissova05@rambler.ru

УДК 80

© Б.В. Дондокова

К содержанию термина «этнокультурный аспект аргументации»

В статье уточняется содержание термина «этнокультурный аспект аргументации». Анализируются особенности использования аргумента к всеобщности в англоязычных и русскоязычных публицистических источниках. Выдвигается гипотеза о том, что различия в реализации этого приема в двух культурах обусловлены определенными этнокультурными ценностями.

Ключевые слова: аргументация, универсальная аргументация, этнокультурный аспект аргументации, этнокультурные ценности, аргумент к всеобщности, аксиологические стратегии, количественная оценка.

B.V. Dondokova

On the content of the term «ethnocultural aspect of argumentation»

The article clarifies the content of the term «ethnocultural aspect of argumentation». The special attention is paid to how the argument to the universality is used in the English-speaking and Russian-speaking journalistic texts. It is hypothesized that the differences in the implementation of this type of argument in two cultures is subject to certain ethnic and cultural values.

Keywords: argumentation, universal argumentation, ethnocultural aspect of argumentation, ethnic and cultural values, axiological strategies, quantitative evaluation.

Логические основания аргументации универсальны и присущи носителям различных языков и культур, однако способы реализации универсальных значений в аргументации часто разнятся и подвластны этнокультурным ценностям. Целью данной статьи является защита данного положения на примере использования универсального аргумента к всеобщности носителями двух разных языков и культур – американской и российской.

В области аргументации можно выделить этнокультурный аспект аргументации и универсальную аргументацию. Наряду с термином «этнокультурный аспект аргументации» существует термин «этнокультурная аргументация». В результате, оба термина используются как взаимозаменяемые, что, на наш взгляд, неправильно. Необходимо разграничить эти термины, потому что их семантические различия диктуют совершенно разные точки зрения на природу аргументации.

Термин «этнокультурная аргументация» восходит к идеологии универсального в языке. Обратимся к её лингвистическим основаниям. Авторы «Грамматики Пор-Рояля» Антуан Арно и Клод Лансло исходили из существования общей логической основы у языков и считали, что отдельные языки – это своего рода видоизменения одной универсальной языковой схемы, которая совпадает с универсальной логической схемой [1]. Такое видение грамматики и языка в целом соотносится с фундаментальными

правилами аргументации, построенными на универсальных законах логики.

Другой автор идеи об универсальной грамматике, Ноам Хомский утверждал, что грамматические принципы, лежащие в основе языков, являются врождёнными и неизменными. Американский учёный описал грамматику языка как механизм порождения: преобразование посредством трансформации глубинной структуры в поверхностную структуру. Глубинная структура принадлежит сфере мыслительной деятельности и представляет собой отправной момент для оформления высказывания в речевой деятельности. Поверхностная структура – конкретная речевая структура. Согласно Грамматике Пор-Рояля и универсальной грамматике Н. Хомского, модели оформления мысли – глубинные структуры – характерны для всех языков. Их можно понять с помощью законов логики, рационального. Поверхностные структуры, с помощью которых происходит оформление конкретных речевых высказываний конкретного языка, уникальны, неповторимы. Их понимание подвластно только носителям языка [1], [4]. Проецируя данные положения теории универсальной грамматики, представления о глубинных и поверхностных структурах языка в область аргументации, мы утверждаем, что здесь также наличествуют и универсальные компоненты, и этнокультурные.

Говоря об «этнокультурном аспекте аргументации» и о понятии этнокультурного вообще, необходимо обратиться к учению В. фон

Гумбольдта о внутренней форме языка. Последнее понималось учёным и его последователями как нечто уникальное, присущее только данному языку и отличающее его от всех остальных языков мира. Каждый язык благодаря своей неповторимой внутренней форме по-своему концептуализирует действительность, в каждом языке заложено своё специфическое мировоззрение, а носитель этого языка, с самого раннего детства усваивая язык, вместе с ним усваивает и определённые навязанные языком концептуальные структуры. Последние в силу своей неповторимости и уникальности могут не совпадать с концептуальными структурами носителей другого языка и культуры [3].

Переноса представления В. фон Гумбольдта об уникальном в языке в область аргументации, мы утверждаем, что наряду с универсальными приёмами в аргументации присутствуют и этнокультурные аргументационные ходы. Отметим также, что термин «этнокультурный аспект аргументации» более последовательный, логически сообразный термин, т.к. подразумевает существование и универсальных принципов аргументации, и её этнокультурного аспекта. Термин «этнокультурная аргументация» исключает существование общей основы аргументации, считая аргументацию неотъемлемой от этнокультурного компонента.

Далее рассмотрим, как универсальный аргумент к всеобщности используется представителями американской и российской лингвокультур.

Идея о всеобщности, или универсальности, возникла из представления о том, что у всех людей есть некоторые общие представления о добродетельном, правильном и достойном. Здесь уместно говорить об общечеловеческих ценностях, т.е. таких, которые присущи всем людям независимо от их социальных или культурных различий. К примеру, на таких общечеловеческих ценностях основывается законодательная норма «все люди равны перед законом», существующая в большинстве стран мира, или христианская моральная норма «не убей», признанная едва ли не во всех культурах человечества. Как правило, аргументы, апеллирующие к таким общечеловеческим ценностям, убедительны для представителя любой культуры.

Рассмотрим приёмы аргументации, которые используются в русско- и англоязычной культурах при обсуждении насущной проблемы разговоров по мобильному телефону во время управления автомобилем.

В американских источниках приводятся количественные данные различных исследований

для подтверждения выдвинутого утверждения. Так, например, утверждая, что **большинство водителей** отвлекаются на телефонные разговоры во время управления автомобилем, американские учёные, эксперты и журналисты приводят точные количественные данные в доказательство своего утверждения:

(1) «And in a survey of 1,506 people last year by Nationwide Mutual Insurance, 81 percent of cellphone owners acknowledged that they talk on phones while driving, and 98 percent considered themselves safe drivers. But 45 percent said they had been hit or nearly hit by a driver talking on a phone» [6].

(2) «Last year, the federal agency dealing with road safety, the National Highway Traffic Safety Administration, published a study, based on researchers' observations of drivers, suggesting that at any time during daylight hours in 2007, 11 percent – or 1.8 million drivers – were using a cellphone» [6].

(3) «About two out of 10 American drivers overall – and half of drivers between 21 and 24 – say they've thumbed messages or emailed from the driver's seat, according to a survey of more than 6,000 drivers by the National Highway Traffic Safety Administration.

At any given moment last year on America's streets and highways, nearly one in every 100 car drivers was texting, emailing, surfing the Web or otherwise using a hand-held electronic device, the safety administration said. Those activities were up 50 percent over the previous year» [7].

Утверждение **о всеобщей распространённости** мобильных телефонов среди жителей США также находит количественное выражение:

(4) «Over all, cellphone use has soared. From 1995 to 2008, the number of wireless subscribers in the United States increased eightfold, to 270 million, and minutes talked rose 58-fold» [6].

Более того, в поддержку данного высказывания приводится отдельная ссылка с количественными данными об использовании беспроводных устройств жителями США. В ней приводится количество абонентов мобильных телефонных сетей, которые подразделяются на различные виды, приводится количество минут, текстовых сообщений, проговорённых по мобильным телефонам за определённый период времени, количество узлов сотовой связи и т.д. [9]. Повторим, что с помощью этих количественных данных американские авторы свидетельствуют **о всеобщей распространённости** мобильных телефонов среди жителей США.

Таким образом, апелляция к точным количественным данным в англоязычном аргументативном дискурсе встречается довольно часто. В поисках причины обратимся к теории количественной оценки. А.Н. Баранов отмечает важный компонент структуры процедуры оценивания, а именно то, что оценка прямо влияет на принятие решения, в т.ч. разрешение проблемной ситуации [2, с. 75].

Для демонстрации такой функции оценки рассмотрим рекламу насосов компании Grundfos:

«Чтобы гарантировать **идеальное** снабжение водой, нужно **хорошее** оборудование, такое, как, например, насосы Grundfos» [13].

Автор данной рекламы пытается склонить потенциальных покупателей в сторону принятия тезиса: Необходимо купить насосы компании Grundfos. Чтобы повлиять на решение покупателей он прибегает к различного рода оценкам: гомеостатической и общей [2, с. 77-78]. Данное оборудование помогает достичь цель наилучшим образом (идеальное снабжение водой) – гомеостатическая оценка. Насосы grundfos являются хорошим оборудованием – общая оценка. Насосы grundfos являются хорошими, т.к. они – те насосы, которые обеспечивает идеальное снабжение водой – переход гомеостатической оценки в общую оценку. В данной рекламе использована бинарная аксиологическая стратегия, в которой Г-оценка переходит в О-оценку. С помощью такой аксиологической стратегии антагонист пытается склонить потенциальных покупателей в сторону принятия тезиса: Необходимо купить насосы компании Grundfos. Выбор такой стратегии не случаен, т.к. конечная общая оценка обладает наибольшей «рекомендательной» силой [2, с. 76].

И хотя такая «рекомендательная» сила более характерна для общих оценок, выражаемых с помощью таких слов, как «хорошо» и «плохо» (с преобладанием оценочных компонентов значения), всё же количественная оценка (с её дескриптивным характером) также обладает такой функцией и может значительно оказывать влияние на процесс принятия решений, если она подкрепляется соответствующей аксиологической стратегией. В иерархии уровней оценивания количественные оценки предшествуют общим оценкам: количественные оценки (К-оценки) – прототипические оценки (П-оценки) – гомеостатические оценки (Г-оценки) – общие оценки (О-оценки) [2, с. 79], являясь тем самым основой для общей оценки.

Рассмотрим механизм одной из аксиологических стратегий на примере рекламы зубной

пасты, в которой говорится, что 9 стоматологов из 10 используют именно эту пасту. Здесь строго количественное значение «9 стоматологов из 10» переходит в прототипическую оценку явления: это соотношение подразумевает следующее – «большинство стоматологов выбирают эту зубную пасту». В свою очередь, прототипическая оценка «9 стоматологов из 10 используют данную зубную пасту» подводит к имплицитному выводу «значит она хорошая», давая тем самым общую оценку предмету. Если вербализовать имплицитно выраженную общую оценку, то аргумент будет выглядеть таким образом: «если пасту предпочитает большинство стоматологов (П-оценка), то значит она хорошая (О-оценка)». Здесь «рекомендательная» сила общей оценки, которая призвана влиять на принятие решения в пользу покупки этой зубной пасты, достигнута с помощью количественных данных, свидетельствующих о большинстве людей, отдающих ей предпочтение. Другими словами, настоящий аргумент «завуалирован» в цифрах (цифры в таком случае имеют большую убедительную силу).

Вернёмся к дискуссии об использовании мобильных телефонов во время вождения. В ней протагонисты часто используют такую же аксиологическую стратегию, как и в приведённой выше рекламе зубной пасты: К-оценка – П-оценка – О-оценка. Те строгие количественные данные (К-оценка), которые дают американские исследователи, как мы уже сказали, говорят о том, что **большинство водителей** (П-оценка) отвлекаются на телефонные разговоры во время управления автомобилем. Общая оценка, заключающаяся в том, что распространённость такого явления является опасным, плохим фактом, чаще всего не выражена вербально, но имплицитруется.

Таким образом, в американском аргументативном дискурсе на примере обсуждения вышеупомянутой темы можно констатировать господство количественной оценки. Она позволяет сделать вывод о всеобщности/массовой распространённости явления. Именно так строится аргумент к всеобщности в американском аргументативном дискурсе.

Это, в свою очередь, можно объяснить склонностью американцев к аналитическому мышлению, которое строится по схеме: проблема – гипотеза – факты – анализ – решение [5]. Именно следование этой схеме объясняет склонность американцев к использованию количественной оценки при построении фактов в поддержку какой-либо гипотезы, в данном слу-

чае, гипотезы о всеобщности какого-либо явления.

Количественная оценка типична для американского аргументативного дискурса вообще, а не только при использовании аргумента к всеобщности. В доказательство этой идеи ниже приведём примеры. Все эти аргументы также подкрепляются точными количественными данными:

- Утверждение о том, что разговоры по телефону во время вождения являются причиной возникновения опасных ситуаций на дороге.

(5) «A 2003 Harvard study estimated that cellphone distractions caused 2,600 traffic deaths every year, and 330,000 accidents that result in moderate or severe injuries» [6].

(6) «The highway safety administration estimates that drivers using a hand-held device are at 1.3 times greater risk of a crash or near crash, and at three times the risk when dialing, compared with others who are simply driving. The agency based its conclusions on research from the Virginia Tech Transportation Institute, which placed cameras inside cars to monitor drivers for more than a year [6].

- Утверждение о взаимосвязи количества автотрагедий и растущей распространённости использования мобильных телефонов водителями.

(7) «Seven years ago, when cellphones and services like texting were less common, federal researchers estimated that drivers using cellphones caused about 1,000 fatalities and played a role in 240,000 crashes. (In 2007, drunken driving caused 13,000 fatalities.)» [6].

- Утверждение о недостаточном внимании к этому вопросу в сфере законодательства:

(8) «This year, state legislators introduced about 170 bills to address distracted driving, but passed fewer than 10» [6].

(9) «But 21 states do not include a box on accident forms for police to mark electronic devices as a cause» [6].

- Утверждение об эффективности закона, который предписывает использование наушников во время разговоров по телефону во время вождения:

(10) «In the first six months the California law was in effect, a preliminary California Highway Patrol estimate showed that fatalities dropped 12.5 percent – saving 200 lives» [6].

Обратимся к обсуждению той же темы в русскоязычной культуре. Здесь также используется аргумент к всеобщности, но он приобретает другую форму. Так, первый заместитель председателя комитета Госдумы по конституционному

законодательству и государственному строительству Вячеслав Лысаков, говоря об опасности ведения разговора по мобильному телефону во время вождения, следующим образом ссылается на всеобщую распространённость данного нарушения:

(11) «По отношению к телефону штраф в 300 рублей явно не работает, **разговаривают все кто попало**, притом что существует гарнитура и для разговора по телефону, не обязательно занимать руки. Я сам **не раз** видел, когда человек делает маневр: в одной руке у него телефон, а в другой – сигарета. Я понимаю, что мужчина может чем-то ещё поворачивать или застопорить руль, а женщине-то нечем. Поэтому это представляет крайнюю опасность [12].

В этом примере протагонист утверждает, что большинство российских водителей использует мобильные устройства во время управления транспортным средством, однако вывод о большинстве не подкрепляется количественными показателями, которые могли бы свидетельствовать о распространённости такого явления. Взамен протагонист ссылается на неоднократные примеры из собственных наблюдений («я сам не раз видел»), но они также не имеют точных количественных показателей. В этом примере аргумент к всеобщности не подкрепляется количественными данными, как в американских источниках. В русскоязычном дискурсе он принимает довольно радикальную форму «все А суть Р», т.е. «все водители разговаривают по телефону (во время вождения)». На основе этого недоказанного утверждения делается вывод об опасности использования мобильных устройств во время движения транспортного средства.

Структура аксиологической стратегии в этом примере будет выглядеть следующим образом: «разговаривают все кто попало», «я не раз видел» (П-оценка) – «это явление опасно, плохо» (О-оценка). Следует отметить, что в этой цепочке отсутствует количественная оценка, которая является непременным компонентом в американском дискурсе.

Приведём ещё два примера, в которых используется такая же аксиологическая стратегия. Так, депутат Законодательного собрания Новосибирской области Олег Сметанин, автор инициативы ужесточения мер в отношении водителей, разговаривающих во время движения по мобильному телефону без гарнитуры, пытаясь привлечь внимание к неэффективности существующих мер, говорит следующее:

(12) «Он также отметил, что **большинство сотрудников ГИБДД** на телефонные разговоры водителей не обращают внимания, в то время

как в Великобритании такое нарушение по опасности признается равным средней степени алкогольного опьянения, а в Голландии штрафуются на сумму до 500 евро» [10].

Координатор новосибирского отделения Федерации автовладельцев России Владимир Кириллов, поддерживающий данную законодательную инициативу, говорит о распространённости ДТП, причиной которых стало отвлечение водителя на электронное устройство:

(13) «**Большое количество** мелких ДТП, **львиная их доля** случается именно тогда, когда водитель отвлекается, не соблюдает дистанцию и задняя машина бьёт бампером переднюю» [10].

И опять утверждение о большинстве не подкрепляется никакими количественными данными и неясно, на основе каких фактов делается вывод. Возможно, и Олег Сметанин, и Владимир Кириллов правы, но ведь нет точных количественных показателей, которые могли бы подтвердить это большинство, т.е. не хватает фактов. И если следовать приведённой выше схеме аналитического мышления, то авторы выдвинули проблему, гипотезу, но за неимением фактов невозможно убедить публику в необходимости принятия того или иного решения. Логично сделать вывод о том, что в данном случае акт оценивания («ситуация, при которой большинство водителей/все водители говорят по телефону за рулём, является опасной, плохой») имеет меньше влияния на принятие решения. Но это только с точки зрения логики, рационального мышления. На этнокультурном, ментальном уровне одна лишь прототипическая оценка «большинство» может являться уже убедительным аргументом для российской публики.

Выше были представлены аргументы американских и российских экспертов, которые пытались доказать всеобщую распространённость использования мобильных телефонов во время вождения и растущую опасность данного явления.

Следует также обратить внимание на аргументацию оппозиционеров данной точки зрения. В американском дискурсе оппозиционеры также ссылаются на статистику, прибегая к количественной оценке, пытаясь доказать, что разговоры по телефону во время вождения и количество автокатастроф не имеют причинно-следственной взаимосвязи:

(14) «From 1997 to 2007, the number of reported accidents fell to 6 million a year from 6.7 million, according to the highway safety agency. «There are more drivers, more talking drivers», – said John Walls, spokesman for the Cellular

Telecommunications and Internet Association. «If it's so risky, then logically one would think there would be more accidents» [6].

В российском дискурсе аргументация оппозиционеров преимущественно носит другой характер. Так, лидер движения автомобилистов России Виктор Похмелкин ссылается на то, что есть более серьёзные темы для беспокойств:

(15) «**Никто никого** наказывать за разговор по мобильному телефону не будет. Вас остановили, вы положили мобильник – и все, идите доказывайте, что вы говорили по нему. У гаишников есть гораздо более «вкусные» нарушения, за которые ловят: это превышение скорости, проезд на красный свет, езда по встречной, где можно поймать за реальное нарушение» [12].

В приведённом выше примере наблюдается радикальное выражение аргумента к всеобщности, только в отрицательной форме («никто никого наказывать ... не будет»). Отличие характера контраргументации российских оппонентов от аргументации американских оппонентов видится ещё и в том, что российским антагонистом используется приём, известный как «игра на понижение». Антагонист снижает ценность тезиса аргументации, указывая на более весомые обстоятельства.

Сходный характер носит аргументация другого оппозиционера данного законопроекта – главы московского отделения Федерации автовладельцев России Сергея Канаева, который утверждает, что большинство аварий на российских дорогах с электроникой никак не связаны:

(16) «Я хотел бы дожить до того момента, когда в нашей стране треть аварий будет происходить по причине отвлечения водителей на электронные устройства. Процент летального исхода при таких ДТП **минимален**. У нас **большинство катастроф** связаны с выездом на встречную полосу, – сказал он Firstnews» [11].

Так, Сергей Канаев утверждает, что **большинство катастроф** происходит не из-за разговоров по мобильному телефону во время движения, а по другой причине. Также он утверждает, что количество летальных исходов катастроф, причиной которых явилось использование электронных приборов во время управления автомобилем, **минимально**. Используемые антагонистом слова «большинство катастроф» и «минимально» содержат прототипическую оценку и, как любая оценка, ориентированы на то, чтобы убедить аудиторию, в данном случае – в незначительности угрозы. Однако автор ни эксплицитно, ни имплицитно не обосновывает выбор данных слов. Снова мы наблюдаем отсутствие точных количественных показателей, на основе

которых можно было сделать вывод о большинстве/меньшинстве данных явлений. Взамен, исходная тема дискуссии подменяется другой темой.

Такая часто встречающаяся в российских источниках форма абсолютизации аргумента к всеобщности может быть объяснена склонностью русского народа к соборности, коллективизму, из которых, возможно, следует желание «подвести всех под одну крышу». С другой стороны, возможно, утверждение о большинстве без сопровождения количественных фактов является достаточным и убедительным аргументом для российской публики, тогда как для склонных к критическому анализу американцев необходимо наличие точных количественных данных. В этом, по нашему мнению, и видится этнокультурный аспект аргументации.

Следует отметить, что мы не утверждаем полное отсутствие количественной оценки в российском аргументативном дискурсе. Мы утверждаем господство количественной оценки в англоязычном аргументативном дискурсе и множественные примеры абсолютизации аргумента к всеобщности в российском аргументативном дискурсе.

Таким образом, такой универсальный приём, как аргумент к всеобщности, используется и в американской, и в русской культурах. Однако, способы реализации этого приёма различны в обеих культурах. В американской культуре аргумент к всеобщности всегда имеет точное количественное выражение, тогда как в русскоязычной культуре он часто принимает форму квантора всеобщности. Так, вместо точных количественных показателей всеобщности какого-либо явления, столь часто встречающихся в американском дискурсе, в русскоязычном аргументационном дискурсе мы часто находим утверждения типа «все А есть суть Р» или «большая часть А есть суть Р». Данное расхождение в способах реализации одного универсального аргументационного приёма можно объяснить этнокультурными различиями: склонностью к аналитическому мышлению в американской

культуре и склонностью к соборности и коллективизму в русской культуре.

Литература

1. Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. История языкознания / под ред. С.Ф. Гончаренко. – М.: Академия, 2003. – 671 с.
2. Баранов А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 3. – С. 74-90.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
4. Хомский Н. Логические основы лингвистической теории. – Биробиджан: Тривиум, 2000. – 146 с.
5. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 412-528.
6. Analytical Thinking Training [Электронный ресурс]. – URL: http://www.exinfm.com/workshop_files/AnalyticalThinkingTraining.ppt (30.11.2012).
7. Matt Richtel. Drivers and legislators dismiss cellphone risks [Электронный ресурс] // New York Times. [2009] URL: http://www.nytimes.com/2009/07/19/technology/19distracted.html?pagewanted=all&_r=0 (24.11.2012).
8. Shaya Tayefe Mohajer. U.S. urges ban on texting, talking while driving [Электронный ресурс] // The Washington Times. [2011]. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2011/dec/14/us-urges-ban-texting-talking-while-driving/?page=all> (11.12.2012).
9. Wireless Quick Facts [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ctia.org/advocacy/research/index.cfm/AID/10323> (23.10.2012).
10. Депутат из Новосибирской области предложил ужесточить наказания за телефонные разговоры за рулём [Электронный ресурс]. – URL: <http://altapress.ru/story/93584/> (17.01.2013).
11. Доронина С. Мобильные устройства виновны в каждом четвёртом ДТП [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.firstnews.ru/articles/Mobilnyye-ustroystva-vinovny-v-kazhdom-ch/> (01.10.2012).
12. Уклеев А. Тариф «За рулём» вырастет [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gazeta.ru/auto/2012/09/20_a_4781813.shtml (17.10.2012).
13. Обзор насосов Grundfos [Электронный ресурс]. – URL: <http://electromotor.com.ua/katalog-tovarov/stati/235-nasos-grundfos-sq-upa-ups-mq-cr-nb-sp-15-9025-4025-60> (23.10.2012).

Дондокова Баярма Владимировна – аспирант кафедры перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24а. Тел. 89247708587. E-mail: b_dondokova@mail.ru

Dondokova Bayarma Vladimirovna – postgraduate student at the Chair of Translation and Intercultural Communication, Buryat State University, Faculty of Foreign Languages. 670000, Ulan-Ude, Smolina St. 24a. Tel. 89247708587. E-mail: b_dondokova@mail.ru

Социальные дивергенты квебекского французского языка (на топонимическом материале)

В статье рассматривается специфика квебекского французского языка на примере социальных дивергентов в региональной топонимии.

Ключевые слова: этнолингвистика, территориальный вариант французского языка, дивергент.

G.S. Dorzhieva

Social divergents of Quebec French (on a toponymic material)

In the article the specifics of the Quebec French language is considered on the example of social divergents in regional toponymy.

Keywords: ethnolinguistics, territorial variant of the French language, divergent.

Социальные дивергенты отражают мотив именования географических объектов в той или иной социальной группе и включают, прежде всего, просторечную лексику. Социально маркированные топонимы относятся к традиционным занятиям квебекцев: лесоразработка, охота, рыболовство, производство кленового сахара, ведение фермерского хозяйства и пр. Например, местные названия слепня (*Frappe-a-Bord*), тюленей и моржей (*Tête de Cheval* 'лошадиная голова', *Vaches* или *Cochons marins* 'морские коровы/свиньи'). *Ventre-de-Bœuf* досл. 'бычье брюхо' – это образное название озера, на поверхности которого видны два небольших острова. Квебекцы называют *ventre-de-bœuf* образовавшиеся на асфальте вздутия во время весеннего таяния. В основе мотивировки оронима *Coteau Vire-Crêpe* 'холм' и 'переверни блин' – традиция жителей ферм есть блины с кленовым сиропом.

К социальным дивергентам можно отнести событийные или ситуативные названия, отражающие типовые ситуации или реальные факты, связанные в коллективной памяти имядателей с данным географическим объектом. Ситуативные наименования свойственны топонимии многих народов, например, русской, финно-угорской, тюркской, кавказской, бурятской и др., о которых писали исследователи: К.Ф. Гриценко (1970), Л.А. Витушкина (1971), А.К. Матвеев (1987), И.И. Муллонен (1994), Е.А. Керимбаев (1995), Л.В. Шулунова (1995), Е.Л. Березович (1998) и др.

Данная категория топонимов, содержащая отражение ситуации/события в свёрнутой форме, входит в понятийный комплекс «память места». Как пишет П. Нора: «Многочисленные мес-

та памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп. Память порождается той социальной группой, которую она сплачивает, ...по словам Хальбвакса, существует столько же памятей, сколько социальных групп. Места памяти – это останки. Крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нём». По мнению учёного музея, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации (в этот ряд можно включить и географические названия. – Г.Д.) – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. ...Это и есть главные бастионы памяти [Нора, 1999, с. 19, 24].

Е.Л. Березович различает ситуативные и событийные наименования исходя от состава их компонентов. Конституирующим компонентом ситуации, отражённой в топонимии, является действие; кроме него, минимальную структуру ситуации образуют объект и субъект. При взаимодействии таких компонентов, как действие и объект, речь идет о типовой, стандартной ситуации, связанной с географической реалией. Топонимы, содержащие событийные факты, учёный условно делит на два разряда: 1) топонимы, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом; 2) топонимы, отражающие единственный случай, событие, происшествие [Березович, 1998, с. 59-60].

Событийные наименования могут содержать качественную, хотя и субъективированную, характеристику географического объекта. Данная группа топонимов информативна с точки зрения исторических фактов из жизни первопоселенцев: социальных и экономических отношений

Новой Франции и Французской Канады, бытовых ситуаций, часто связанных с тяготами и лишениями, выпавшими на долю первых колонистов, их постепенной адаптации в процессе освоения новых территорий на континенте. Рассмотрим топонимы, отражающие типовые ситуации, связанные с тем или иным географическим объектом:

Ойконим *Misère* ‘нищета’ служит напоминанием о тех временах, когда крестьяне обрабатывали скудную каменистую землю, их жалкие лачужки стояли посреди узких и длинных полосок полей, где были видны редкие колоски среди скал. В 1880 г. аббат Алексис Майу рассказывал, что особенно в холодное время года колонисты испытывали крайнюю нужду.

Ороним *Montagne de Pousse-Pioche* ‘гора’ и досл. ‘работай мотыгой’ – это перенесенное название от близлежащего ряда ферм. Рассказывают, что бедные жители первых ферм, находясь у подножия горы, за неимением плуга и тягловой силы, вынуждены были обрабатывать землю мотыгами. После установки креста на вершине горы появилось его параллельное название *Montagne de la Croix*.

Название озера *Lac Crève-Cheval* ‘озеро’ и ‘сдохнет лошадь’ напоминает о тех временах, когда до середины XX в. лошади выполняли на лесозаготовках настолько невыносимую работу, что они *подыхали* от переутомления, перевоза тяжёлый груз.

Топоним *Le Trou-à-Balle* ‘дыра’ и ‘мякина’ входит в разряд историзмов. В те времена, когда абитаны платили десятину (налог) сеньору и церковным служащим, они прибегали к хитрости и подсыпали *мякину* (*balle*) в мешки с зерном, предназначенные для кюре. Раздосадованный мошенничеством своей паствы, кюре был вынужден заговорить с церковной кафедрой о *trou de balle*. Выражение было подхвачено и быстро распространилось, сохранившись до наших дней, в том числе и в топонимии.

Chute Monte-à-Peine ‘водопад’ и ‘поднимаюсь с трудом’ – в середине XIX в. по причине отсутствия проезжих дорог вояжеры переносили поклажу на себе, с трудом продвигаясь по крутым берегам рек и многочисленных водопадов. В ранних документах слитное написание *Montapeine*, создало варианты, не соответствующие этимону: *Montapel*, *Montapelle*, *Mont Appel*. Как известно, переосмысление внутренней формы топонима приводит к нарушению связи между мотивацией и номинацией, лишая его тем самым событийности, как в приведенном примере.

Существует несколько версий относительно появления гидронима *Ruisseau de la Friponne* ‘ручей’ и ‘плут, мошенник’: 1) квебекцы прозвали *Friponne* торговый дом, основанный Пьером Клавери совместно с Биго и Каде и утративший доверие из-за сомнительных дел; 2) Биго, которому не нравилось это прозвище, придумал ему другое объяснение, якобы от его служанки-воровки прозвище перешло к торговому дому; 3) по другой версии течение этой реки «хитрое», обманчивое, изменчивое, причиняющее неприятности путникам. В данном значении топоним следует рассматривать среди образных наименований.

Гидроним *Anse à Mouille-Cul* ‘бухточка’ и разг. ‘смочи зад’ появился в начале XX в., так как из-за мелководья, даже во время прилива, пересекая бухточку, можно промокнуть лишь до пояса. Раньше здесь могли плавать только очень небольшие лодки, поэтому прежде бухточку называли *Anse à Chaloupe*.

Ruisseau de la Lessive ‘ручей’ и ‘стирка’ – по свидетельству священника Мари-Викторена в 1535 г. корабль Ж. Картье стоял на якоре в устье этого ручья. Обычно экипажи парусных кораблей запасались здесь пресной водой, а моряки, как пишет аббат Алексис Майу, стирали одежду. Топоним известен среди местных жителей более двух веков. По одной из версий в конце XVII в. после долгого и трудного пути солдаты и моряки отдыхали и излечивались от ран и болезней в этой местности, которая называется *Cap-Santé* ‘мыс’ и ‘здоровье’ (мун).

Ruisseau de la Grillade ‘ручей’ и ‘кусочек поджаренного мяса (чаще сала)’. По одной из версий в основе мотивации топонима, появившегося в начале XX в., обычай первых жителей ближайших старинных ферм употреблять в пищу жареное сало. Как известно, среди англофонов было популярно прозвище квебекцев ‘*mangeurs de lard*’ (едоки сала).

Lac Parles-en-Pas ‘озеро’ и ‘не говори об этом’ – согласно поверью у рыбаков есть секрет, о котором нельзя говорить.

Структурно данная группа топонимов, иллюстрирующая типовую ситуацию, состоит из двух компонентов: действие и объект, включая большей частью глагольные, а также именные конструкции.

Приведем примеры событийных топонимов, косвенно отражающих единичный случай, происшествие. В нашем материале это события исторического, бытового, описательного характера или связанные с приметами, суевериями. Косвенное отражение событийности, по мнению Е.Л. Березович, заключается в том, что топоним

дает лишь «заголовок», итог события, то есть не характеризует событие, а лишь называет его [Березович, 1998, с. 64].

Rivière Famine ‘река’ и ‘голод’ – в основе мотивировки: 1) мелководье реки, в этом значении тополексема близка к метафоре; 2) по другой, более правдоподобной версии, топоним напоминает о несчастье, случившемся с группой Арнольда, зимовавшей здесь в первые дни ноября 1775 г. На карту Галя и Дюберже топоним занесен с 1795 г.

В годы первой мировой войны (1914–1918) молодые квебекцы скрывались от призыва на фронт в близлежащих лесах, что и вызвало появление названий *Mont des Conscrits* ‘гора призывников, рекрутов’, *Coulée des Larmes* ‘ручей слез’ (синонимичное название *Ruisseau des Larmes*).

Anse au Lard ‘бухточка’ и ‘сало’, считается, что видовой термин – результат фонетической модификации *Anse au Lord*, титула землевладельца; по другой версии в бухточке разгружали бочки с салом, часть из которых упала в воду.

В основе мотивировки гидронима *Ruisseau à Patates* ‘ручей’ и ‘картофель’ реальный случай, произошедший с Огюстом Бондом, у которого, после разлива ручья, вода унесла из подполя запасы картофеля.

В основе мотивировки *Lac des Pas de Géants* ‘озеро’ и ‘шаги гигантов’ случай, произошедший в 1944 г. с четырёхлетним мальчиком. Место, где находится озеро, было чрезвычайно труднопроходимым из-за упавших стволов деревьев. Мальчик был поражён *гигантскими шагами* отца, которыми тот пробирался по лесу.

Гидроним *Ruisseau Pir-Vir* (руч) перенесён от названия деревни. По рассказам местных жителей одна супружеская пара направлялась пешком к новому местожительству. Устав от нескончаемого и утомительного пути, время от времени муж спрашивал жену, шедшую впереди, какая впереди дорога. Та отвечала: «Pire!» ‘хуже!». Тогда муж восклицал: «Pire? Vire!» ‘Хуже? Поворачивай!’

Озеро *Lac J'En-Peux-Plus* ‘озеро’ и ‘я больше не могу’ находится на вершине холма. Именно его высокое и отдалённое расположе-

ние, также как и труднодоступность, вызвали появление данного гидронима. Рассказывают, что лесоруб, с трудом добравшийся до этого озера, в изнеможении воскликнул: «Я больше не могу!»

Подобные истории, отражённые в региональной топонимии, позволяли людям легче переносить бытовые тяготы и не терять присутствия духа в жизненных испытаниях. Мы разделяем точку зрения Н.В. Уфимцевой: «Имя – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. «Назвать» – значит придать определенное значение, то есть понять, включить в свое сознание» [Уфимцева, 2002, с. 155]. Именно таким образом этнос адаптируется к реальному миру. Квебекские социальные дивергенты входят в систему этнических констант [4] и обуславливают этничность сознания франкофонов.

Этнокультурная память определяется как неотъемлемое качество духовной жизни больших и малых культурно-этнических общностей. Просторечная лексика в топонимическом материале позволяет определить, что предметом исследования языковой картины мира является не только выявление многообразия и стилистической окраски топонимии в различных смысловых сферах, но и направления духовных приемов освоения действительности, конкретных составляющих этнической логики – основы номинации географических объектов.

Литература

1. Нора П. Франция-память. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – С. 17-50.
2. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
3. Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М.: Наука, 2002. – С. 152-170.
4. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 448 с.
5. Noms et lieux du Québec : dictionnaire illustré. Québec : Publications du Québec, 2006. – 925 p.

Доржиева Галина Сергеевна – доктор филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Бурятского госуниверситета. 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, тел. 8-951-633-27-82. E-mail : galdor@yandex.ru

Dorzheeva Galina Sergeevna – Dr. of Philology, associate professor of German and French Languages Chair of Buryat State University. 670000, Russia, Ulan-Ude, 24a, Smolin str., tel. 8-951-633-27-82. E-mail: galdor@yandex.ru

© Ю.Г. Есина

**Показатели региональной идентичности
в произведениях руссильонских писателей
(на примере творчества Л. Массе)**

В статье рассматривается понятие «показатели региональной идентичности» на примере творчества руссильонского писателя Людовика Массе.

Ключевые слова: показатели региональной идентичности, Руссильон.

Y.G. Yesina

**Markers of the Regional Identity in the Literature
of the Writers of Roussillon
(on the Example of the Works of L. Massé)**

In the article the notion of “markers of regional identity” is being studied. These markers are considered on the example of the works of Ludovic Massé, the writer of Roussillon.

Keywords: markers of regional identity, Roussillon.

Границы исторической области Руссильон («французской» или «северной Каталонии») соответствуют территории современного французского департамента Восточные Пиренеи. Для изучения национальной и региональной специфики особую роль играют понятия: «концепт культуры» (С.Г. Тер-Минасова, Г.Г. Молчанова, Ю.С. Степанов), «форс-слова» (Р.А. Будагов, Л. Февр), «место памяти» (П. Нора). П. Нора выделяет три аспекта «мест памяти» – материальный, символический и функциональный [2]. Мы применяем эту точку зрения к исследованию показателей региональной идентичности: форс-слов в речи о регионе, материальных предметов символического значения, актуализирующих региональную принадлежность, а также региональных традиций и ритуалов.

Как подчеркивает Т.Ю. Загрязкина, важное значение в развитии культурного пространства играют центры притяжения и отталкивания [1, 14], то есть источники культурного воздействия, сформированные на определенной территории. Ключевым показателем идентичности региона Руссильон является подчеркнутая причастность к каталанской идентичности и, шире, к региону Средиземноморья как центру культурного притяжения.

В XX веке в произведениях каталонских писателей прослеживается желание передать в своих произведениях особенности своего края. Руссильон стал источником вдохновения для многих региональных писателей, среди них особое место занимает Людовик Массе (фр. Ludovic Massé) (1900–1982), один из самых значительных каталонских авторов, пишущих по-французски.

Каталанская идентичность отражается, в первую очередь, в языке писателя. Например, в

романе «Земля пробкового дерева» (фр. *La terre du liège*) каталанская лексика употребляется, когда речь идет об укладе жизни, традиционных ремёслах (*barral* – бочонок); о каталанской природе (*le donzell* – вид полыни). Массе использует каталанскую лексику для характеристики каталонцев. Так, автор пишет о персонаже, что он «явился *chano chano* на своей машине», поясняя, что это означает «спокойный, как тот, кто возвращается с ярмарки Шарльвилля» [3, 39]. Слово «*chano*» на каталанском языке означает «спокойный», но автор не переводит эпитет на французский язык, чтобы подчеркнуть каталанский колорит и передать атмосферу выходного дня, шумной ярмарки, знакомую героям произведения.

Писатель использовал в своих произведениях символику традиционного каталонского танца сарданы. В рассказе «Вечер праздника» (фр. *Soir de fête*), чтобы показать объединяющий характер танца, Л. Массе пишет «вся Каталония танцевала», затем – «в центре площади танцевал Жан Каден» [3, 53-54], показывая тем самым, что главный герой рассказа Жан Каден чувствует себя частью всей Каталонии. Массе подробно описывает этапы праздника: танец сардана начинался с призывного звука свирели-флажолета, после чего играл уже весь каталонский оркестр *кобла* (кат. *la cobla*). Все брались за руки, и образовывались круги хороводов. В конце праздника все пели песнь Тернового венца – «*La Santa Espina*». Так, сардана объединяет карнавальную дух и католические традиции каталонцев.

Региональное название сельского дома на юге Франции «*mas*» сохранилось в заглавии рассказа Л. Массе «Дом Убель» (фр. *Le mas des Oubells*). В рассказе описан красочный карнавал, различные персонажи-маски, которые по тради-

ции ходят из деревни в деревню. Писатель, подчёркивая связь поколений, пишет, что молодежь обычно сначала смеялась над советами старших, но потом вдруг осознавала, что надо им следовать. И тогда старшие «тихо торжествовали» [3, 132]. Эти наблюдения свидетельствуют о вечном проивостоянии поколений, когда мудрости и опыту не всегда доверяют с самого начала, но со временем они подтверждают свою правоту. Ведь недаром французская пословица гласит: «Si la jeunesse savait, si la vieillesse pouvait» – Если бы молодость знала, если бы старость могла.

В этом рассказе барон Кабранс, вернувшись из крестового похода, стал подозревать свою жену в измене с придворным трубадуром, славившим припевы и кантилены. Барон обещал сохранить жизнь трубадуру-пажу, при условии, если тот исполнит все его приказания. Первое задание заключалось в том, чтобы спуститься в Серралонгу (фр. Serralongue – город в Восточных Пиренеях) ни пешком, ни на лошади, ни по дороге, ни вдоль дороги. По совету старого пастуха паж спускается верхом на козе, которая ловко прыгает с уступа на уступ. Второе задание – принести букет, собранный из всех горных цветов. Паж пытается собрать все цветы, и в этой части рассказа Л. Массе приводит длинный перечень горных местных цветов (лаванда, тимьян, вереск, мальва и др.). Последнее задание – назвать имя отца барона. Следуя наставлениям пастуха, паж отвечает: «Тот, кто не оставляет людей в покое ни днём ни ночью, не может быть сыном человека, но сыном дьявола» [3, 216].

Рассказ Л. Массе подтверждает то, что легенды до сих пор живут в сознании местных жителей. Помимо традиционного сюжета в легенде сохранён местный колорит. Атмосферу края пе-

редаёт описание природы (горы, многочисленные цветы, мёд), а также религиозность местных жителей, о которой свидетельствует упоминание дьявола.

Таким образом, среди показателей региональной идентичности, на основании теоретических трудов и исследованных источников (в частности, творчества Л. Массе), можно выделить:

- региональный язык, диалекты (каталанская лексика *barral, donzell, chano chano*);

- традиции и внутренние связи: профессиональные; семейные; социальные, а именно: уклад жизни, традиционные профессии, ремёсла; региональный танец (сардана), праздники (карнавал); отношения в семье, память о предыдущих поколениях; фольклор (легенды о бароне Кабранс, песни – «La Santa Espina», фольклорный оркестр кобла);

- религиозные убеждения (религиозные песни во время карнавала, легенды о дьяволе);

- историю и память (память о предыдущих поколениях во время карнавала; легенды, связанные с той или иной местностью);

- влияние соседних и исторических регионов (влияние Каталонии в лексике, Средиземноморья – в традициях карнавала);

- региональный ландшафт и архитектуру (горы, многочисленные цветы);

- особый характер жителей (преданность традициям, религиозность).

Литература

1. Загряжская Т.Ю. Типология пространства и место человека (на примере франкоязычных ареалов) / Франкоязычный мир: взаимодействия и контакты. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2012.
2. Нора П. Франция: память. – СПб., 1999.
3. Massé L. Anthologie. – Perpignan, 2009.

Есина Юлия Григорьевна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры франкоязычных культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова. Тел.: 789163453566. E-mail: julieec@mail.ru

Yesina Yulia Grigorievna – candidate of culturology, senior teacher of the Chair of Francophone Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University. Phone: 789163453566. E-mail: julieec@mail.ru

УДК 811.621

© А.В. Каверзина, А.М. Журавлева, М.Ю. Чернышов

Смысловая структура метафоры и логические принципы ее формирования

Исследуется содержание понятий «метонимия», «метафора» и «сравнение». Известные концепции метафоры подвергаются логической фальсификации по К.Р. Попперу на основе теории интерпретативных логико-семантических отображений. Сформулирован логический принцип построения метафорического смысла, позволяющий дифференцировать метафорический и прямой смыслы.

Ключевые слова: метонимия, метафора, сравнение

A.V. Kaverzina, A.M. Zhuravleva, M.Yu. Chernyshov

The semantic structure of metaphor and the logic principles of its formation

The content of concepts of metonymy, metaphor and comparison are investigated. Well-known concepts of metaphor are logically falsified according to K.R. Popper on the basis of the theory of interpretative logic-semantic mappings. A logic principle of constructing the metaphoric sense is formulated. It allows one to tell between the metaphoric sense and the direct sense.

Keywords: metonymy, metaphor, comparison

Снижение уровня подготовки научных кадров для лингвистики явно обозначилось к концу 1970-х гг. Этот период времени совпал с инициацией американской стратегической лингвистической инициативы, предполагавшей подчинить многие направления лингвистических исследований в мире, пустив их по направлению, выгодному США. Для реализации этой инициативы были выбраны две известные фигуры Дж. Лакофф и Р. Лангакер, в задачу которых входило формулирование идей «американской когнитивной лингвистики», предполагавшей подменить и переосмыслить идеи гносеологического аспекта лингвистики, развитые ранее в шести монографиях Р. Геллойкенса, вышедших в Оксфорде с 1971–1983 гг.

Поскольку когнитивная лингвистика не содержала рациональной идеи, необходимо было придумать ее. Единственное, что пришло в голову Джорджу Лакоффу, – сделать частный случай общим. Такое незначительное стилистическое средство, как метафора, в короткий срок было превращено буквально в единственный «достойный» предмет лингвистических исследований. В 1980 г. вышла в свет научно-популярная монография Дж. Лакофф и М. Джонсона «Metaphors We Live By» [17], которая произвела излишне сильное впечатление на умы лингвистов. За этой книгой последовали другие, вроде «Metaphor: Problems and Perspectives» [18], «The Ubiquity of Metaphor» [19]. В итоге, метафора, метонимия, сравнение, средства, прежде занимавшие очень скромное место в работах лингвистов мира, неожиданно приобрели статус основных.

Последовавшая за этим попытка «когнитивизации» мировой лингвистики, пресеченная на 2-й Международной конференции по когнитивной лингвистике в Санта-Круз в 1991 г. усилиями Р. Геллойкенса и М.Ю. Чернышова, все же имела успех. Ориентирование европейской и российской лингвистики по указанному направлению продолжилось, несмотря на то, что даже понятие *когнитивный* до сих пор не имеет ни внятного определения, нет научной постановки целей, корректных методов и очевидных результатов когнитивных исследований. Не удивительно, что мысль о важности метафоры как едва ли не единственного достойного предмета лингвистических исследований, удалось накрепко внедрить в умы лингвистов России. Легкость прорастания этой идеи связана с острейшим дефицитом перспективных научных идей и методов.

Несмотря на излишне большое внимание, приданное стилистическому аспекту, зарубежные и отечественные лингвисты по-прежнему затрудняются в вопросе четкого определения основных понятий стилистики. Начиная с 1980-х гг., пошла путаница в понятиях. Например, в работах М.В. Никитина [8], О.М. Бессоновой [3], М. Блэка [4], Н. Бергмана [14], Р. Рикера [10], А.А. Маленниковой [7, с. 31] и др. лингвистов метафора рассмотрена как «скрытое сравнение». О непонимании сущности метафоры свидетельствует то, что подавляющее большинство авторов без каких-либо оснований связывают метафорические значения с видами концептов [9], с формами номинации [5; 6], с различными видами денотатов (напр. с фиктивным денотатом

(Е.О. Шендельс, Э.Г. Ризель, А.А. Уфимцева и др.)). А.А. Масленникова считает метафору результатом «наложения интенционалов объектов друг на друга» [7, с. 34]. Однако объекты являются предметом логической теории объектов, построенной выдающимся логиком А. Мейнонгом (1903 г.), лингвистика же не занимается объектами. Отсюда очевидно, что у объектов $\{x_1, x_2, \dots, x_n\}$, содержание которых не понятно, никаких интенционалов (т. е. значений) быть не может, и, следовательно, метафора не может быть результатом наложения одного неясного нечто, состоящего из интенционалов, на другое неясное нечто, состоящего из объектов. П. Рикер, казалось бы, понимает, что метафора несет все же смысл (а не денотат, не значение и не интенционал), иносказательный смысл. Однако, по его мнению, иносказательный смысл может быть понят не иначе как «через прямое значение слова (?!)» [10, с. 18]. Но прямой смысл высказывания или иносказательный смысл высказывания (в случае метафору) ни при каких условиях не может быть понят через значение отдельной ЛЕ. *Значение* и *смысл* – различные понятия.

Едва ли правильно соотносить метафорические значения с различными видами денотатов. Денотат является означаемым в модели знака. Если рассмотреть модель знака по Г. Фреге (Ч. Пирсону), где означаемое отдельно соотносено с денотатом (/референтом) и отдельно – с интенционалом (т. е. смыслом), то станет очевидно, что означаемое ни при каких условиях не может быть метафорическим смыслом, т. к. смысл – в другой части треугольника. Кроме того, денотаты (/референты) в модели знака никогда не предполагали означаемого, которое было бы сложнее, чем простая именная фраза. Итак, метафора не может иметь отношения к денотатам или референтам.

Даже такой краткий обзорный анализ представлений убедительно указывает на отсутствие единства как мнений, так и последовательности в формулировании представлений о метафоре большинством лингвистов.

Единственным специалистом, отважился спорить с ошибочным представлением о метафоре еще в 1980 году, оказался выдающийся логик Д. Дэвидсон, отрицавший связь метафорического смысла с буквальным [15, р. 191-192]. Нетрудно доказать, что метафорический смысл не является производным от буквального смысла, это – два различных смысла, для которых невозможна суперпозиция (наложение). Но последнее утверждение является очевидным только для тех лингвистов, которые способны в пол-

ной мере понять, что такое смысл в его строгой интерпретации и в чем заключается содержание логической операции суперпозиции.

Чтобы провести доказательство, поставим и решим ряд логико-лингвистических задач.

Постановка задачи 1. Попытаемся разобраться в содержании понятий метонимия, метафора и сравнение. Рассмотрим конкретные примеры.

Пример 1. Дойная корова. Эта именная фраза – очевидная фразеологическая единица (ФЕ). А вот высказывание *дойная корова в стойле не стоит* несет метафорический смысл. Но этот вывод следует совсем не потому, что *корова* соотносится со *стойлом*, а потому что содержит предикат *не стоит*, который дооформляет значение ФЕ *дойная корова* до смысла.

Пример 2. «глаголом жечь сердца людей». Это элементарное высказывание (ЭВ) содержит ФЕ (*глаголом*), которая являет собой пример метонимии (*глаголом*, т. е. *вербально*). Но лишь ЭВ в целом несет метафорический смысл.

Именные фразы (заметьте, что это не ЛЕ) *Бородино* (битва на Бородинском поле), *Watergate* (проникновение в отель Уотергейт, скандал и его последствия), *Рембрандт* (в значении полотно художника) и т. п. являются примерами метонимии. Но, только будучи включенными в предикативные конструкции, выражающие отношения, они могут приобретать метафорический смысл (напр. *He met his Watergate*).

Постановка задачи 2. Покажем, что метафора не является формой скрытого сравнения. Проведем доказательство, используя классический прием доказательства *ad rem*. Очень часто метафора встречается в поговорках. Рассмотрим примеры.

Пример 3. Разговор – серебро, молчание – золото. Это высказывание содержит (а) прямое значение (разговор дорог, молчание – еще дороже); (б) метафорическое значение (не говори лишнего); (в) содержит сравнение (разговора с серебром и молчания с золотом).

Пример 4. Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Это высказывание имеет (а) прямое значение; (б) метафорическое значение (не говори лишнего); (в) содержит сравнение (слово сравнивается с воробьем).

Вывод 1. В примерах 3 и 4 метафорический смысл одинаков, но формы выражения этого смысла различные и сравнения тоже различные. Отсюда очевидно, что метафорический смысл не связан непосредственно ни с формой высказываний, ни с типом сравнения. **Вывод 2.** Метафо-

ру образует только иносказательный смысл высказываний.

Рассмотрим дополнительные примеры.

Пример 5. Жизнь это – река.

Пример 6. Жизнь – дорога, выбирай правильную.

Очевидно, что элементы сравнения в примерах 5 и 6 присутствуют, но **не сравнение образует метафору**. В самом деле, «жизнь есть движение», т. е. она может течь, бежать, мелькать, лететь. Следовательно, речь идет о движении, а не о сравнении. Можно сделать вывод о том, что именно образное представление различных форм движения, как чего-то универсального, образует метафору. **Вывод 3.** Таким образом, сравнение не может образовывать метафору.

И все же остается неочевидным, что такое метафорический смысл и как он образуется. Попробуем разобраться в этом непрестом вопро-

се. Сделать это средствами традиционной лингвистики абсолютно невозможно. Но нам поможет теория логико-семантических интерпретативных отображений (ТЛО), развитая в [12] и предполагающая отображение отношений и ситуаций в мышлении человека.

Эта теория предполагает интерпретацию смыслов высказываний через посредство отображения множества интерпретативных миров $\{W^{LO}, W^R, W^D, W^{RRel}, W^{DRel}\}$, где W^{LO} – интерпретативный мир (ИМ) логических объектов; W^R – ИМ референциальных объектов; W^D – ИМ денотативных объектов; W^{RRel} – ИМ отношений, допустимых между референциальными объектами в данном W^R ; W^{DRel} – ИМ отношений, допустимых между денотатами в данном W^D . Интерпретация высказываний средствами системы ИМ в ТЛО дано на рис. 1.

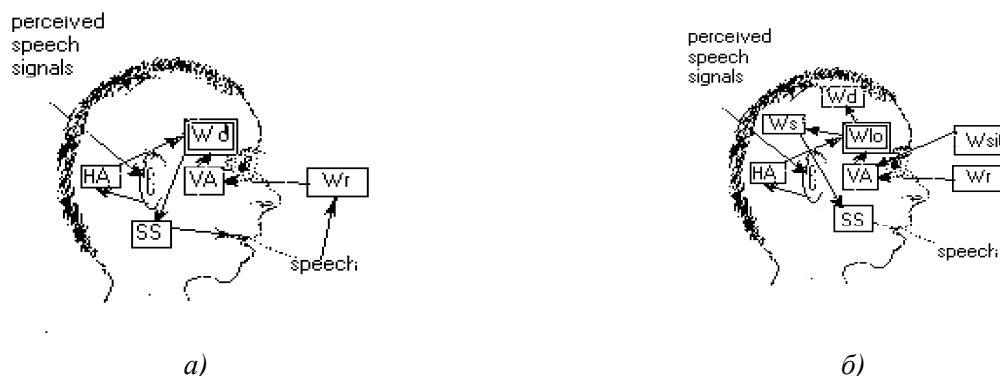

Рис. 1. Процессы интерпретации слуховой/визуальной информации: а) согласно концепции речевого указания; б) согласно ТЛО

ТЛО может позволить четко отличать метафорический смысл от буквального смысла. Более того, с помощью ТЛО можно решить следующую задачу.

Постановка задачи 3. Покажем, что метафорический смысл не является производным от буквального смысла.

Для этого рассмотрим пример 7.

Пример 7. Они греют руки на холодных трубах.

Во-первых, очевидно, что смысл данного высказывания не предполагает сравнение. Во-вторых, выше мы имели дело с высказываниями, имеющими прямой и метафорический смыслы. Но так ли это применительно к данному высказыванию? Будем исходить из предположения о наличии прямого и метафорического смыслов, но проверим истинность таких смыслов. 1) Прямой смысл проверяется по схеме, состоящей из последовательности отображений (ПО) $W^{LO} \rightarrow W^R \rightarrow W^{RRel}$. Поясним содержание этой ПО. Логические объекты, соответствующие обозначением, выраженным именными фразами,

руки и *холодные трубы*, отображаются в соответствующие им референты в W^R , а затем данные референты отображаются и при этом соотносятся с миром отношений, допустимых в референциальном мире W^{RRel} . Однако тогда очевидно, что прямой смысл S_1 является ложным ($S_1 = False$), т. к. невозможно в прямом смысле согреть руки на холодных трубах. Очевидно, что данное высказывание вообще не имеет истинного прямого смысла.

2) Метафорический смысл проверяется по схеме, состоящей из ПО $W^{LO} \rightarrow W^D \rightarrow W^{DRel}$. Поясним содержание этой ПО. Логические объекты, соответствующие обозначением, выраженным именными фразами, *руки* и *холодные трубы*, отображаются в соответствующие понятия мира денотативных объектов W^D , а затем данные понятия отображаются и при этом соотносятся с миром допустимых денотативных отношений W^{DRel} . Очевидно, что метафорический смысл S_2 является истинным ($S_2 = True$), т. к. возможно в переносном смысле обогатиться, т. е. «погреть руки» на холодных трубах.

Вывод 4. Итак, метафорический смысл не является производным от буквального смысла.

Постановка задачи 4. Остается неясным принцип, который позволил бы отличать метафорический смысл от прямого смысла, т. е. принцип построения метафорического смысла.

Покажем, что предложенная нами концепция, позволяющая отслеживать процесс синтеза смыслов с помощью последовательности логико-семантических интерпретативных отображений вида $W^{LO} \rightarrow W^D \rightarrow W^{DRel}$, позволяет подступиться к формулированию указанного принципа. Прежде всего, рассмотрим примеры.

Пример 8. Моя Аленушка – как лебедушка.

Пример 9. Моя Аленушка – сама лебедушка.

В примерах 8 и 9 налицо – отображение, опосредованное различными предикатами. Это позволяет нам построить принцип идентификации (т. е. выявления) метафоры. Такой принцип предполагает удовлетворение необходимых и достаточных условий.

Необходимым условием метафоричности высказывания является отображение денотатов высказывания, которое предположительно содержит метафору, в мир W^D . Под таким отображением понимается операция ρ следующего вида:

$$\rho : x \rightarrow Y, \quad (1)$$

где x – логический объект W^{LO} ; Y – множество абстрактных денотатов в мире W^D . Достаточным условием метафоричности высказывания является отображение множества абстрактных денотатов высказывания (которое предположительно содержит метафору) в мир W^{DRel} . Под таким отображением понимается операция ρ следующего вида:

$$\rho : Y \rightarrow W^{DRel}, \quad (2)$$

где W^{DRel} – интерпретативный мир отношений, допустимых между денотатами в данном W^D .

Вывод 5. Итак, сформулировали принцип построения метафорического смысла, который позволяет отличать метафорический смысл от прямого смысла высказывания.

Заключение. В выполненном нами исследовании были использованы корректные логико-семантические методы. Факт их использования обеспечил строгость, убедительность и достоверность выводов. Результаты исследования показали, что метафора представляет собой развернутое иносказательное смысловое целое, которое, как правило, вербально выражается, как минимум, одной предикативной конструкцией.

Метафора ни при каких условиях не совпадает с другими стилистическими средствами (тропами) (сравнением, скрытым сравнением и т. п.) и не может являться их формой. Она не является видом концептов, денотатов или результатом наложения интенционалов объектов друг на друга.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафоры и дискурс // Теория метафоры / отв. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 257 с.
2. Арутюнова Н.Д. Метонимия // Лингвистический энциклопед. словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 300-301.
3. Бессонова О.М. Методологический анализ современных теорий метафоры // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема / отв. ред. В.П. Горан. – Новосибирск, 1986. – С. 55-64.
4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры / отв. ред. Н.Д. Арутюнова и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
5. Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 699 с.
6. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 11-26.
7. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 310 с.
8. Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопросы языкознания. – 1979. – № 1. – С. 91-103.
9. Поляков М.Н. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М.: Сов. писатель, 1978. – 448 с.
10. Рикер П. Конфликт интерпретаций. – М.: Медиум, 1995. – 415 с.
11. Уфимцева А.А. Языковая номинация. – М.: Наука, 1977. – 206 с.
12. Чернышов М.Ю. На пути к лингвистике XXI века: новый поворот. – Ч. 2. Система артиклей английского языка. – Т. 4. Анализ функций артиклей английского языка. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2008. – 239 с.
13. Чернышов М.Ю. Система функций артиклей английского языка в сравнении с таковой в языках Полинезии // Вестник БГУ. Сер. Романо-германская филология. – 2008. – Вып. 11. – С. 96-106.
14. Bergmann N. Metaphorical Assertion // Pragmatics / Ed. by S. Davis. – New York; Oxford, 1991.
15. Davidson D. What metaphors mean // Reference, Truth and Reality. – Boston, 1980.
16. Henry A. Metonymia e metaphora. – Torino, 1975.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chichester, 1980.
18. Lakoff G., Johnson M. Metaphor: Problems and Perspectives. – Brighton (Sussex) – Atlantic Highlands (N.J.), 1982.
19. Lakoff G., Johnson M. The Ubiquity of Metaphor. – Amsterdam – Philadelphia, 1985.

Каверзина Анастасия Владимировна – аспирант Иркутского государственного лингвистического университета им. Хошемина; e-mail: anastasiakaver@mail.ru

Журавлева Анастасия Михайловна – учитель английского и японского языков МОУ СОШ № 556 г. Москвы; e-mail: antas09@yandex.ru

Чернышов Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, зав. методической частью КИЯ Президиума Иркутского научного центра СО РАН; e-mail: Michael_Yu_Chernyshov@mail.ru

Anastasia Vladimirovna Kaverzina – post-graduate student, Irkutsk State Linguistic University; e-mail: anastasiakaver@mail.ru

Anastasia Michailovna Zhuravleva – teacher of English and Japanese, Secondary school 556, Moscow; e-mail: antas09@yandex.ru

Michael Yuriyevich Chernyshov – Candidate of Philology, Russian Academy of Sciences; e-mail: Michael_Yu_Chernyshov@mail.ru

УДК 811.133.1

© М.Ю. Карбаинова

Функционирование нулевого артикля в нарративе в современном французском языке

Статья посвящена рассмотрению функционирования нулевого артикля в нарративном способе организации дискурса в современном французском языке.

Ключевые слова: нулевой артикль, нарративный дискурс.

M.Yu. Karbainova

The functioning of zero article in the narrative in modern french

The article deals with the problem of zero article in the narrative in modern French. The analysis of the functioning of zero article allows to make the conclusion about wide and various functions of this article.

Keywords: zero article, narrative discourse.

Нарратив как одна из разновидностей дискурса имеет самую богатую историю изучения, особенно изучение его реализации в рассказе как наука рассказа (narratology) – см. Todorov, 1968; 1971. Как продолжение идей Проппа в работах по волшебной сказке, а также идей русских формалистов данная область изучения дискурса нашла свое развитие в кадре структурного анализа в известных работах М. Бахтина вплоть до конца 1970-х годов. Второй этап развития нарратологии связывается с работами В. Лабова и с развитием прагматики. Рассказ стал рассматриваться не только в статике как объект, но и в динамике как процесс (речевой акт), функционирование и функции которого детерминированы взаимодействием повествователя и адресата.

В настоящее время существующие теории в области структурного анализа рассказа базируются на терминологии, в которой сложно разобраться ввиду многозначности терминов: «рассказ», «история», «повествование» и «повествуемое», «дискурс», «регистры речи», «адресат» и «адресант» и т.д.

По мнению французского лингвиста П. Шародо, нарратив подчиняется дискурсивной цели говорящего «Что рассказать?» и указывает на мир, который строится в порядке развертывания событий, влияющих друг на друга и составляющих тем самым «цепочку» действий. П. Шародо выделяет следующие составляющие нарратива: актанты (les actants), процессы (les processus), последовательности (séquences) [3, p. 642]. Актанты – это участники обязательно присутст-

вующие в кадре ситуации и выполняющие несколько ролей по отношению к действию, от которого зависят. Процессы связывают актанты между собой, придавая функциональную направленность их действиям. Процессы и актанты последовательно инкорпорируются согласно определенным принципам организации в повествование.

В настоящей работе нами предпринимается попытка рассмотреть участие нулевого артикля в организации нарративного способа организации дискурса во французском языке. В последние годы французская лингвистика переживает новый всплеск интереса к служебной лексике (союзам, предлогам, артиклям), что обусловлено как внутренними особенностями ее развития, так и состоянием современной науки, позволяющей взглянуть на эти вопросы с новых позиций. Хотя артикль всегда привлекал внимание ученых, проблемы нулевого артикля освещены в достаточно ограниченном количестве работ. Говоря о безартиклевом оформлении имени, следует отметить, что зачастую наблюдается непоследовательность в использовании терминологии. Термин «нулевой артикль» употребляется наряду с терминами «отсутствие артикля», «утрата», «отмена», «опущение», «неупотребление». В результате статус нулевого артикля как языкового знака остается невыясненным. Нулевой артикль как имплицитный компонент артиклевой системы французского языка получает значимость через оппозицию ко всем ее эксплицитным компонентам. По словам Г. Гийома, ну-

левой артикль принадлежит области отрицательной морфологии [1, с. 77]. Как артикль отрицательной морфологии нулевой артикль заменяет другие артикли, чтобы не дать сказать то, что было бы выражено неправильно другими формами.

По наблюдениям, сферой распространения нулевого артикля в дискурсе нарратива являются рассказы и репортажи, тексты информационного характера (новости), реклама в виде рассказа и другие. Ведущими речевыми актами для дискурса нарратива с нулевым артиклем выступают речевые акты Репрезентативного и Сатисфактивного типа в ситуации утверждения, констатации, описания, объяснения, обоснования, а также речевые акты Декларации, Комиссива и Директива.

По нашим наблюдениям, нулевой артикль в нарративе выполняет в определенном смысле временную функцию, способствуя разворачиванию событий в определенной последовательности во времени. Особенно ярко данная функция нулевого артикля прослеживается в речевой ситуации перечисления, например: *Dehors, intoxiqué, il étouffe. Un infirmier lui ouvre la gorge, la trachéotomie réussit et sa respiration reprend. ØAmbulance, Øhélicoptère, Øhôpital Nadassa a Jérusalem. Simon est inopérable. On appelle sa fiancée Miri: «Il peut mourir» [Le Nouvel Observateur].* Данный пример представляет собой фрагмент рассказа, описывающего события одного несчастного случая. Перечисления с нулевым артиклем в речевом акте Репрезентатива: *ambulance* (скорая помощь), *hélicoptère* (вертолет), *hôpital Nadassa a Jérusalem* (госпиталь), передают быструю смену действий, следующих одно за другим. Нулевой артикль придает высказыванию и динамизм. В воображении читателя создается картина несчастного случая: приезд скорой помощи, быстрая транспортировка больного на вертолете. Такой признак перечисления с нулевым артиклем как «живость» выражения подчеркивает М. Гревис: *«L'article est assez souvent absent dans les énumérations, ce qui donne plus de vivacité à l'expression»* [4, р. 921]. «Живость» нулевого артикля придает динамизм последовательно разворачиваемым событиям, также передает быстроту, поспешность, небрежность (в зависимости от ситуации) выполнения действия субъектом: *On passe, on glisse sur les circulaires. Le plan sports? Les secteurs associatifs? La réponse de Fabius? ØNotes, Ømémoires, Ømémios, Øchaises noires, Øvitesse, Øconfiance* [Le Point]. В данном примере описан рабочий день из жизни министра Франции. Существительные с нулевым ар-

тиклем *notes, mémoires, chaises, vitesse, confiance* акцентируют внимание на быстрой смене действий, следующих одно за другим. Кроме временной функции, нулевой артикль имеет здесь и ярко выраженную прагматическую направленность, передает ускоренный ритм рабочего заседания министра и характеризует его как человека энергичного и активного.

Любое высказывание неизбежно организует материал во временных и причинно-следственных координатах, поскольку они присущи структуре языка [2, с. 309]. В традиционных грамматиках большинство лингвистов определяет категорию времени как отношение действия к моменту речи, а основным средством выражения категории времени считаются глагольные формы времени в сказуемом. Тем не менее, анализируемый материал показывает, что в большинстве случаев в высказываниях с нулевым артиклем глагол отсутствует: *ØFin de journée. Bureau du ministre. Lang tutoie le maire de Rome, Walter Veltroni* [Le Point]. Как видим, временные характеристики в данном примере присутствуют несмотря на отсутствие глагольной формы. Нулевой артикль в качестве носителя временных характеристик часто функционирует в дискурсе Нарратива при существительных, чья семантика отражает понятие времени, астрономические явления: *an, jour, heure* и др. Анализируемый материал позволяет, таким образом, утверждать, что категория времени присуща высказываниям с нулевым артиклем в дискурсе Нарратива.

Кроме временных характеристик нулевой артикль в нарративном способе организации дискурса в современном французском языке проявляет тенденцию к пространственной локализации действия. По многочисленным наблюдениям нулевой артикль обычно появляется при обозначении адреса, где, как правило, фигурируют слова «улица, площадь, бульвар, набережная». Нужно заметить, что во многих подобных случаях обозначается не адрес в прямом смысле слова, а место совершения действия: *Mardi 24 juillet. ØPlace de l'Etoile, 8h 45, Øarrivée gare de Lyon, 9h., en passant par les quais. «On a vu pire», admet le Chauffeur de taxi* [Le Point]. В данном примере адресант делает ссылку на место, где разворачиваются события. Указывая на место совершения действия, нулевой артикль приближается к демонстративам фундаментальным значением которых, по словам М. Гревиса, является то, «что они прежде всего локализируют обозначаемый объект или субъект относительно говорящего» [4, р. 958]. Таким образом, можно, на наш взгляд, говорить о дейктической природе

нулевого артикля. Впервые термин «дейкис» используют К. Бругман и К. Бюлер. Слова, выражающие дейктическое значение, иногда называют дейктиками, или по-другому шифтерами. Шифтеры могут классифицироваться по трем параметрам: субъективные (шифтеры лица), пространственные и временные. Пространственный шифтер отсылает к месту, где находится говорящий и тем самым способствует развертыванию высказывания в целом: *ØBureau du ministre. Lang tutoie le maire de Rome, Walter Veltroni [Le Point]*. В данном примере нулевой артикль выступает, на наш взгляд, в роли пространственного шифтера. «*Bureau du ministre*» (кабинет министра) это не простое указание на наличие кабинета как такового, нулевой артикль здесь служит указанием пространственной локализации участников ситуации высказывания: переговоры между министром и мэром Рима проходят в кабинете министра.

Помимо способности нулевого артикля к временной и пространственной локализации действия, нулевой артикль в дискурсе Нарратива, безусловно, выступает как яркое прагматическое средство воздействия на адресата. Особую роль играет контрастирование различных видов артиклей в одном высказывании. Следующий пример представляет собой отрывок рассказа о современной Франции: *France a changé: Øpoursuite de la croissance, Øamélioration du niveau de vie, Ørenovation et Øcompétitivité des entreprises industrielles et des services, Øapprofondissement de la solidarité nationale, Ødébut de la décentralisation. Mais aussi, sur le plan négatif, un taux de chômage relativement élevé, un poids excessif du secteur public et de l'administration, la dégradation du système éducatif, la lourdeur des prélèvements obligatoires, la montée de l'insécurité et de la violence [Le Point]*. Говоря о позитивных переменах в жизни французов, автор использует при перечислении нулевой артикль и тем самым позволяет не заострять внимание на каждом факторе. Все существительные с нулевым артиклем («улучшение уровня жизни», «конкурентноспособность предприятий», «начало децентрализации» и т.д.) референтны выражению *choses positives* («позитивные моменты»). Переходя к перечислению негативных сторон жизни, автор прибегает к использованию определенного и неопределенного артиклей, чтобы акцентировать внимание аудитории на каждом отрицательном факторе («прост безработицы», «деградация системы образования», «насилие» и т.д.), подчеркнуть важность тех проблем, о которых идет речь и необходимость поиска путей их решения.

Контрастирование различных видов артиклей между собой и их взаимодействие с семантикой существительных и общим содержанием контекста является неиссякаемым источником средств эмоционального воздействия на читателя: *Dans la semi-obscurité, quelqu'un donne des chiffres, on parle Øéquipes, Øvigilance, Øabandon, Øefforts, Ørecrutement, Øcoopération, on plaide pour les internats. On aborde l'enfance maltraitée, le racket, la toxicomanie, les bandes, l'insécurité, la défaillance familiale [Le Point]*. Данный пример ярко иллюстрирует контрастирование нулевого и определенного артиклей в перечислениях, занимающих постглагольную позицию. Глагол *parler* (говорить) выражает физическое действие. Нулевой артикль в данном случае используется говорящим для реализации определенной коммуникативной цели. Говорящему важно акцентировать внимание не на самом предмете обсуждения (*équipes, vigilance, abandon* и др.), а на способе обсуждения: эти вопросы поспешно обговариваются. Тогда как перечисление с определенным артиклем после глагола *aborder* (тщательно изучить вопрос), показывают способ обсуждения министрами проблем детства, рэкета, токсикомании, насилия и т.д. более тщательно, с особым вниманием. Таким образом, необходимо обращать внимание на линейную и синтаксические позиции имени в перечислении, его семантику. Общим правилом для имени с нулевым артиклем становится реализация признаковости: в препозиции к глаголу признаковая семантика соотносится с обобщающим именным компонентом предложения; в постпозиции – с глагольным компонентом как его признак – способ действия.

Перечисление как прагматическое средство имеет и другое назначение: признаков много, их надо показать в целом, в массе. С артиклем, как было сказано выше, имеет место последовательное перечисление участников (референтов) ситуации и тем самым расчлененность их действий. С нулевым артиклем – иной воздействующий эффект: массовость, нерасчлененность, единство как одновременность их действий. Обобщающее имя/местоимение (*rien, tout, tous* и др.) позволяют представить перечисление как нечто целое: *ØPersonne âgée, Øfemme enceinte, Øhandicapé ... tout individu qui s'incorpore à une file d'attente porte son identité [Ça m'intéresse]*. Итак, нулевой артикль в перечислении в дискурсе Нарратива не только способствует созданию «цепочки» действий, но и выполняет свое прагматическое назначение, обладает богатыми стилистическими, эмфатическими способностями.

Значительная группа примеров в дискурсе нарратива представлена двумя однородными членами, соединенными союзом *et*, например: *ØVerts et Øanarchistes ont tout de même un problème. Ils n'ont aucune société clés en main à proposer [Le Point]*. Нулевой артикль, на наш взгляд, выполняет здесь функцию объединения. С помощью нулевого артикля адресант объединяет два разных политических лагеря: партию «Зеленых» и анархистов. Чтобы понять связь между ними надо знать более широкий контекст. Речь идет о том, что, несмотря на политические разногласия партий, у них есть одна общая точка соприкосновения: отсутствие ключевой сферы деятельности.

В дискурсе нарратива в равной степени проявляются и другие функции нулевого артикля, в частности, функция обобщения нулевого артикля: *Car la formidable exposition de Rotterdam ne se conte pas de montrer des retables, des gravures, des dessins. ØFenêtre grande ouverte sur l'histoire des mentalités, elle suggère en même temps de prendre en compte toute l'ambiguïté [Le Point]*. Существительное *fenêtre* «окно», сопровождаемое нулевым артиклем, не соотносится в данном случае с конкретным предметом окружающей обстановки. Тем не менее, *fenêtre grande ouverte* «широко открытое окно» детерминировано для адресата контекстом и референтно *la formidable exposition de Rotterdam* «выставка работ Роттердама». Адресант сознательно, таким образом, употребляет нулевой артикль для генерализации, обобщения

понятия, выражаемого словом *fenêtre*. Речь идет о значении выставки работ знаменитого художника, проливающей свет на историю других народов. В другом примере: *Le nouveau maire de Toulouse fera de sa ville un laboratoire sociétal, Øarme inégalable pour un homme politique s'imaginant les plus hautes destinées dans les années futures [Le Point]*, выражение *arme inégalable* с нулевым артиклем подразумевает не конкретное оружие, а передает способ действия, способ политической борьбы: несравнимым орудием борьбы мэра Тулузы должна стать его новая реформа.

Все вышеуказанные функциональные особенности нулевого артикля в дискурсе Нарратива в современном французском языке способствуют более образному представлению реальной действительности в текстах рассказа, передовой статьи, репортажа, интервью, во фрагментах, носящих повествовательный характер.

Литература

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1992. – 224 с.
2. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 448 с.
3. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. – P.: Hachette, 1992. – 928 p.
4. Grevisse M., Goosse A. Le Bon usage // 13-e ed., revue, refondue par A. Goosse. – P.: Duculot, 1993. – 1762 p.

Карбаннова Мария Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков факультета иностранных языков Бурятского государственного университета. 670000, Улан-Удэ, ул. Смолина 24а, e-mail: m_karbainova@mail.ru

Karbainova Maria Yurievna – candidate of philological science, associate professor of department of German and French languages, of faculty foreign languages of Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24a, e-mail: m_karbainova@mail.ru.

УДК 81'276.5

© Е.Н. Малюга

Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании

В статье рассмотрены проблемы динамики развития межкультурной деловой коммуникации, а также даны определения лингвокультурологии, межкультурной деловой коммуникации. В работе приводятся переменные, составляющие коммуникативный процесс.

Ключевые слова: межкультурная деловая коммуникация, лингвокультурология, язык, коммуникативное поведение.

E.N. Malyuga

Intercultural business communication development in the modern linguistics

The article is devoted to the problems of the dynamics of intercultural business communication development. The definitions of linguistic culture and intercultural business communication are given in the article. The variables composing the communicative process are analysed in the article.

Keywords: *intercultural business communication, linguistic culture, language, communicative behavior.*

Языкознание переживает эпоху переосмысления ценностей, творчески интерпретируя методологические, социальные и антропологические исследования.

Особый интерес многих ученых привлекают труды и идеи Ф. де Соссюра, И.А. Бодуена де Куртенэ, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона, Л.П. Якубинского и др., преобразовавших положения Ф. де Соссюра и поддерживающих его представление о феномене языка.

Проблемы функционирования языка анализируются в разнообразных интерпретациях теории речевой деятельности, которые послужили базой современной теории коммуникации.

Данная статья посвящена динамике развития теории межкультурной деловой коммуникации.

Межкультурную деловую коммуникацию необходимо исследовать, обратившись к специфическому лингвистическому материалу, который, так же как и нормативные коммуникативные ситуации различных жанров деловой коммуникации, основывается на эпизодах, демонстрирующих нетипичные вербальные и невербальные схемы, а также стереотипах речевого поведения и этикетных нормах современного делового пространства, которые приводят к успешному деловому общению или к нарушению его норм.

Лингвистический энциклопедический словарь определяет понятие коммуникация как «диалогическое или полилогическое общение людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности, предусматривающее обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д.» [1, 233].

Наиболее общими понятиями, которые будут широко использоваться в нашей работе, являются «коммуникация» и «общение».

Как отмечает А.В. Кравченко, большая часть коммуникативной деятельности людей реализуется через их языковую деятельность, связанную с обменом информацией. Таким образом, происходит произвольная подмена понятий в употреблении терминов. Самый очевидный признак явления, то есть языковая деятельность, отождествляется с самим явлением, то

есть коммуникацией. На языковом уровне это находит отражение в одновременном существовании понятий «общение» и «коммуникация», которые часто понимаются как синонимы [2, 39].

Коммуникация – это одна из форм взаимодействия людей в процессе общения. Ряд учёных отождествляет коммуникацию и общение [3, 17]. Обычно под общением понимается явление многоплановое, а именно: взаимодействие общественных субъектов, их обмен деятельностью, умениями, навыками, а также результатами деятельности. Коммуникация рассматривается как информационный аспект общения. Психологи под коммуникацией понимают процессы обмена продуктами психической деятельности. Социологи считают, что коммуникация играет решающую роль при передаче социальной информации».

Эти определения дают объяснение одному и тому же явлению с позиции разных наук.

«Коммуникацию можно считать необходимым и всеобщим условием жизнедеятельности человека и одной из фундаментальных основ существования общества. Общество – не столько совокупность индивидов, сколько те связи и отношения, в которых данные индивиды находятся друг с другом. ... Каждый новый исследователь, столкнувшись с проблемами человеческого общения, обнаруживал, что коммуникативная проблематика оказывается едва ли не самой запутанной» [4, 57].

Понятию «коммуникация» ряд британских ученых даёт следующее определение: «обмен сообщениями между двумя или более участниками, который характеризуется намеренным использованием понятных всем систем». Это определение было разработано М. Хьюстоном и В. Строубом [5, 27]. Многие другие определения могут отличаться своей формулировкой, но, по сути, они означают одно и то же.

Так как данное определение исключает возможность общения без сознательного намерения, оно не может быть принято как универсальное: привычки и эмоции рассматриваются как импульсы для общения, но без сознательного намерения.

В «Логическом словаре ДЕФОРТ» находим «КОММУНИКАЦИЯ» (лат. *Communicatio* – связываю, общаюсь) – обмен информацией между объектами – носителями естественного или искусственного интеллекта, а далее в этом же словаре читаем, что «ОБЩЕНИЕ – то же, что коммуникация» [6, 162].

Как совершенно справедливо отмечает в своей работе Н.А. Баландина феномен коммуникации во многих работах исследователей предстает как метод моделирования. «Построение моделей коммуникации используется исследователями как средство постижения сущности и механизмов человеческого общения. В результате этого процесса появились модели коммуникации, которые воспроизводят составные элементы и функциональные характеристики коммуникационного процесса в виде схемы. Разумеется, содержание модели зависит от концепции ученого, который эту модель разработал, от потребностей той сферы науки, в которой она появилась, и т.д. Хотя модель и воспроизводит некоторые характеристики моделируемого объекта, она не является “отражением реальности”, а тем более самой реальностью [7, 37]».

К примеру, модель К. Шеннона и У. Уивера, представляющая процесс передачи информации, включает пять элементов: источник информации, передатчик, канал передачи, приемник и конечную цель, расположенные в линейной последовательности [8, 76].

В дальнейшем модель пересматривалась с учетом совершенствования других научных сфер. После пересмотра в модель вошли шесть компонентов: источник, кодирующее устройство, сообщение, канал, декодирующее устройство и приемник.

Идеи К. Шеннона были интерпретированы Р.О. Якобсоном. Контекст в модели Р.О. Якобсона подразумевает содержание сообщения и информацию, ими передаваемую; понятие контакта связано с регулятивным аспектом коммуникации [9, 43].

Данная модель и ее различные варианты используется для исследования функций языка, а также для анализа функционирования определенных единиц языка, производства речи и текста.

Все приведенные модели доказывают неоднозначность процесса коммуникации, который заставляет ученых совершенствовать их с учетом различных факторов.

Главная роль в моделях отводится обстоятельствам общения, важным компонентом которых является контекст. К обстоятельствам относятся условия, место, время общения, а также

психологические и социальные характеристики участников (психосоциосфера) [10, 14-15; 11, 67; 12, 35].

Следовательно, коммуникацию нельзя рассматривать только как процесс обмена – значениями, смыслами, мыслями, информацией и т.д. Коммуникация состоит как в обмене необходимой информацией, так и в создании взаимодействия между деловыми партнерами. Язык, лингвистическая индивидуальность, жесты, традиции, национальный характер и т.д., играют решающую роль в межкультурной деловой коммуникации.

Культурные различия представляют преграду для межкультурной деловой коммуникации деловых партнеров разных национальностей, которые постоянно общаются между собой, решая вопросы, связанные с их профессиональными сферами. Знание социокультурных факторов помогает устранить типичные ошибки и непонимание, связанные с межкультурной деловой коммуникацией, поэтому в последнее время акцент в исследовании иностранных языков переносится именно на социокультурные факторы и проблемы коммуникации. Межкультурная деловая коммуникация – искусство, владея которым возможно преодолеть культурный шок, достичь взаимопонимания с иностранным деловым партнером.

Межкультурная деловая коммуникация определяется не только социальными факторами, но и стереотипно-поведенческими условиями культур коммуникантов. Партнеры по бизнесу используют иностранный язык с одновременным накоплением культурологических знаний и формированием способности понимать ментальность носителей другого языка.

Исследования по межкультурному общению впервые были осуществлены в США с целью выявления и изучения вопросов взаимодействия представителей различных расовых и этнических групп. Развитие теории межкультурного общения происходит в условиях различий стандартов, ценностей, мышления и поведения, характерных для представителей различных культур. С точки зрения поликультурной реальности, процесс коммуникации, происходящий в различных лингвокультурных системах приводит к взаимовлиянию и взаимопроникновению культур членов социумов.

Проблема параллельного исследования языка и культуры возникла не случайно. Э. Хэтч считает, что культура состоит из традиционных образов мышления, поведения, правил этикета, экономической деятельности и т.д., которые передаются от поколения к поколению и отражены

в языке в качестве национальных реалий [13, 27].

В наши дни культурные рамки исследования иностранных языков расширились. Это доказывается исследованиями ведущих зарубежных лингвистов, психологов, методистов проблемой взаимосвязи языка и культуры.

Лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса [14, 34].

Язык – универсальное средство общения, изучение которого не должно ограничиваться рамками его системы. Язык функционирует как средство существования личного, общественного и социального опыта общения. Язык – это не только средство общения, но вместе с тем и средство восприятия и познания мира человеком в процессе коммуникации. Язык, как явление социальное, состоит из культурных, коммуникативных, развивающих, воспитывающих и интегративно-личностных компонентов.

Изучение языковых единиц, отражающих национальные особенности культуры носителя языка – реалий, коннотативной и фоновой лексики с точки зрения официально-делового стиля речи способствует развитию лингвокультурологического компонента деловой коммуникации.

В целом «язык», независимо от разных эпох, стран и школ – это средство коммуникации и двигатель мысли. Функции, приписываемые языку, многочисленны. Связь языка и культуры очевидна. Она прослеживается не только на функциональном уровне, но и на уровне структурном. Главная и основная функция культуры – коммуникативная.

Поскольку язык – средство коммуникации, он является социальным и национальным феноменом. Поэтому язык отражает мировоззрение и нормы поведения, присущие определенному языковому сообществу.

Язык накапливает и хранит сведения о предшествующих знаниях, об обозначаемом. Язык является частью социальной памяти, совокупностью значений, составляющих ориентировочную основу деятельности.

Лингвокультурология призвана выявить с помощью и на основе языковых данных базовые оппозиции культуры, закрепленные в языке и проявляющиеся в дискурсе; отраженные в зеркале языка и в нем зафиксированные представления об окультуренных человеком сферах: пространственной, временной, деятельностной и т.д.; проступающие сквозь призму языка древ-

нейшие представления, соотносимые с культурными архетипами [15, 11].

В центре интересов лингвокультурологии находится взаимодействие языка и культуры с позиций культурно-национального самосознания и его знаковой природы.

Сознание человека этнически обусловлено. В основе мировидения и миропонимания народа заложена определенная система социальных и этнических стереотипов. В жанрах межкультурного делового дискурса всегда прослеживается этнокультурная специфика.

Этносоциокультурный фактор выявляется в национально-этнических особенностях формулирования мысли. Сознание определяется этническими стереотипами поведения и не осознается носителем культуры.

Рассмотрение культуры с точки зрения семиотики способствует созданию предпосылок для функционирования в лингвокультурологии общего метаязыка для культуры и языка.

Следовательно, культура зависит от сознания, речевых и поведенческих стереотипов, системы знаков, социально передаваемых знаний и опыта.

Для успешной межкультурной деловой коммуникации участникам речевого взаимодействия необходимо понимание и использование знаний, имеющихся у носителей языка. Согласно подходу В.Н. Телии «культура имеет дело с недискретным мышлением, она “говорит” языком целостных и в то же время нелинейных размытых категорий; концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в естественном языке» [16, 82].

В связи с расширяющимися международными связями в разных сферах особую актуальность приобретают проблемы межкультурной деловой коммуникации, когда процесс коммуникации происходит в условиях несовпадения национально-культурных стереотипов мышления и поведения, включая ситуации делового взаимодействия.

Под коммуникативным поведением мы понимаем осуществляемые в процессе коммуникации правила и традиции общения определенной лингвокультурной общности.

Т. Астафурова выделяет следующие «типы коммуникативного поведения, проявляющиеся: а) в специфике коммуникативного поведения иносоциума в целом (общезначимые нормы: правила и традиции); б) в особенностях коммуникативного поведения представителей делового социума нормы профессионального коммуникативного поведения, его правила и традиции» [17, 59].

Однако необходимо уточнить понятие «цель межкультурного делового общения» и «обстоятельства межкультурного делового общения». Вряд ли можно отнести к межкультурной деловой коммуникации разговор двух бизнесменов в неофициальной обстановке. Чтобы признать факт межкультурной деловой коммуникации состоявшимся, следует учитывать официальность взаимодействия деловых партнеров разных национальностей и включить в сферу межкультурной деловой коммуникации устный или письменный речевой контакт.

Интенция говорящего как социальный мотив при вступлении в деловые контакты влияет на характер межкультурной деловой коммуникации. При этом исходные позиции коммуникантов могут быть классифицированы как идеализирующие, нейтральные и отрицающие. Следствием негативного настроения может стать упрощение, недооценка или искажение информации.

Когнитивный образ коммуникативной ситуации в ее динамике функционирует в качестве одного из условий успешного акта межкультурной деловой коммуникации, производства и интерпретации текстов, шире – совместной деятельности. Этот когнитивный образ содержит знания о конвенциях, нормах ритуалов, ролях коммуникативной деятельности, т.е. имеет социокультурный характер. Информация социокультурного характера, как правило, организована в виде фреймов, сценариев, схем [18, 130].

Участники данного процесса ориентированы на достижение цели. Регламентированность (ограничения по ряду национальных и культурных традиций, профессиональных и этических принципов) – одна из специфических особенностей межкультурной деловой коммуникации. Межкультурная деловая коммуникация включает передачу, обмен и получение деловой или профессиональной информации между деловыми партнерами с учетом вербальных и невербальных средств.

Применительно к нашему исследованию наиболее подходящим мы считаем такое понятие как межкультурная деловая коммуникация, поскольку оно является более широким и определяется как передача информации между деловыми партнерами с использованием аудиовизуальных средств и без них. Следовательно, мы можем говорить о различных видах коммуникации – массовой, политической, публичной и других видах коммуникации, связанных с обменом информацией в различных профессиональных сферах. «Передача информации может осуществляться в трех коммуникативных фор-

мах: 1) монологической, где преобладают такие коммуникативные действия, как односторонняя передача информации от организатора общения на получателя информации; 2) диалогической, в которой субъекты общения взаимодействуют и взаимно активны. При такой форме коммуникации происходит обмен информацией. В диалогической коммуникации важным становится выработка согласованных решений; 3) полилогической, которая является формой организации многостороннего общения. Такая коммуникация носит характер борьбы за овладение коммуникативной инициативой и связана с максимально эффективной ее реализацией» [18, 56].

Межкультурная деловая коммуникация – сложный процесс установления, поддержания и развития контакта между людьми разных национальностей в профессиональной сфере, происходящий в условиях несовпадения национально-культурных стереотипов мышления и поведения и принятых в обществе правил и стандартов и в результате достижения деловой договоренности между заинтересованными сторонами [19, 43].

Профессиональная деятельность человека характеризуется разнообразием выполняемых функций. Многочисленные научные исследования в этой сфере говорят о том, что почти вся профессиональная активность человека связана с межкультурной деловой коммуникацией (устной и письменной): интервью при устройстве на работу, деловые встречи, переговоры, презентации, деловая переписка и т.д.

Итак, с точки зрения различных наук коммуникация может выполнять ряд функций, среди которых: 1) информационная; 2) интерактивная; 3) гносеологическая; 4) аксиологическая; 7) нормативная; 6) социальная.

Позитивная роль принадлежит культурной традиции народов как источнику делового и профессионального общения. Очередной виток в развитии науки и всех сфер жизни общества нуждается в новых языковых средствах выражения.

Передача объективности и правдивости информации – основное требование официально-делового стиля. Осуществление коммуникации по определенным стандартам, стандартизованность речи – черта, характерная для межкультурной деловой коммуникации, самого массового вида коммуникации людей в социуме.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., Советская энциклопедия, 1990.

2. Кравченко А.В. Что такое коммуникация? // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 27-39.
3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – Едиториал УРСС, 2003 – 213 с.
4. Василик М.А. Основы теории коммуникаций / под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2006. – С. 315.
5. Hewstone M., Stroebe W., Codol J.-P. and Stephenson G.M. Introduction to Social Psychology. – Oxford: Basil Blackwell, 1988 – 234 с.
6. Ивин А.А., Переверзев В.Н., Петров В.В. Логический словарь ДЕФОРТ. – М., 1994 – 321 с.
7. Дискурс переговоров в англоязычной деловой коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 192 с.
8. Weaver R. Understanding Interpersonal Communication. 7-th. ed. Harper Collins College Publishers, 1996. – 265 p.
9. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация: язык в отношении к другим системам коммуникации // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.
10. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика / сост. и вступ. ст. Б.Ю. Городецкого. – М: Прогресс, 1989. – 5-31 с.
11. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983, № 6. – 34-37 с.; Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара, 1994. – 345 с.
13. Hatch M.J. The Dynamics of Organizational Culture // The Academy of Management Review, 18 № 4, 1993. – 67 с.
14. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – 43-51 с.
15. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М., 2002. – 197 с.
16. Астафурова Т.Н. Варьирование речевой деятельности в межкультурном деловом общении // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. – Волгоград, 1998. – 54-62 с.
17. Gumperz, John J. Discourse Strategies. Cambridge: University Press, 1982. – 412 с.
18. Володина Л.В., Карпухина О.К. Деловое общение и основы теории коммуникации. – СПб., 2002.
19. Малюга Е.Н. Функциональная прагматика межкультурной деловой коммуникации. – URSS, 2008. – 312 с.

Малюга Елена Николаевна – академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков экономического факультета РУДН, председатель Национального Объединения Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального Общения в сфере бизнеса. 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6. +7(495) 434-43-56; e-mail: en_malyuga@hotmail.com

Malyuga Elena Nikolaevna – Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Full Professor, Chair of the foreign languages department at economics faculty of Peoples' Friendship University of Russia, Chairperson of the Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association. PFUR. 117198, Moscow Miklukho-Maklaya str. 6. +7 (495) 434-53-56, FAX: +7 (495) 4345356, e-mail: en_malyuga@hotmail.com

УДК 81.133.1.36

© Л.Г. Озонова

Метафорическое представление эмоции радости во французском языке

В статье рассматриваются особенности различных типов когнитивных метафор, описывающих физиологические проявления субъекта эмоции радости во французском языке. Анализируемые метафоры обладают способностью передавать абстрактные идеи.

Ключевые слова: метафора, эмоции, вербализация эмоций, концептуализация, антропоморфная метафора, натурморфная метафора, «наивная» картина мира.

L.G. Ozonova

Metaphorical representation of the emotion of the joy in the French language

The article is about cognitive metaphors representing emotion of the joy in the French language. The author analyzes different types of these metaphors. Metaphors can serve as symbols for abstract ideas.

Keywords: metaphor, emotions, verbalization of emotions, conceptualization, anthropomorphous metaphor, naturemorphous metaphor, «naive» view of the world.

Изучение метафоры как объекта научного исследования интересно в аспекте механизма ее

порождения и функционирования как языковой единицы. В парадигме современной лингвисти-

ки интерес к метафоре, по всей видимости, связан с изменениями, происходящими в понимании структуры современного познания мира и в структуре представления данного мира в языке.

С точки зрения когнитологии метафора есть не что иное, как инструмент познания мира, поскольку она базируется на установлении ассоциативных связей, сходств и различий между явлениями мира и создает на этой основе новые личностные смыслы, которые представляют субъективное отношение индивида к миру, его видение, его трактовку определенного фрагмента действительности [2, с. 17]. Метафора обобщает и концентрирует опыт в системе слов. Превращение подобия в тождество, размыwanie области четких знаний, создание «системы ассоциаций» позволяет метафоре определять сознательную и бессознательную организацию мыслительных процессов. При этом информация, не вписывающаяся в когнитивную «карту действительности», заданную или представленную метафорой, просто не попадает в сознание и не влияет на действительность [6, с. 83].

Д. Лакофф и М. Джонсон приписывают метафоре более широкий характер, чем обычно отмечается. По их мнению, вся концептуальная система, где человек думает и творит, является по своей природе метафорической, т.е. мы описываем одну картину в образах и терминах другой. При этом абстрактные понятия описываются через определенные конкретные образы. Среди сфер часто подвергающихся такой концептуализации, они называют и сферу эмоциональных проявлений [7]. Рассматривая проблему вербализации эмоций, В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян отмечают, что эмоции подобно другим внутренним состояниям, например, ментальным, недоступны прямому наблюдению. Однако, в отличие от ментальных состояний, которые достаточно легко вербализуются самим субъектом, эмоции очень непросто перевести в слова. Вследствие этого эмоции практически никогда не выражаются прямо, а описываются через какие-то похожие явления или, другими словами, уподобляются чему-то [1, с. 454-455]. Н.Н. Болдырев считает, что человек в процессе своей жизнедеятельности использует знания об известных предметах и событиях для понимания абстрактных понятий таких, например, как эмоции. Им приводится следующий пример, если кто-то, описывая ЭС кого-либо, говорит: «Он весь вскипел», то для того, чтобы понять это высказывание, мы используем наши знания о кипении как реальном процессе. Процесс кипения как ЭС можно сравнить, например, с кипением чайника, то есть, как подчеркивает Н.Н.

Болдырев, в данном случае нами используется наш познавательный опыт, связанный с реальным миром [3, с. 20].

Эмоции *счастье* (*happy*) и *грусть* (*sad*) метафорически противопоставлены как верх – низ: счастье – верх, грусть – низ (*happy is up, sad is down*). При этом, по мнению Д. Лакоффа и М. Джонсона, эта метафора имеет как физическую основу (человек опускает голову вниз, когда грустит, и поднимает, когда радуется), так и культурную – она является разновидностью родовой метафоры «*хорошее – верх*», «*плохое – низ*» (Лакофф, Джонсон 1990). Такой подход ценен в том отношении, что отражает семантическую градуированность слов, обозначающих эмоции, но при этом между предполагаемой мотивацией и собственно метафорой отсутствует собственно языковое, семантическое звено.

Интересной представляется попытка С.Ю. Селезневой метафорически концептуализировать фреймы и субфреймы внешности при характеристике персонажа, поскольку это позволяет более наглядно сформировать зрительные образы с помощью других конкретных визуальных картин. Так, например, при описании глаз используются распространенные метафорические концепты: глаза – *контейнер полный воды*; глаза – *контейнер полный огня*; глаза – *пустой контейнер*; глаза – физическое явление (*теплые, холодные, твердые, стеклянные*) и другие. Автор анализирует реализацию этих концептов на примере метафорических эпитетов [8].

В.Г. Гак, характеризуя эмоциональные контексты, предлагает различать языковое выражение эмоций и сообщение о них, при этом последнее разделяет на изображение и описание (Гак 1997). Конечно, это деление весьма условно, однако оно помогает в систематизации языковых представлений эмоций. Языковое выражение эмоций оформляется эмоционально-оценочной лексикой и экспрессивным синтаксисом: эмотивные предложения, реприза, стилистические повторы, парцелляция и другое. Описание эмоций достигается использованием в языке глаголов чувств и отношений (любить, нравиться). Наибольшую вариативность, и, следовательно, возможности, получает изображение эмоций через описание поведения и внешнего вида человека. Исходя из того, что эмоции неизбежно воздействуют на физиологию человека, в текстах можно выделить три основных компонента описания героя, которые изображают его эмоциональное состояние: 1) речь, характеристика речи как деятельности; 2) описание внешности / изменения внешности; 3) описание движений, жестов.

Идея о том, что в языке эмоции описываются через знания о конкретных предметах и событиях, а также через сравнения эмоциональных проявлений с реальными процессами, подтверждается нашим языковым материалом, свидетельствующим, в частности, о том, что большинство метафор, описывающих эмоцию радости, основывается на физиологии эмоций. Подобное замечание высказывается исследователями при изучении таких эмоций, как, например, эмоция гнева в японском языке (Lakoff 1997), различные виды ЭС в русском языке (жалость, страх, отвращение, страсть) [1].

В исследовании были выявлены следующие типы метафор: антропоморфная и натурморфная. Как показали результаты, эти типы являются наиболее продуктивными. В основе антропоморфной метафоры, активно кодирующей эмоции, лежат такие явления, как персонификация и олицетворение. Высокий уровень употребления антропоморфной метафоры объясняется социально-психологической релевантностью для человека его же реальных поступков, его преобразующей действительность деятельностью [4]. Антропоморфные метафоры обладают разными структурами. Их компонентами являются различные знаменательные части речи. К самым распространенным относятся метафоры, структуру которых формируют номинанты эмоций и глаголы, где номинант эмоции – это метафоризируемый компонент, а глагол – метафоризирующий.

(1) *Le sourire et la joie éclataient dans ses yeux et sur ses lèvres* [19, с. 228].

В ходе проведенного исследования были также определены так называемые пассивные синтаксические модели, то есть модели, где номинанты эмоций выступают в функции объекта действия. В качестве примера можно привести следующие предложения с глагольной антропоморфной метафорой:

(2) *J'ai souri de bonheur* et j'ai frotté mes mains contre mon puyama [16, с. 56].

В примере употреблен глагол физического проявления переживания. К этому же типу относятся такие глагольные метафоры, как: *frémir, tressaillir, sauter, danser, trépigner, se pâmer de joie*.

(3) *Lisbeth sortit la joie dans le cœur* [9, с. 128].

В примере представлен глагол движения. Как видно из предыдущего примера и многих других, эмоция радости представляется носителям французского языка как расположенная в груди человека. Данное представление отражает так называемую «наивную» картину мира, в соответствии с которой предполагается, что эмо-

ции могут иметь место локализации в теле человека. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, этот взгляд на мир «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. В наивной картине мира можно выделить «наивную» геометрию, «наивную» физику пространства, и т.п. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определенные системы. Представления человека о той или иной эмоции входят в «наивную» психологию и включают знания о типичных причинах возникновения эмоции, ее физиологических проявлениях, возможных последствиях [1, с. 350].

В произведениях французских писателей встречаются метафоры, основанные на физиологии эмоций, в которых ЭС радости ассоциируется с чем-то «раздувающимся» и «растущим» в груди человека (шаром или комом):

(4) *Enfin, vers quatre heures de l'après-midi, on les fit entrer denouveau dans la grande salle rectangulaire, et un officier de marine se leva pour annoncer que le numéro 78 avait «fermé» contingent. Benjamin dut se retenir pour ne pas laisser éclater la joie folle dont le flot gonflait dans sa poitrine. Il dut pour cela attendre d'avoir accompli les dernières formalités et d'être libéré par les gendarmes* [18, с. 200-201].

Этот тип относится к натурморфной метафоре. Авторы описывают радость персонажа как «поток» или «волну», которая раздувается в груди. Представленная метафора, относится к случайной, не имеющей мотивирующего образа у всех носителей языка. В ней имеет место сопоставление понятий «вода» и «эмоция». Высокая продуктивность натурморфной метафоры объясняется ее традиционно непреходящей практической ценностью для нашей жизни. Под натурморфной метафорой понимается перенос наименований реально существующих предметов на культурные психические факты внутреннего мира человека (Волостных 2007).

(5) *Les reins des cavaliers accentuèrent ce déhanchement, cette cassure paresseuse que leur imposait l'allure amollie de leurs montures. On se retournait, on adressait des sourires à la tribune, on flattait de la main les chevaux. Il y eut dans la phénombre, les odeurs moites, les bruits familiers, un instant charmant, un de ces moments d'équilibre,*

de fatigue et de gaieté, comme le manège on offrait à qui savait les mériter. *Une boule de joie grossit dans la poitrine d'Hector, irradia, rebondit, fit en lui un raffut terrible* qui l'empêcha de répondre quand sa voisine lui adressa la parole [17, с. 179].

В примере представлена натурморфная метафора, в которой присутствует сопоставление понятий «эмоция» и возможно «извержение вулкана», поскольку шар растет, светится, вспыхивает с новой силой как вулкан при извержении.

Более распространенными выражениями во французском языке, указывающими на место локализации ЭС радости, являются метафоры с лексемой *âme* (душа) и квазисинонимической ей лексемой *cœur* (сердце). В данных выражениях указывается более «точное» место протекания эмоции. В большей степени представлены выражения с лексемой *cœur*. В толковом словаре французского языка Grand Larousse Universel представлена следующая дефиниция данной лексемы, отражающая среди основных ее значений:

coeur – siège de la joie ou de la tristesse (GLU).

Такое толкование лексемы подтверждает то, что в «наивной» картине мира носителей французского языка эмоции локализируются в сердце. Фактический материал подтверждает это и указывает на то, что выражения с лексемой *cœur* являются употребительными при описании ЭС радости:

(6) *Lisbeth sortit la joie dans le cœur*; elle espérait pouvoir, en tenant son artiste sous clef, faire manquer son mariage avec Hortense [9, с. 128];

(7) Il faisait un temps bleu, de ce bleu du Midi qui vous emplit le cœur de joie (...) [14, 209];

(8) *Ce fut la joie dans le cœur* que la comtesse rentra au palais del Dongo [19, с. 94];

(9) J'imaginai France, devenue grande, rencontrant en cachette Marc dans les champs. À ces images, *mon cœur, malgré moi, se dilatait de joie* [10, с. 114];

(10) Il jura et partit, *le cœur débordant de joie* [14, с. 229].

Приведенные примеры показывают, что слово *cœur* является «вместилищем» эмоции. Оно практически во всех контекстах переполняется радостью, и данное состояние неконтролируемо субъектом, о чем свидетельствует, например, наличие предлога *malgré* в примере (9). Эмоция в этом примере возникает в субъекте произвольно, то есть независимо от его воли. Лексема *cœur* входит в состав некоторых устойчивых выражений, описывающих ЭС. Среди

подобных выражений можно акцентировать внимание на разговорном обороте *se donner à cœur-joie*, являющемся достаточно употребительным. Посредством данного оборота описывается в большей степени наслаждение субъекта чем-либо или получение удовольствия, чем переживание им ЭС:

(11) Peter et moi, on parlait de marotte, on regardait la chose comme une folie douce dont notre mère était atteinte, et contre laquelle il n'y avait pas de remède. Ce que nous avons de mieux à faire, c'était d'en rire. Nous ne nous en privions guère à l'époque. *Peter* qui était espiègle, *s'en donnait à cœur-joie* [12, с. 23];

(12) *Philippe Carrière s'en donnait à cœur-joie*. 160 chrono. Sa Porche, un Mirage IV. Hop! Avalée la DS, rejetée derrière lui [13, с. 28].

В примере (11) персонаж радуется тому, что его мать так увлеклась новым занятием. Пример (12) демонстрирует положительное ЭС субъекта, наслаждающегося высокой скоростью езды.

ЭС радости во французском языке представляется также следующими фразеологическими единицами с опорным словом *cœur*: *avoir le cœur gai*, *avoir le cœur léger*, *avoir le cœur joyeux*. Эти фразеологические единицы функционируют в предложениях, обозначая эмоциональное сопровождение главного действия субъекта:

(13) Ayant vu ce dont il était capable, j'avais pleine confiance en lui. *Le cœur léger*, je pris le soir même l'avion pour Assouan [11, с. 108];

(14) Il remontait chez lui, ce soir-là, au logis de son prédécesseur, *le cœur joyeux*, pour dîner, avec le désir éveillé d'embrasser tout à l'heure sa femme dont il subissait vivement le charme physique et l'insensible domination [14, с. 255];

(15) Il le fit *le cœur léger*, l'ayant eue plutôt par acquit de conscience, et content au fond d'avoir un prétexte, pour se débarrasser d'un fantôme de rang, qui l'aurait forcé à se gêner [15, с. 45].

Исследуемые фразеологические единицы описывают ЭС субъекта, возникающее вследствие выполнения действия. Сочетание лексемы *cœur* с прилагательным *léger* свидетельствует о том, что в представлении носителей языка *сердце* субъекта, испытывающего радость должно быть «легким», «невесомым», о чем свидетельствуют примеры (13) и (15) или «радостным, веселым» (см. пример (14)). Это сравнение позволяет провести параллель между представлением радости в русском языке как «легкой жидкости» и ее представлением во французском как чем-то «легким», «невесомым».

Представленный анализ позволяет заключить, что наиболее употребительными метафо-

рами, описывающими ЭС радости, являются метафоры, передающие физиологические реакции субъекта, возникающие под влиянием эмоции. Особо следует отметить, что в «наивной» картине мира носители языка предполагают, что эмоция локализуется в груди, сердце или душе.

Литература

1. Апресян В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций // Избранные труды. – М.: Школа языка русской культуры, 1995. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С. 453-464.

2. Арутюнова Н.Д., Залевская А.А. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 17.

3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.

4. Волостных И.А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2007. – 23 с.

5. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 1997. – № 3. – С. 87-95.

6. Калашникова Л.В. Метафора – ключ понимания основ мышления и создания ментальных представлений о мире // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2010. – №3. –

С. 81-84. – <http://www.gramota.net/materials/2/2010/3/22.html>.

7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 385-415.

8. Селезнева С.Ю. Фреймовые структуры в описании внешности человека в английском художественном тексте // Стилистические аспекты дискурса. – М.: Изд-во Московского гос. лингвистического ун-та, 2000. Вып. 26. – С. 164-180.

9. Balzac de H. La cousine Bette. – P.: Éd. Booking International, 1993. – 412 p.

10. Beck B. Des accommodements avec le ciel. – P.: Éd. Gallimard, 1954. – 213 p.

11. Fiechter J-J. Tiré à part. – P.: Éd. Denoël, 1993. – 173 p.

12. Humbert M-T. La montagne des Signaux. – P.: Éd. Stock, 1994. – 331 p.

13. Laffont P. Le visiteur de l'été. – Éd. du Club France Loisirs, 1983. – 309 p.

14. Maupassant G. de. Bel-Ami. – P.: Éd. Gallimard, 1973. – 435 p.

15. Montherlant de H. La rose de sable. – P.: Éd. Gallimard, 1968. – 592 p.

16. Morgiève R. Mon beau Jacky. – Mesnil-sur-l'Estrée: Éd. Calmann-Lévy, 1996. – 138 p.

17. Nourissier F. En avant calme et droit. – P.: Éd. Grasset et Fasquelle, 1987. – 269 p.

18. Signol C. La rivière Espérance. – P.: Éd. du Club France Loisirs, 1990. – 368 p.

19. Stendhal. La chartreuse de Parme. – P.: Éd. Booking International, 1993. – 501 p.

Озонава Лариса Гавриловна – канд. филол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: olglarissa@mail.ru

Ozonova Larissa Gavrilovna – cand. of philology, assistant professor of German and French languages department of BSU. 670000, Ulan-Ude, Smolin str. 24 a. E-mail: olglarissa@mail.ru

УДК 811.512.31

© Л.Э. Рупышева, Б.Д. Цыренов

Грамматическая характеристика субстантивных многосложных флоронимов в бурятском языке

Статья посвящена субстантивным флоронимам бурятского языка, состоящим из нескольких компонентов. Материалом исследований послужили наименования растений и грибов из 7 словарей бурятского языка.

Ключевые слова: лексика, бурятский язык, флоронимы, субстантивные словосочетания.

L.E. Rupysheva, B.D. Tsyrenov

The grammatical characteristic of substantive multisyllable floronyms in the buryat language

The article is devoted to the floronyms in the buryat language, which consist of several components. 7 dictionaries of the buryat language were used for the study of the names of plants and fungi.

Key words: vocabulary, buryat language, floronyms, substantive collocations.

Субстантивными сочетаниями слов называют структуры с общей моделью: определяе-

мое слово (части речи) + имя существительное. В зависимости от того, какой компонент исполь-

зуется в качестве определяемого слова, образуются следующие модели: существительные в форме основы «существительное + существительное» (далее: С + С), существительные в родительном падеже «существительное в род. п. + существительное» (далее: С_{род.п.} + С), прилагательные в именительном падеже «прилагательное + существительное» (далее: П + С), прилагательные в родительном падеже «прилагательное + существительное» (далее: П_{род.п.} + С), числительные «числительное + существительное» (далее: Ч + С).

Цель анализа – определить грамматическую характеристику флоронимов посредством комплексного рассмотрения избранных языковых единиц. Примеры ограничены тематической группой названий растений и грибов. Материалом исследований послужили наименования растений и грибов из 7 словарей бурятского языка.

Преобладающее большинство анализируемых субстантивных сложных флоронимов представлено нарицательными именами существительными (102 лексических единицы – л.е.): *ороохо обёос* ‘овес’, букв. ‘зерно + овес’; собственными и нарицательными именами существительными (1 л.е.): *Гмелинэй хонхолой* ‘бубенчик Гмелина’; именами прилагательными (71 л.е.): качественными – *сагаан хархяаг* ‘груздь’, букв. ‘белый гриб’; относительными – *нархан модон* ‘сосна’, букв. ‘сосна + дерево’; числительными (4 л.е.): *гурбан халаата* ‘трилистник’, букв. ‘три кисти’.

Некоторые наименования растений представляют собой именное сочетание, оформленное при помощи числительного *хоёр* ‘два’ в функции обобщающего слова *дүү* ‘вместе’: *эгэшэ дүү хоёр* ‘мать-и-мачеха’, букв. ‘старшая сестра + младшая сестра’.

В составе группы С + С отмечена модель с повторяющимися компонентами: ‘жэмэс’ ягода, ‘сэсэг’ цветок, ‘модон’ дерево, ‘үбхэн’ трава и др., что наблюдается у флоронимов с разными наименованиями: *гахай үбхэн* ‘звездчатка’, букв. ‘свинья + трава’; *хашаг үбхэн* ‘лопух’, букв. ‘клещ + трава’; *хүн үбхэн* ‘женьшень’, букв. ‘человек + трава’; *уула үбхэн* ‘мать-и-мачеха’, букв. ‘гора + трава’, так и у флоронимов с видовыми значениями, например, *морин үрмэдээн* ‘полынь обыкновенная, чернобыльник’, букв. ‘конь + полынь’; *тобишо үрмэдээн* ‘полынь горькая’, букв. ‘пуговица + полынь’; *хонин бургаахан* ‘ива сизая, верба’, букв. ‘овца + прут’; *ямаан бургаахан* ‘ива-шелюга’, букв. ‘коза + прут’.

Двусоставные субстантивные флоронимы с зависимым компонентом – существительным в форме основы

Двусоставные субстантивные флоронимы представляют собой самую многочисленную группу. Большая часть наименований растений и грибов, представляющих данную структурную модель, образована основным (определяемым) именем существительным и именем существительным в именительном падеже в качестве зависимого (определяющего) члена. Наименования названий растений и грибов двучленны, причем связь слов в таких словосочетаниях выражается без морфологического показателя: *алтан зула* ‘тюльпан’, букв. ‘золото + свеча’; *уһан үрмэдээн* ‘лебеда’, букв. ‘вода + полынь’; *алирһа жэмэс* ‘брусника’, букв. ‘брусника + ягода’; *арбай тарьян* ‘ячмень’, букв. ‘ячмень + рожь’ и др. Как пишет Г.Ц. Пюрбеев, образование таких сложных слов сопровождается отклонением компонентов от их непосредственных значений ввиду полной или частичной метафоризации и переключения всего словесного комплекса на номинацию нового понятия [8, с. 76].

Определяемое слово (существительное) обозначает: а) видовые нарицательные имена, а опорное слово тяготеет к родовым понятиям, относящимся к растительному миру. Наиболее употребительны сложные флоронимы с лексемами *модон* ‘дерево’, *сэсэг* ‘цветок’, *үбхэн* ‘трава’: *хуһан модон* ‘береза, березняк’, букв. ‘береза + дерево’; *бадма сэсэг* ‘лотос’ и ‘желтый мак’, букв. ‘лотос + цветок’; *холтоһон үбхэн* ‘лютик’, букв. ‘кора + трава’; б) процесс: *гасуур модон* ‘ель’, букв. ‘препятствие + дерево’; в) свойство: *наран сэсэг* ‘подсолнечник’, букв. ‘солнце + цветок’; *хадхүүр үүргэнэ* ‘колючки, иглы’, букв. ‘колючки + тёрн’.

Зависимое слово обозначает: а) сходство предметов по внешнему виду, форме: *нархан үбхэн* ‘хвощ’, букв. ‘сосна + трава’; *элдин үбхэн* ‘лишайник’, букв. ‘лишай + трава’; б) место произрастания: *бог ногоон* ‘бурьян, сорная трава’, букв. ‘мусор + трава’; *газар улаагана* ‘костяника’, букв. ‘земля + кислица’; в) по другим признакам: *ая ганга* ‘белая полынь’ и ‘богородская трава’, букв. ‘белая полынь + богородская трава’; *ороохо обёос* ‘овес’, букв. ‘зерно + овес’; *нархан түжэ* ‘сосняк’, букв. ‘сосна + бор’; *шэнэнэн түглэ* ‘заросль лиственницы’, букв. ‘лиственница + роща’; *үрэ эдээн* ‘плоды’, букв. ‘плод + еда’.

Наименования с переносным значением образованы способом подчинительного словосложения. В подчинительных композитах первый

компонент является наименованием домашних или диких животных и их частей тела, а также конкретным признаком, свойством предмета, которые служат своеобразными классифицирующими видовыми индикаторами: *үхэр тарьяан* ‘ячмень’, букв. ‘бык + рожь’; *тэмээн арса* ‘можжевельник’, букв. ‘верблюд + можжевельник’; *хонин арса* ‘можжевельник казачий’, букв. ‘овца + можжевельник’; *ямаан арса* ‘можжевельник сибирский’, букв. ‘коза + можжевельник’.

Названия животных в наименованиях растений указывают на различия в размерах разных видов растений, напр.: *үхэр нюдэн* ‘смородина’, букв. ‘бык + глаз’; *үхэр шабга* ‘название сладкого плода, редко чернослив’, букв. ‘бык + сухофрукт’; *үхэр хэлэн* ‘осока’, букв. ‘бык + язык’; *үхэр арса* ‘багульник болотный’, букв. ‘бык + можжевельник’; *морин үрмэдээн* ‘полынь обыкновенная’ и ‘чернобыльник’, букв. ‘конь + полынь’, *хурьган заһаа* ‘жарки’, букв. ‘ягненок + яички (мужские половые железы)’; *хонин үбһэн* ‘лапчатка’, букв. ‘овца + трава’; *ямаан үбһэн* ‘вероника седая’, букв. ‘коза + трава’.

Также присутствует сходство по внешнему виду и форме: *гүзээн үбһэн* ‘зопник клубненосный’, ‘подорожник’ (брюшина + трава); *лама тархи* ‘репейник’ (лама + голова); *хун үбһэн* ‘жень-шень’ (человек + трава); *зула сэсэг* ‘лилия желтая (краснодев)’ (свеча + цветок); *тобишо үрмэдээн* ‘полынь горькая’ (пуговица + полынь).

Двусоставные субстантивные флоронимы с зависимым компонентом – существительным в родительном падеже

В монгольских языках генитив является «основной формой выражения синтаксических отношений между именами» [9, с. 166]. Зависимое слово в сложном флорониме при этом обозначает:

1) лицо, предмет, которому принадлежит предмет: *нохойн хоншоор* ‘шиповник игольчатый’, букв. ‘собаки морда’, *нохойн хэлэн* ‘медуница’, букв. ‘собаки язык’;

2) время года: *намарай эшмээн* ‘озимый ячмень’, букв. ‘осени ячмень’; *майн сэсэг* ‘ландыш’, букв. ‘мая цветок’;

3) место расположения: *дүүбэй борбоосгой* ‘желудь’, букв. ‘дуба шишка’; *газарай бэдьхэ* ‘картофель’, букв. ‘земли желвак’; *газарай улаагана* ‘костяника’, букв. ‘земли кислица’; *газарай хүлээрэгэнэ* ‘моховка’, букв. ‘земли черная смородина (зап.-бур.)’.

В следующих названиях в роли основного компонента выступает детерминант: *боохолдойн бургааһан* ‘волчья ягода’, букв. ‘домового куст’; *бүйлөөһэнэй һамар* ‘абрикос’, букв. ‘абрикоса орех’; *бүйлөөһэнэй эшэ* ‘миндаль’, букв. ‘миндаль куст’. В некоторых двухкомпонентных наименований детерминант отсутствует, напр.: *булганай эдээн* ‘черника’, букв. ‘соболя еда’; *тэнгэриин дүли* ‘дождевик (гриб)’, букв. ‘неба глухота’.

Двусоставные субстантивные флоронимы с зависимым компонентом – прилагательным в именительном падеже

Этот тип субстантивных словосочетаний высокопродуктивен по причине адъективности прилагательного. Большинство наименований данной группы включает в свой состав детерминант.

Определительный компонент качественных прилагательных чаще всего содержит а) цветовую характеристику объекта номинации, напр.: *боро үбһэн* ‘сено из разнотравья’, букв. ‘серая трава’; *хүхэ мөөгэ* ‘синие грибы (общее название ядовитых грибов)’, букв. ‘синий гриб’; б) тактильные свойства: *халуун үбһэн* ‘перец, мята, крапива’, букв. ‘горячая трава’; *хатуу шэниисэ* ‘пшеница твердая’; *арһалиг бүрешэн* ‘кожица’, букв. ‘кожистая оболочка’; в) вкусовые свойства: *гашуун капуста* ‘капуста кислая’; *нилуун үрмэдээн* ‘полынь’, букв. ‘пресный, приторный сорняк’; *забаан зэдэгэнэ* ‘малина’, букв. ‘безвкусная земляника’; г) форма, размер: *арбагай ногоон* ‘перекати-поле’, букв. ‘лохматая трава’; *буржагар хуһан* ‘суковатая береза’, букв. ‘ветвистая береза’; *галбагай хяаг* ‘волосенец ложнопырейный’, букв. ‘пырей плоский’; *пирамидальна улянгир* ‘тополь пирамидальный’, букв. ‘тополь пирамидальный’; *ябаган улаагана* ‘ягоды с невысокими стеблями’, букв. ‘пешая кислица’; д) качество: *шэнэ яабалха* ‘картофель молодой, красный картофель, помидоры’, букв. ‘новый картофель’; *муухай һархяаг* ‘поганка’, букв. ‘грязный, поганый гриб’; е) место, где произрастает растение: *хитад будаа* ‘гаолян’, букв. ‘китайское просо’, *алтайн һонгино* ‘лук алтайский’, *дауриин бүтүүли* ‘овсяница даурская’.

Детерминант отсутствует в таких названиях, как, например: *шара дэрэ* ‘шалфей’, букв. ‘желтое изголовье’. Некоторые названия образованы на основе метонимии (перенос наименования части на целое), напр.: *сагаан ороһон* ‘рис’, букв. ‘белое зерно’; *улаан тарьяан* ‘пшеница’, букв. ‘красное зерно’.

Двусоставные субстантивные флоронимы с зависимым компонентом – именем числительным

В основном в роли определяемого слова употребляются количественные числительные. Эта модель имеет несколько вариаций: а) *олон* (много) + существительное, например: *олон жэ-лэй ногоон* ‘многолетник (о растениях)’; б) *ганса* (только один) + существительное: *ганса нархан* ‘одинокая сосна’; в) *табан* (пять) + существительное: *таба халаата* ‘подорожник’; г) *гурбан* (три) + существительное: *гурбан халаата* ‘трилистник’.

Многосоставные субстантивные флоронимы

Вторую группу сложных наименований составляют названия, состоящие из трех и более компонентов. В этой группе можно выделить две подгруппы: 1) наименования, определительный компонент которых представляет собой сложное слово; 2) наименования, основной компонент которых является сложным словом. Основным компонентом в обеих подгруппах выражен детерминантом.

Определительный компонент – сложное слово

а) определительный компонент в номинативе.

Данную структурную модель представляют следующие наименования: *хүхэ балжан гарма* ‘ромашка синяя’; *сагаан балжан гарма* ‘ромашка белая’; *баглагар ой модон* ‘густой лес’, букв. ‘густое лесное дерево’; *агар зандан модон* ‘сандаловое дерево’, букв. ‘алоэ + дерево’.

б) определительный компонент в генитиве *улаан гашуун жэмэстэй эшэ* ‘калина’, букв. ‘куст красных кислых ягод’; *орын хаг үбхэн* ‘ягель’, букв. ‘оленья лишайник’.

Основной компонент – сложное слово

а) определительный компонент в номинативе.

По данной структурной модели образованы следующие наименования: *буха улаан шэнэнхэн* ‘могучая лиственница’, букв. ‘бык + красная лиственница’; *шүдэр үбхэн хүсы* ‘вика приятная, дикий горох’, букв. ‘путы + острая трава’; *азарга сагаан хуһан* ‘могучая белая береза’, букв. ‘жеребец + белая береза’.

б) определительный компонент в генитиве.

орын хаг үбхэн ‘ягель’, букв. ‘олений лишайник’; *хадхууртай буртаг үбхэн* ‘чертополох’, букв. ‘с колючками трава чащи’.

Очень часто встречаются описательные наименования: *адар томо хасуури* ‘исполинская ель’, букв. ‘громоздкая большая ель’; *альман хүхэ ногоон* ‘сочная зеленая трава’, букв. ‘сочная зеленая трава’; *баглагар ой модон* ‘густой лес’, букв. ‘густое лесное дерево’; *хуһан доро ургадаг хархяаг* ‘подберезовик’, букв. ‘растущий под березой гриб’; *зэрлиг жэмэстэ залуухан модон* ‘дичок’, букв. ‘молоденькое деревце с дикими ягодами’; *олон жэлэй ногоон* ‘многолетник’, букв. ‘много лет трава’; *адаахайтай тэмээн халаахай* ‘перекати-поле’, букв. ‘с колючками верблюжья крапива’; *улаан толгойто хархяаг* ‘подосиновик’, букв. ‘красный с головой гриб’.

Многие простые наименования образовались из сложных сочетаний также путем фонетического слияния компонентов, напр.: *алтаргана* ‘золотарник’ образовано от наименований *алтан* ‘золотой’ и *харгана* ‘карагана’.

Литература

1. Пюрбеев Г.Ц. Современная монгольская терминология (Лексико-семантические процессы и деривация). – М.: Наука, 1984. – 120 с.
2. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. – М., 1951. – 195 с.
3. Шагдаров Л.Д. Проблемы новой академической грамматики бурятского языка. – Улан-Удэ, 2013. – 192 с.

Словари

1. Бабушкин С.М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь. В 2-х ч. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – 568 с.
2. Борсоев М.Н., Будаев Ц.Б., Ускеева В.Ш. Русско-бурятский толковый словарь по природоведению. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 112 с.
3. Будаев Ц.Б. Словарь русско-бурятско-монгольских названий растений. – Улан-Удэ, 2002. – 48 с.
4. Бурятско-монгольско-русский словарь / под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М., 1951. – 760 с.
5. Русско-бурят-монгольский словарь / под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. – М., 1954. – 750 с.
6. Цыренов Б.Д., Рупышева Л.Э. Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2005. – 52 с.
7. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. I. А-Н. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – 636 с.; Т. II. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. – 708 с.

Рупышева Людмила Эрдэмовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и общей лингвистики Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1. +79247556541. E-mail: rupysheva71@mail.ru.

Цыренов Бабасан Доржиевич – старший научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат филологических наук, доцент. 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. +79021602088. E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

Rupysheva Lyudmila Erdemovna – senior lecturer of department of foreign languages and general linguistics of the East-Siberian State Academy of Culture and Arts. 670031, Ulan-Ude, Tereshkova str. 1. +79247556541 E-mail: rupysheva71@mail.ru.

Tsyrenov Babasan Dorzhievich – Senior Researcher of department of linguistics, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, associate professor, candidate of philological sciences (PhD), 670047, Ulan-Ude, Sakhyanovoi str., 6. +79021602088. E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

УДК 811. 111' 36

© М.В. Семенова

Роль присоединения в выражении синтаксических отношений (на материале английского языка)

В статье предпринята попытка определить, является ли присоединение особым видом синтаксической связи или же использует традиционные уже устоявшиеся связи – сочинение, подчинение.

Ключевые слова: присоединение, присоединительные компоненты, синтаксическая связь, сочинение, подчинение.

M.V. Semenova

The role of cumulation in terms of syntactic relations (on the material of the modern English)

The author of the article tries to define whether cumulation is a special syntactic link or it uses traditional syntactic relations such as coordination or subordination

Keywords: cumulation, adjoining components, syntactic link, coordination, subordination.

Присоединение принадлежит к языковым явлениям, объединяемым в коммуникативный синтаксис в отличие от синтаксиса конструктивного, и вызывает большой интерес у лингвистов. Это подтверждается многочисленными работами, посвященными проблеме присоединения в русском, английском, немецком, французском языках.

Анализируя языковой материал современной художественной литературы и публицистики, исследователи усматривают в присоединении языковую универсалию и на материале различных языков ставят и разрешают частные вопросы и проблемы. В изучении проблемы присоединения накоплен уже значительный материал, однако, неоднозначная интерпретация явления и не разработанность отдельных сторон проблемы затрудняют выявление специфики присоединения, его структурно-синтаксического содержания.

Следует отметить, что одной из отличительных черт современного языкознания является разнонаправленность исследовательских устремлений лингвистов. В ней находит отражение существование значительных различий во

взглядах на сущность языка. Так, структурное языкознание стремилось максимально абстрагироваться от речевых данностей, от условий формирования и использования единиц языка, и давало описание языка как некой логически стройной, абстрактной схемы. Естественным в этих условиях было ослабление интереса к речевой деятельности. Такая односторонность структурализма вызвала естественную реакцию, проявившуюся в возрождении и усилении интереса к речевой деятельности. Поэтому возникает потребность дополнить конструктивно ориентированный традиционный синтаксис. Новой перспективой в изучении синтаксических явлений оказывается обращение в синтаксическом исследовании к использованию предложений в речевой деятельности. Соответствующее направление синтаксической теории может быть названо коммуникативным синтаксисом. Так присоединение относится к области коммуникативного синтаксиса. Оформление присоединения осуществляется на языковом уровне, в виде присоединительной конструкции. Данная конструкция состоит из основного предложения (независимый компонент) и присоединенного эле-

мента (зависимый компонент). Между компонентами осуществляется синтаксическая связь. Она может быть выражена различными способами, например, союзами, паузой, интонацией, другими связующими элементами: модальные слова, частицы и т.д. В приведенных ниже примерах это союз *and*.

He'll never be any help to you. And the girls. And the darkies. (M. Mitchell)

This which is facing all of us now is worse than war and worse than prison. And to me, worse than death. (M. Mitchell)

Графически присоединяемый компонент может оформляться как через точку, так и через запятую, тире, многоточие и так далее, в зависимости от коммуникативной интенции автора, от того, насколько важной он считает информацию, содержащуюся в присоединительном элементе. Например:

Don't you think I realize the bitterness of our situation, living here on your charity. Oh, yes. Scarlett, your charity. (M. Mitchell)

There lay a young man fast asleep – sleeping so deeply that he was far faraway from them both. So far away, so peaceful. (K. Mansfield)

Определив объект изучения – присоединение, лингвисты не всегда однозначно выражают его терминологически и по-разному интерпретируют данную категорию. Присоединение может рассматриваться как синтаксическая категория, сложное синтаксическое целое, синтаксическая связь, отрезок речевой цепи, неполное предложение, присоединенная часть, присоединительное отношение и др.

Разнообразие терминов еще раз подтверждает многоаспектный характер присоединения. В большинстве своем термины отражают признаки присоединения, характерные для данного явления.

Это, во-первых, сложность в построении всего высказывательного комплекса. Как нам представляется, изучаемые конструкции следует рассматривать как особые синтаксические построения, которые соответствуют особой форме мышления. Такая форма мышления имеет сложную структуру, в которой «новое», то есть логический предикат, является лишь компонентом мысли, уже законченной ранее. Соответственно, присоединительная конструкция имеет сложную структуру, являясь языковым выражением данной формы мысли. Главное, что характеризует изучаемые построения с точки зрения логико-грамматического членения – это то, что «новое» находит свое выражение в них вне данного предложения. Предмет речи выражается составом всего предложения, а «новое» – неполным

составом, одним или несколькими второстепенными членами предложения [3:36].

Во-вторых, неполнота структуры присоединяемого компонента.

Кроме того, существенную роль играет такой признак как, наличие присоединительной связи между частями высказывательного комплекса. Существуют две точки зрения в исследованиях присоединительной связи:

а) присоединительная связь рассматривается как третий вид синтаксической связи наряду с сочинением и подчинением;

б) присоединительная связь как разновидность сочинения и подчинения.

Некоторые лингвисты говорят о присоединительной связи наравне с сочинением и подчинением.

Так Г.Я. Солганик [8:90] считает, что сущность присоединения, как синтаксической связи, заключается в том, что присоединяемая часть носит характер добавочного, дополнительного сообщения. В случае присоединения «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания». Г.Я. Солганик акцентирует внимание на том, что такой во многом импровизированный характер присоединения и делает эту связь экспрессивной, эмоциональной, имеющей оттенок живой разговорной речи.

Присоединение отличается от сочинения и подчинения. Первое, при сочинении элементы высказывания выступают как равноправные в синтаксическом отношении единицы, при подчинении – как зависимые. Но и в том и в другом случае они, как пишет академик В.В. Виноградов, «умещаются в одну смысловую плоскость». Сущность присоединения заключается в том, что последующие элементы высказывания возникают в сознании не сразу, а лишь после того, как высказана основная мысль. «Присоединительными или сдвинутыми, называются такие конструкции, в которых фразы часто не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, но образуют ассоциативную цепь присоединения» [8: 576-577].

Второе, любая синтаксическая связь имеет внешние маркеры, указывающие на наличие этой связи в структуре предложения. Так, констатируется существование внешних и внутренних связей.

Внешняя связь выражена формально-грамматически и формально синтаксически. В качестве внешних маркеров этой связи выступают грамматические средства связи: союзы, союзные и модальные слова, частицы и т. д. Внутренняя связь не выражена ни грамматиче-

скими средствами, ни на синтаксическом уровне. Таким образом, внутренняя связь формально не маркирована. К такому виду связи лингвисты и относят присоединительную связь, основной характеристикой которой является немаркированность в формальном виде. Например:

The women bore themselves like ladies and she knew they were ladies, though menial tasks were their daily not and they didn't know where their next dress was coming from. Ladies all! (M. Mitchell)

Функционирование присоединительной связи зависит также от формального положения присоединенного компонента, которое может быть контактным или дистантным по отношению к предшествующему предложению. Исследования присоединительной связи показывают, что «имплицитная связь встраивается в контекст, ее логико-семантические опоры находятся не на поверхности, а в глубине высказывания.» [5:12]. Это указывает на то, что присоединительная связь может функционировать не только при контактном, но и при дистантном расположении присоединенного компонента. К.А. Рогова описывает дистантно-расположенные конструкции как конструкции, служащие не только для передачи добавочного сообщения, они также являются средством передачи нелинейного формирования содержания путем доработки, добавочной детализации высказанного ранее сообщения и его части [7:45]. Поэтому дистантное расположение присоединенного компонента охватывает несколько высказываний, микротекстов. Дистантная реализация способствует цементированию канвы текста. Таким образом, присоединение выступает как элемент внутритекстовой связности [5:15].

«By Jove», said Evesham. «You know, there was something almost indecently hilarious about old Derek that night. He looked almost drunk with happiness. And yet – I can't quite explain what I mean – but he looked oddly defiant too».

(1) «Like a man defying Fate», said Alec Portal heavily.

Was it of Derek Capel he was speaking or was it of himself? Mr. Satterthwaite, looking at him, inclined to the latter view. Yes, that was what Alec Portal represented – a man defying Fate. (2)

His imagination, muddled by drink, responded suddenly to that note in the story which recalled his own secret preoccupation.

Mr. Satterthwaite looked up. She was still there. Watching, listening, – still motionless, frozen, – like a dead woman. (3) (A. Christie)

Данный текстовый фрагмент состоит из пяти абзацев, которые объединены одной темой и образуют единое целое: сложное сверхфразовое единство. Присоединенный компонент (1) Like a man defying Fate является дистантным элементом по отношению к главному предложению присоединительной конструкции [...] – but he looked oddly defiant too. Он удаленным от главного компонента и графически, и стилистически – данное присоединение отдано автором другому персонажу, который как бы продолжает мысль, высказанную первым. Отметим присоединенный элемент скорее не дополняет, а уточняет информацию, данную в главном предложении.

Второй случай присоединенного элемента являет собой повтор на синтаксическом уровне организации текста, и на первый взгляд, не несет новой информации. Однако выполняя сопутствующую стилистическую функцию (объединение двух персонажей: Дерека и Алека Портала), присоединенный компонент опять-таки является носителем новой информации.

Третий присоединенный элемент представляет собой параллельную конструкцию, но при этом несет новую информацию, участвуя в создании динамической перспективы всего сложного сверхфразового единства.

Как мы видим, из вышеприведенного примера, следует вывод о том, что присоединительная связь функционирует в качестве лейтмотива в тексте, являясь единой смысловой связью.

Анализируя лингвистические исследования, мы установили, что присоединительная связь функционирует так же в синтаксико-функциональном комплексе, включающим основное предложение и присоединенный компонент. Статус присоединенного компонента обуславливается дополнительными речевыми функциями, что видоизменяет смысл предложения – высказывания и его реализационную форму в виде синтаксико-функционального комплекса. Этот комплекс рассматривается как сегментированно-дополнительное высказывание [6:170]. Присоединенный компонент при этом может показывать отнесенность к различным членам основного предложения, т.е. любой член предшествующего предложения способен стимулировать присоединение, и присоединенный компонент функционально реализуется в виде дополняющего отрезка информации в речевой цепи. Например:

As I've told you before, that is the one unforgivable sin in any society. Be different and be damned. (M. Mitchell)

На основе всего выше сказанного можно подвести итог, что присоединительная связь характеризуется имплицитной выраженностью, возможна и при контактном, и при дистантном положении присоединительного компонента по отношению к основному высказыванию. И поэтому мы приходим к выводу о том, что присоединение не является особым видом синтаксической связи, а использует традиционные уже устоявшиеся общепринятые типы связи – подчинения и сочинения.

Литература

1. Ахманова Г.М. Словарь лингвистических терминов. – Изд. 2-е. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
2. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка: учеб. пособие. – Изд. 4-е, испр. – М.: Высшая школа, 1973.

Семенова Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического направления Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, ул. Пушкина 25, ауд. 4206. E-mail: smv_1978@mail.ru

Semyonova Maria Vladimirovna – candidate of history, associate professor of the foreign languages chair of Buryat State University. E-mail: smv_1978@mail.ru

УДК 81:168.1

© М.А. Федоров

Аспектуальность как способ преодоления множественности определений термина «концепт»

Чрезмерное количество определений концепта приводит к размыванию границ этого понятия и, в конечном итоге, к умножению сущностей. Предлагаемое решение проблемы заключается в выделении аспектов объекта исследования как необходимых переменных, определяющих содержание дефиниций феномена.

Ключевые слова: концепт, сущность, определение, аспекты исследования.

М.А. Fyodorov

Research aspects as a way to overcome the excessive number of definitions of “concept”

The excessive number of definitions of concept results in diluting the boundaries of the term and eventually in multiplication of essences. The proposed solution of the problem lies in emphasizing the aspects of the object under study as necessary variables that determine the content of the phenomenon's definitions.

Key words: concept, essence, definition, aspects of research.

Несмотря на обилие работ, посвященных исследованию концептов в последние два десятилетия, до сих пор не выработано единого понимания данного феномена. Можно согласиться с С.Г. Воркачевым, что концепт постигла участь ряда терминов, относящихся к гуманитарному знанию, – неопределенность и метафоричность дефиниции [Воркачев 2002:4]. Возможно, по этой причине некоторые исследователи не удовлетворены, имеющимися определениями данного термина, и либо могут приводить несколько их вариантов, либо составляют собственные.

3. Винтман Ж.А. О присоединительных конструкциях в современном французском языке // Вопросы романо-германского языкознания и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. – Л., 1970.

4. Виноградов В.В. Пушкин и русский литературный язык XIX в. // Пушкин – родоначальник новой русской литературы. – М., 1941.

5. Голикова Н.Н. Когезионные свойства присоединенного компонента // Учен. зап. Тартуского ун-та. – Тарту, 1990. – Вып. 877, 22.

6. Иванова И.П., Бурлаков В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М., 1981.

7. Рогова К.А. Синтаксические особенности публицистической речи. – Л., 1975.

8. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. – М.: Высшая школа, 1991.

Негативным следствием этой тенденции является размывание границ его понятийной сферы и, в конечном итоге, умножение сущностей: концептом могут называться либо разные аспекты одного объекта, либо разные объекты исследования.

Предприняв попытку предварительной классификации определений концептов (1), мы увидели, что их можно подразделить на три группы:

- первая содержит дефиниции, соотносящие концепты с процессом мышления (Карасик В.И.:

ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [Попова 2010:31]);

- во второй концепты определяются как кванты знания (Лихачев Д.С.: алгебраическое выражение знания, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей ее сложности человек просто не успевает [Прохоров 2009:19]);

- третья группа содержит дефиниции, в которых бытие концепта связывается с единицами языка (Демьянков В.З.: концепт – это содержательная сторона словесного знака, за которой стоит понятие, принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека ... [Демьянков 2001]).

Определения третьей группы носят скорее прагматический характер, оставляя в стороне дискуссии о природе концептов и фокусируясь на методологии их исследования. Поэтому мы сосредоточим внимания на определениях первой и второй группы.

Психологические словари, к которым мы обращались, определяют знание, как отражение объективных характеристик действительности в сознании человека (2), а мышление – как процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредствованным отражением действительности, которая направлена на использование, развитие и приращение знаний [СПТиО 2012; БПС 2004; СПП 1998]. Таким образом, знания можно было бы представить как результат мыслительной деятельности, и предположить, что определения первой группы акцентируют деятельностный аспект концептов, а второй – результативный.

Среди определений концептов второй группы есть некоторые разногласия: например, в определении В.Н. Телия указывается, что концепт – это знание об обозначаемом объекте; в определении Д.С. Лихачева подчеркивается, что концепты представляют собой не полный объем знания об объекте, а его алгебраическое выражение [Прохоров 2009:18, 19], а в определении Ю.С. Степанова знания предстают как одно из составляющих концепта наряду с представлениями и переживаниями [Степанов 2004:42].

Равным образом определения концептов первой группы содержат такие варианты, как «ментальное образование», «мысленное образование», «единица мысли», «единица мыслительного кода», «единица сознания», «познавательная психическая структура», «идея» (3), что

привносит разные акценты в определении данного термина и создает небольшое разногласие.

Представляет интерес определение В.И. Карасика, согласно которому концепты – «фрагмент жизненного опыта человека» [Попова 2010:31]. Использование термина «опыт» (4) кажется нам более приемлемым, потому что опыт, подобно языковому знаку, имеет две стороны: с одной стороны, он отражает объективную реальность в виде знаний, умений и навыков, которые можно объединить в деятельностный аспект опыта, а с другой стороны каждый способ представления сопровождается эмоциями – «оценочным отношением субъекта к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в этих ситуациях», что позволяет говорить об эмоциональном опыте как эмоциональных сопереживаниях, возникающих в общении с другими людьми или вызываемых средствами искусства [БПС 2004]. Таким образом, деятельностный и аффективный аспекты опыта можно определить как предпосылки наличия денотативного и коннотативного компонента языкового значения.

Нам кажется, что именно на этой позиции стоит Ю.С. Степанов, считающий, что в отличие от понятий концепты не только мыслятся, но и переживаются. Они – предметы эмоций, симпатий и антипатий [2004:43]. Таким же образом А.А. Залевская указывает на аффективную сторону концепта наряду с перцептивной и когнитивной [Попова 2010:31].

Исследователи, использующие термин «память» (5) определениях концепта, также, как мы понимаем, стоят на позиции, согласно которой содержанием концепта являются фрагменты опыта, а не знания. Если же относить концепт только к сфере знания, то его с полной уверенностью можно называть синонимом понятия, что тем самым ставит под сомнение необходимость данного термина вообще.

Можно суммировать, что единой точки зрения на природу концептов не существует, что неудивительно, поскольку системность человеческого мышления предполагает отбор фактов согласно той или иной точке зрения. Как сказал В.Н. Сагатовский, любая абстракция конкретна лишь в определенном отношении, поскольку может адекватно отражать определенный срез реальности. Следовательно, важной составляющей исследования любой системы является определение, какой именно срез, уровень реальности она описывает и для решения каких познавательных задач это нужно [1973:88]. Можно еще раз заметить, что отсутствие указаний аспектов, с позиции которых составлены два раз-

ных определения, приводит к умножению сущностей.

Более того, относительность человеческого восприятия заложена в человека имманентно. Как отмечает П.П. Дашинимаева, субъекты никогда не владеют более или менее идентичным знанием о предмете. В этой связи неизбежен редукционизм, позволяющий не абсолютизировать ментальное описание предмета на основании того, что не бывает точной репрезентации объекта [2010:48].

Конечный список аспектов определения концептов должен определяться их сущностью как элементов концептосферы, в связи с чем мы предлагаем выбрать следующие: функциональный, содержательный, формальный, динамический и семиотический – аспекты, использованные нами при исследовании системы культуры [Федоров 2012:16]. Проведенный анализ семидесяти дефиниций концепта подтвердил эффективность такого подхода и также позволил добавить такие аспекты, как структурный, онтологический и методологический.

С точки зрения **функционального** аспекта концепт можно определить как единицу фрагментированного опыта, используемую для восприятия, познания и преобразования действительности в контексте адаптации коллектива к окружающей среде. Как это явствует из названия, такие дефиниции отвечают на вопрос, в чем функции концептов. Примерами могут служить следующие определения.

- Холодная М.А.: познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов [Холодная 1983:23].

- Аскольдов-Алексеев С.А.: мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [Прохоров 2009:18].

С позиции **содержательного** аспекта концепт рассматривается как единица опыта/памяти, в составе которой выделяются различные составляющие. Такие определения отвечают на вопрос, из чего состоят концепты. В качестве примера можно привести следующие определения.

- В.И. Карасик: многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны [Попова 2010:31].

- Красных В.В.: С содержательной точки зрения под концептом понимается глубинный

смысл, свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением интенции (глубинной психолингвистической реакции на внешний раздражитель) – и через нее – мотива деятельности автора [Красных 2003:127].

С позиции **формального** аспекта концепты представляют собой единицы опыта, содержание которых определяется спецификой адаптации его представителей к окружающей среде. Такие дефиниции подчеркивают культуроспецифичность концептов. Иллюстрацией может служить следующие определения.

- Воркачев С.Г.: единица коллективного знания ..., имеющая языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой [Воркачев 2004:51-52].

- Ляпин С.Х.: концепты – своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративно-функционально-системные многомерные (как минимум трехмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис [Попова 2010:30].

С точки зрения **динамического** аспекта концепты можно определить единицы знаний, умений и навыков, возникающие в процессе когнитивной практики, содержание которых обновляется по мере изменения адаптивных условий данного коллектива. Подобные определения, во-первых, сфокусированы на механизмах возникновения концептов, а, во-вторых, на их динамике. Пример такого определения можно найти у следующих исследователей.

- 14. Воркачев С.Г.: операционная единица мысли, способ и результат квантификации и категоризации знания [Воркачев 2002:8].

- 15. Мишатица Н.Л.: вербально выраженная содержательная единица сознания, которая имеет в основе соответствующее понятие, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями, изменяется вместе с развитием языка и культуры [2012].

Семиотический аспект заостряет внимания на механизмах объективизации концептов, главным образом при помощи единиц языка. В качестве примера можно привести следующие определения.

- Пименова М.В.: некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами [Попова 2010:34].

- Куцый С.Б.: сложное, многомерное и многоаспектное образование, значимое для данной

культуры, отраженное в коллективном сознании, закрепленное за определенной областью действительности и выраженное в тех или иных языковых формах [Жеребило 2006].

Сложность классификации определений концептов заключается в том, что некоторые из них рассматривают концепт как систему, обладающую определенным содержанием и спецификой, а другие – как элемент более крупной системы. По этой причине кроме использованных пяти аспектов семиотических систем, считаем возможным добавить следующие, которые в своей сумме, мы надеемся, может объять все разнообразие дефиниций концептов.

Структурный аспект указывает на то, что концепт является элементом какой-то системы (концептосферы, знания, опыта). Иллюстрацией могут служить нижеследующие дефиниции:

- Павленис Р.: смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания [Головнина 2009].

- Бабушкин А.П.: любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата [Прохоров 2009:18].

Онтологический аспект раскрывает сущность концепта как феномена, представляя его как единицу мышления, представление или смысл, отвечая на вопрос о природе концепта. В качестве примера можно привести следующие определения.

- Залевская А.А.: объективно существующее в сознании человека перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера в отличие от понятий и значений как продуктов научного описания (конструктов) [Попова 2010:31].

- Степанов Ю.С.: идея, включающая абстрактные, конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, а также спрессованную историю понятия [цит. по: Попова 2010:30].

Необходимо заметить, что чаще всего дефиниции концепта (включая вышеперечисленные), отражают не один аспект, а несколько. Считаем необходимым представить отдельный анализ определения З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которое включает в себя все рассмотренные аспекты за исключением семиотического. Последнее можно объяснить тем фактом, что, во-первых, эти авторы подчеркивают то, что концепты как единицы ментального кода не привязаны к средствам объективации, а потому семиотический

аспект определения можно рассмотреть как не-обязательный.

«Концепт – дискретное ментальное образование (онтологический), являющееся базовой единицей мыслительного кода человека (структурный, функциональный), обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой (содержательный), представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества (динамический), несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации (содержательный) общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету (формальный)» [Попова 2010:34].

Иными словами, из данного определения мы узнаем сущность концепта как феномена, его назначение, способ возникновения и то, какие составляющие он включает. Если бы мы захотели пойти по пути отражения всех аспектов концепта, то к данной дефиниции можно было бы прибавить такую составляющую, как «объективируемое при помощи вербальных и невербальных (6) средств деятельности» (семиотический аспект). Кроме того, формальный аспект можно было бы уточнить при помощи такого составляющего, как «характеризующееся культурной (7) спецификой», поскольку выбранное сочетание «общественное сознание», конечно, предполагает наличие определенной культуры, однако экспликация «культурности» является желательной.

Отдельно нужно рассмотреть **методологические** определения, создатели которых описывают концепт не как реальную сущность, а как конструкт, используемый для определенных исследовательских целей. Насколько мы понимаем, прагматический характер определений в некоторой степени исключает описание остальных аспектов. В качестве примеров можно привести следующие определения.

- Соломоник А.Б.: абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Попова 2010:31].

- Чернейко Л.О.: конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не сводимый к нему [Чернейко 1997:342].

Кроме того, необходимо упомянуть, что существует, как минимум, три вида концептов по степени распространения: индивидуальный, культурный и универсальный. Под индивидуальным мы понимаем концепт, который возникает у человека в результате познания окружающего мира. Концепты этого типа могут

иметь или не иметь языкового выражения. Даже в случае сходных условий жизни и образ, представляющий ядро концепта, и концептуальные признаки могут отличаться от человека к человеку.

Вербализация концептов может привести к тому, что когнитивные единицы участников коммуникации стандартизируются и будут ими разделяться. Если концепт, представляющий определенное знание о мире, входит в концептосферу значительного числа членов какой-либо группы и характеризует особенности восприятия объекта или явления ее представителями, то такой концепт становится частью культуры, идеальным средством деятельности, отражающим особенности адаптации данного коллектива.

Глобализация ойкумены приводит к унификации локальных культур, и создает возможности для возникновения универсальных концептов, наличествующих в сознании индивидов вне зависимости от их нахождения. Другим основанием для наличия универсальных концептов можно считать общие условия существования людей. Однако здесь велика вероятность того, что в каждом конкретном случае такие концепты могут обладать культуроспецифичным содержанием [Попова, Стернин 2001: 75], а потому «культура человечества» является скорее понятием методологическим. Более того, онтологически универсальные концепты являются концептами культурными, являясь элементами культуры предельной степени распространения.

Три типа концептов позволяет выделять три системы, элементами которых они являются. Индивидуальные концепты являются элементами концептосферы индивида, культурные – элементами системы локальной культуры, которую по праву можно назвать суперинтеллектом, а универсальные – элементами человечества. Концептосфера любого уровня является динамической системой, содержание и объем которой определяются спецификой деятельности соответствующего субъекта (индивида или коллектива определенного уровня).

Объем каждой системы определяется требованиями необходимости и достаточности, обуславливаемыми характером деятельности конкретного индивида или коллектива. Индивидуальная концептосфера включает, как индивидуальные, так и культурные, и универсальные концепты. Концептосфера культуры, включающая только культурные или универсальные концепты, естественным образом превышает любую индивидуальную концептосферу, поскольку содержит массив информации, используемый в деятельности на практике во всех сферах культуры.

Концептосфера человечества как система знаний (а также адаптивных практик, если мы относим концепты не только к знаниям, но и к опыту в целом) может быть представлена как необходимый и достаточный набор инвариантных единиц, получающих определенную конкретизацию в рамках определенных культур. Поскольку культурные концепты уже обладают свойством инвариантности по отношению к индивидуальным концептам, то в случае универсальных концептов речь может идти о инвариантности второй степени, поскольку варьирование в этом случае осуществляется на уровне локальных культур.

В противном случае концептосферу человечества можно представить как перечень универсалий, полученный путем научного анализа локальных культур, а не реально существующую систему. Конечно, можно возразить, что понятие инвариантности как культурных концептов (инвариантность первой степени), так и универсальных концептов (инвариантность второй степени) может быть сформулирована в результате теоретического осмысления. Этот факт, однако, не умаляет реальности концептов и отвечает онтологии культурных сооружений (феноменов третьего вида), которые мы рассматривали во второй главе.

Приведенная выше типология позволяет производить дифференциацию определений концептов на том основании, что одни исследователи исследуют индивидуальные концепты, тогда как другие – концепты культурные. Примером первого можно считать определение, данное в кратком словаре когнитивных терминов – единица ментальных или психических ресурсов той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, тем самым, относя его к сознанию индивида [КСКТ 1996]. Тогда как, например, А.П. Бабушкин определяет концепт, как некую информационную целостность, присутствующую в национальном коллективном сознании, прошедшую первичный семиозис и осознаваемую языковой личностью как инвариантное значение семантического поля [Сергеева 2007]. Во избежание омонимии этих двух понятий мы предлагаем разграничивать собственно концепты как единицы УПК и концепты культурные.

В заключение можно сказать, что сопоставление и выбор дефиниций концепта, равно как и подходов к его изучению, был бы более продуктивным, если при этом выделять раскрываемые в них аспекты, т.к. упущение аспектуальной отнесенности, особенно в случае неполных определений, раскрывающих разные аспекты кон-

цепта как ментального феномена, создает такое впечатление, что речь идет о разных объектах. И в этом случае онтологически концепты можно было бы определять как исследовательские конструкции, нацеленные на решение определенных методологических задач.

Примечания

1. Полный список проанализированных дефиниций здесь: [Федоров 2012: 82-89].

2. Большой психологический словарь предлагает более развернутое определение, в котором знание в широком смысле отождествляется с более или менее адекватными результатами познавательных (когнитивных) процессов [БПС 2004].

3. Весьма импонирует выбор лексем в определении В.В. Красных, поскольку термин «идея», определяемый как «мысль, общее понятие, представление о предмете или явлении, отражающее действительность, выражающее отношение к ней» [СПП 1998], очень точно передает суть концепции автора.

4. Опыт – результат чувственно эмпирического отражения в человеческой психике объективной действительности, выражающийся в единстве знаний, навыков, умений (КСПТ 2012, БПС 2004).

5. Память – запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта [БПС 2004; СПТиО 2012]. В качестве примера можно привести следующее определение: единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [КСКТ 1996].

6. Нам кажется, что включение «невербальных средств деятельности» более точно отражает специфику концептов как единиц универсального предметного кода, который может объективироваться не только при помощи языковых средств.

7. Выбор лексемы «культурный» вместо более часто употребляющихся «национальный» или «этнический» обусловлен той причиной, что можно говорить о концептосфере не только нации, но и различных субкультур, организованных, например, по гендерному признаку.

8. Термин «методологический» вслед за Н.З. Чавчавадзе мы используем в значении «не как объективно существующий, а в качестве некоторой фикции, которая ничего реально не отражает, но помогает понять механизм действия процессов, как если бы этот предмет существовал» [Чавчавадзе 1984: 76].

9. Лотман Ю.М.: культура — это сверхиндивидуальный интеллект, который представляет собой механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания и, в этом отношении, представляющий неизбежное ему дополнение. Культура – это коллективный интеллект и коллективная память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых [1992: 44, 200].

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. Б. Мешеряков, В. Зинченко. – М.: Олма-пресс, 2004. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/30>
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического сознания. – Краснодар, 2002. – 142 с.
3. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели): монография. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М: Гнозис, 2004. – 192 с.
5. Головина О.И. К вопросу определения термина «концепт» в современной лингвистике, 2009. URL: <http://www.rae.ru/forum2011/pdf/article505.pdf>
6. Дашинимаева П.П. Философия языка и теория значения. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – 248 с.
7. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке, 2001 // <http://www.infolex.ru/Concept.html>
8. Жеребило Т.В. Концепт как объект науки // http://gerebilo.ucoz.ru/load/stati_v_sbornikakh_i_zhurnalakh/stati_v_regionalnykh_izdaniyakh/koncept_k_ak_obekt_nauki/28-1-0-101
9. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/849>
11. Краткий словарь психологических терминов, 2012. – URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/16>
12. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – 456 с.
13. Мишатица Н.Л. Лингвоконцептология как теоретико-прикладное направление современной методологии, 2012. URL: <http://el.rushkolnik.ru/docs/301/index-462.html>
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2001. – 191 с.
15. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
16. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – 2 изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
17. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. – 428 с.
18. Сергеева Е.В. Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке // Политическая лингвистика. – Вып. (2) 22. – Екатеринбург, 2007. – С. 151-165. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/sergeeva-07.htm>
19. Словарь психологических терминов и определений. 2012. URL: <http://www.psyhoslovar.ru/>

20. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/25>; СПП 1998.

21. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

22. Федоров М.А. Принципы системного подхода в определении понятий «культура», «концепт» и «язык». – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 106 с.

Федоров Михаил Александрович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков БГУ. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: fma1105@gmail.com

Fyodorov Mikhail Aleksandrovich – cand. of philosophy, associate professor of the chair of English philology, Faculty of Foreign Languages, BSU. 670000, Ulan-Ude, 24a Smolina str., E-mail: fma1105@gmail.com

23. Холодная М.А. Интегральные структуры понятийного мышления. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 190 с.

24. Чавчавадзе Н.З. Культура и ценность. – Тбилиси: Мецнеериба, 1984. – С. 170.

25. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997. – 349 с.

УДК 81-139

© **Е.П. Чернобровкина**

Речевое поведение президента США Барака Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика

В данной статье рассматривается речевое поведение кандидата в президенты США Б. Обамы в рамках его предвыборной кампании 2012 г. Автор приходит к выводу о том, что выбор Б. Обамой разнообразных стратегий политической речи, в особенности стратегий самопрезентации, убеждения и удержания власти, является ключевым фактором в создании имиджа успешного политика.

Ключевые слова: *политический дискурс, предвыборный дискурс, стратегии речевого поведения, имидж.*

E.P. Chernobrovkina

Us president barak obama's verbal behavior: the role of strategies and tactics in creating his image of a successful politician

The article considers Barak Obama's verbal behavior during his electioneering campaign of 2012. The author makes a conclusion that choosing various verbal strategies, including self presentation strategy, strategies of persuasion and power, serves a key factor in creating B. Obama's image of a successful politician.

Keywords: *political discourse, electioneering discourse, strategies of verbal behavior, image.*

Изучение речевого поведения представителей различных социальных и профессиональных групп людей относится к числу приоритетных задач современной лингвистики. Политические деятели представляют собой большую социальную группу, которая играет существенную роль в жизни всего общества. Многих людей в нашей стране волнует речь представителей политической элиты. От речевого поведения политических деятелей во многом зависит ее успех или провал на выборах, а, следовательно, и судьба страны. Именно поэтому во всех странах, начиная со школы и заканчивая работой специалистов-имиджмейкеров, огромное внимание уделяется речи и шире – речевому поведению человека, претендующего на власть.

Политический дискурс является сложным объектом исследования, поскольку лежит на пересечении разных дисциплин – политологии,

социальной психологии, лингвистики и связан с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях. В самом общем виде политический дискурс можно определить как «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2003:16]; или как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [Баранов, 2001:3].

В канву вышеприведенных определений политического дискурса успешно вписывается такая его разновидность как президентский предвыборный дискурс, в котором, в рамках данной работы, мы рассматриваем использование речевых стратегий и тактик в политической речи. Предвыборный дискурс выделяется в качестве

одной из разновидностей политического дискурса на основании коммуникативной цели и ситуации, представляющих собой его экстралингвистическую основу, а также жанра обращения, прототипного для предвыборного выступления.

Под *предвыборным дискурсом* мы понимаем стандартизированную модель коммуникативно-когнитивного поведения кандидатов на пост президента страны, predetermined условия организации и проведения кампании по выборам президента и утвердившимся стереотипами создания и интерпретации предвыборных текстов [Манаенко, 2006:10]. Иначе говоря, *предвыборным дискурсом* или *предвыборной коммуникацией* мы называем дискурс президентских выборных кампаний, используя указанные термины как синонимичные. *Цель* предвыборного дискурса – получение электорального преимущества, обеспечивающего победу политика на президентских выборах.

Материалом для исследования послужили тексты официальных выступлений кандидата в президенты США Барака Обамы 2012 г., а именно предвыборные теледебаты, официальные обращения, программные речи, еженедельные обращения и т.д., представленные в свободном доступе на официальном сайте Белого Дома в г. Вашингтон www.whitehouse.gov.

Ключевым понятием нашего анализа политической речи Б. Обамы стал термин «*стратегия*», который можно охарактеризовать как *определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации* [Паршина, 2011:15]. Согласно классификации О.Н. Паршиной существуют следующие коммуникативные стратегии, используемые политическими деятелями: *стратегии самопрезентации, стратегии борьбы за власть, стратегии удержания власти, стратегии убеждения* [Паршина, 2011]. Стратегия в переводе с греческого (stratos «войско» + «аго» веду) – искусство планирования, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах. А тактика (греч. «искусство построения войск») – это использование приемов, способов достижения какой-либо цели, линия поведения кого-либо.

Рассмотрим кратко каждую из вышеназванных стратегий. **Самопрезентация** – это эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях. Создание положительного впечатления об адресанте актуализирует доверие аудитории к говорящему. Самопрезентация является средством формирования

образа Я, создания имиджа. Одновременно, она всегда должна соответствовать определенному образу, т.е. в оппозиции 'имидж – самопрезентация' первое понятие будет определяющим, хотя и напрямую зависящим от второго. Стратегия самопрезентации реализуется в политическом дискурсе с помощью следующих тактик: *тактики отождествления, тактики солидаризации и тактики оппозиционирования*.

Следуя классификации стратегий речевого поведения политиков Паршиной О.Н., **стратегии борьбы за власть** делятся на *стратегию дискредитации и нападения, манипулятивную и стратегию самозащиты*. Цель стратегии дискредитации – подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателя. Стратегия дискредитации в политическом дискурсе в последнее время была объектом изучения отдельных лингвистов.

Что касается манипуляции, то это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [Доценко, 1997:5]. Манипулятивная стратегия включает в себя более конкретные тактики: демагогические и манипулятивные. «Демагогия» представлена как использование и лживых обещаний, и преднамеренного извращения фактов, и лести для достижения той или иной популярности.

Можно предположить, что в условиях ожесточенной борьбы за власть политик, являющийся объектом дискредитации или прямого нападения, делает ответный ход, используя при этом «наступательную» или же «оборонительную» стратегию, т.е. стратегию самозащиты. Данная стратегия имеет специализированные тактики: *оправдания, оспаривания, критики*.

Одной из главных составляющих любой предвыборной кампании выступает риторика кандидата на искомый пост. Отсюда, политики в речевом поведении обращаются к **стратегиям убеждения**. Основываясь на классификации и терминологии, предложенной О.Н. Паршиной [Паршина, 2011], стратегию убеждения можно условно поделить на две части: *аргументативную и агитационную*. Каждая из них реализуется через: *тактики контрастивного анализа, тактики указания на перспективу, тактики обещания, тактики призыва*. Избирательная кампания, как таковая, характеризуется высокой степенью влияния и убеждения, нередко носит агрессивный и критичный характер. Практиче-

ским инструментом кандидата выступают различные средства убеждающего воздействия.

Стратегия удержания власти представлена двумя стратегиями: *информационно-интерпретационной стратегией и стратегией формирования эмоционального настроения адресата*. Она употребляется в основном в жанрах диалогической речи – интервью и «прямая линия» и реализуется посредством таких тактик, как: *тактика признания существования проблемы, тактика разъяснения и комментирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата*.

Как уже было сказано выше, каждая стратегия реализуется благодаря использованию определенных тактик. Тактика, в свою очередь, определяется интенцией говорящего и эксплицируется совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств. Проанализировав речь Б. Обамы, мы выделили такие стратегии в президентском предвыборном дискурсе США как: стратегия самопрезентации, стратегии борьбы за власть, стратегии убеждения и стратегии удержания власти.

Говоря о проблематике программных выступлений Б. Обамы как кандидата на пост президента США, наиболее актуальными стали темы безработицы, национального долга США, налоговой политики, персональной критики, одобрения деятельности кандидатов, общественных инициатив («Движение чаепития», Движение «Захват Уолл Стрит»).

Очевидно, что стратегический репертуар кандидата на пост президента США разнообразен, однако универсальной стратегией, которую используют все политики без исключения, является **стратегия самопрезентации**. Данная стратегия также наличествует в выступлениях Б. Обамы, реализуясь в *тактиках самовосхваления и демонстрации профессионального успеха*.

Тактика самовосхваления базируется на желании кандидата на пост президента представить себя в самом выгодном свете, описать свои личностные качества, достоинства, таланты. Тактика самовосхваления вербализуется лексемами, семантика которых позволяет охарактеризовать политика как человека, обладающего определенным набором положительных качеств. Непременным атрибутом тактики самовосхваления является личное местоимение «Я».

С помощью *тактики демонстрации профессионального успеха* кандидат на пост президента обращает внимание избирателей на определенные результаты проделанной им работы, на свой политический опыт, профессиональные

успехи, заслуги, достижения. В дискурсе кандидата Барака Обамы тактика демонстрации профессионального успеха представлена глаголами, в семантике которых отражены «политические достижения» кандидата, а также глаголами в форме Present Perfect, личными местоимениями «I» и «We»:

*«A world of new threats and new challenges, you can choose leadership that has been tested and proven. Four years ago, I promised **to end** the war in Iraq. **We did**. I promised **to refocus** on the terrorists who actually attacked us on 9/11. **We have**. **We've blunted** the Taliban's momentum in Afghanistan, and in 2014, our longest war will be over. A new tower rises above the New York skyline, al Qaeda **is on the path to defeat**, and Osama bin Laden **is dead**». «**I've met** workers in Detroit and Toledo who feared they'd never build another American car. Today, they can't build them fast enough, because **we reinvented** a dying auto industry that's back on top of the world».*

Во время президентской кампании в выступлениях, обращенных как к американской, так и к мировой общественности, Б. Обама довольно часто использует **стратегию борьбы за власть**. По мнению аналитиков, его дискурс отличает навык публичных выступлений с позиций здравой логики, умелое использование языка своих оппонентов для продвижения собственной идеи.

Манипулятивные стратегии президентского дискурса Обамы свидетельствуют о владении древними риторическими приемами и принципами, в частности, о понимании важности внешних проявлений речевого поведения человека, пытающего кого-либо убедить. Так, во время выступлений Обама почти никогда не улыбается, в своих пресс-конференциях он, как правило, демонстрирует самоконтроль, зрелость и знание темы обсуждения. Его костюмы всегда безупречны, серьезность его поведения смягчается только появляющимися в СМИ картинками его идеальной семейной жизни. Во время пресс-конференций он производит впечатление совершенной искренности, честности и откровенности, умело использует юмор.

Зачастую реальные мотивы действий политиков не могут быть открыты широкой аудитории, так как способны вызвать негативную реакцию большей части избирателей, поэтому язык Б. Обамы, как политика, полон *эвфемизмов и туманных формулировок*. Например, комментируя актуальный и вызывающий массу споров вопрос об абортах, Б. Обама говорит: *“To answer when human life begins **was above my pay grade**”*. Эвфемистическое высказывание было использовано вместо *“I don't want to answer*

what I really think because it might get me in trouble with my pro-abortion base of supporters”.

При рассмотрении стратегий реализации манипулятивного воздействия в политическом дискурсе возникают аналогии с рекламным дискурсом. Основной корпус выступления построен на манипулятивных стратегиях, включающих не только манипулятивные тактики, но и *приемы демагогии*, выраженные в использовании высокопарных фраз. В целом, в президентском дискурсе Барака Обамы постоянно присутствуют базовые политические мифы американской национально-культурной идентичности, такие как национальная идея и уникальность американцев как нации («*the American Dream*», «*Americans at least discursively “stand apart” from the rest of the world*»), вера в христианские ценности («*a collective identity based on shared beliefs that are both sacred and sanctified*»), в демократию, достижимость благополучия, равноправия и т.п. Президентский предвыборный дискурс Б. Обамы характеризуется обилием манипулятивных стратегий, нацеленных на повышение воздействия его выступлений, связанных с базовыми политическими мифологемами и американскими мифами. Его также отличает интердискурсивность, то есть широкое использование стратегий религиозного дискурса, привнесенная в политический институциональный дискурс («*Thank you, God bless you, and God bless the United States of America*»).

Наше исследование также показало, что Б. Обама активно использует **стратегию убеждения**.

Среди основных особенностей этой стратегии в речевом поведении Б. Обамы следует назвать: во-первых, аргументы, побуждающие к определенному мнению или действию через давление, имплицитивные императивы, выраженные при помощи модальных глаголов. Так, например, в его речи на Национальном Конвенте (тактика призыва): «*...then I need you to vote this November!*», а также:

*«And you know what, New Hampshire, I've kept that **promise**, because I still believe in you. I believe in the American people. (Applause.) And **I need you to keep believing in me. I need you to hit some doors and make some phone calls and register your friends. Talk to your neighbors. Get on Facebook. Get on Twitter. Let's get to work. Let's finish what we started. Let's remind the world how a strong economy is built, and remind them why America is the greatest nation on Earth***».

Во-вторых, Барак Обама приводит данные статистики в роли логического аргумента (тактика указания на перспективу):

*«Now, we've still got a long way to go. We lost **9 million jobs** in that recession. And although we've created more than **4 million** since I've taken office, and **800,000** in the last few months alone -- this has been a steep climb».*

В-третьих, кандидат прибегает к использованию риторических вопросов, что помогает акцентировать внимание аудитории на наиболее важных положениях. Также с их помощью кандидат устанавливает контакт с аудиторией, словно вовлекая ее в беседу (тактика указания на перспективу и призыва):

– «*How do we create more good jobs?*»

– «*How do we pay down our debt?*»

– «*And you know who's going to break that stalemate? You. You're going to break that stalemate. This election is your chance to move this country forward and make sure it does not go backwards*».

В-четвертых, благодаря аргументам, создающим эффект очевидности и общеизвестности определенных фактов, Барак Обама воздействует на сознание слушателя, заставляя его верить в истинность сказанного, либо соглашаться с собственным мнением. При этом используются такие слова, как «*as you know*», «*obviously*» (тактика призыва и обещания):

*«**As you know**, four years ago, we went through the worst financial crisis since the Great Depression». «**Obviously**, gas prices are on a lot of folks' minds right now».*

В пятых, апелляция к эмоциям слушателя, а также акцент кандидата на собственные эмоции, эффективно влияет на восприятие сказанного и отношение к нему:

*«**Michelle**, I love you. The other night, I think the entire country saw just how lucky I am. **Malia and Sasha**, you make me so proud...but don't get any ideas, you're still going to class tomorrow. And Joe Biden, thank you for being the best Vice President I could ever hope for».*

Выдвижение себя на первый план путем принижения достоинства своего оппонента, либо прямое опровержение сказанного оппонентом, имплицитное обвинение во лжи, является, на наш взгляд, реализацией тактики контрастного анализа (я-он). В этом можно убедиться, рассмотрев фрагмент дебатов между Б. Обамой и М. Ромни:

«Candy, ***what Governor Romney said just isn't true***. He wanted to take them into bankruptcy without providing them any way to stay open, and we would have lost a million jobs. And don't take my word for it. Take the executives at GM and Chrysler, some of whom are Republicans, may even support Governor Romney, but they'll tell you his prescription wasn't going to work».

Говоря о **стратегии удержания власти** в предвыборном дискурсе Барака Обамы, существует такая закономерность в ее применении кандидатом в президенты, а именно: тактика признания проблемы всегда сопровождается тактикой разъяснения или комментирования, за которыми следует тактика указания на путь решения проблемы. При этом, стратегия удержания власти в речи Б. Обамы представлена как *информационно-интерпретационной стратегией*, так и *стратегией формирования эмоционального настроения адресата*:

So, ***if you believe*** we need a plan for education and energy, for infrastructure and innovation; ***if you believe*** that our economy grows best when everybody has a fair shot and everybody is doing their fair share, and everybody is playing by the same set of rules – then ***I'm going to need you*** to stand with me as I run for a second term as President. ***I'm going to need you***. The country is going to need you.

Анализ предвыборного дискурса Б. Обамы доказывает в очередной раз, что политический имидж – это сложный, многофакторный феномен. И для его успешного формирования требуются многочисленные стратегии и тактики, которые выявляют содержательные и структурные аспекты положительного имиджа. Смеем пред-

положить, что одним из слагаемых успеха на политическом поприще Б. Обамы является умелое использование им основных тактик стратегии самопрезентации – тактики самовосхваления и тактики демонстрации собственного успеха, а также стратегий убеждения и удержания власти. В целом, успех речевого воздействия обеспечивается набором тактик, а эффективное применение тактик зависит от выбора их речевого воплощения.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что Барак Обама является одним из лучших ораторов современности, чей авторский стиль строится на виртуозном манипулировании различными языковыми средствами, а также убеждении людей в истинности своей позиции, которые он использует для оказания на целевую аудиторию необходимого воздействия. Все его выступления имеют четко выстроенную, с точки зрения употребления приемов речи, стратегию. А тот факт, что он успешно преодолел предвыборные гонки 2008 и 2012 года, вновь став президентом США, говорит о том, что подобная коммуникативная стратегия правильная.

Литература

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991.
2. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. – М., 1996.
3. Манаенко Г.Н. Информационно-дискурсивный подход к анализу осложненного предложения: монография / предисл. К.Я. Сигала. – Ставрополь, 2006.
4. Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика. – М.: Либроком, 2012.
5. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2003.

Чернобровкина Елена Павловна – канд. социол. наук, доцент каф. английской филологии БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, e-mail: elena_cher2000@mail.ru

Chernobrovkina Elena Pavlovna – cand. of sociology, associate professor of the chair of English philology, BSU, 670000, Ulan-Ude, 24a Smolina str., e-mail: elena_cher2000@mail.ru

УДК 803.000+811.111

© М.Ю. Чернышов

Доказательство достоверности концепции мыслескреповой организации текстов и дискурса

Обсуждаются результаты исследования, связанного с идентификацией в текстах и дискурсе медиаторов смысловой интегративности, получивших название «вербально выраженные мысли-скрепы». Проводится доказательство достоверности концепции мыслескреповой организации смысла текстов, относящихся к различным функциональным стилям речи.

Ключевые слова: смысловая интегративность текста; смысловая интегративность дискурса; анализ смысловой интегративности; медиаторы смысловой интегративности; мысли-скрепы; смыслы-скрепы.

M.Yu. Chernyshov

The proof of plausibility for the conception of linking-thought organization of texts and discourse

The paper discusses some results of the investigation bound up with identification of the text and discourse sense integration mediators known as “verbally expressed linking thoughts”. The plausibility of the conception of linking-thought text sense integration of texts and discourse, which belong to various functional styles, is proved.

Keywords: text sense integration; discourse sense integration; analysis for sense integration; mediators of text sense integration; linking thoughts; linking senses.

В предыдущих статьях [Чернышов, 2009–2013] и монографиях [Чернышов, 2010б, в] автора были описаны особенности *мыслей-скреп* (МС) как медиаторов смысловой интегративности мысли, несущие в себе *смыслы-скрепы* (СС) [Чернышов, 2012а], как медиаторы интегративности смысла, который уже может быть отображен в речь или дискурс [Чернышов, 2011а; 2013]. МС и СС принципиально отличаются от тех вербальных объектов, которые принято именовать «средствами смысловой связности текста» (СССТ) (см. [Чернышов, 2010б]). В трудах автора были показаны функции *вербально выраженных СС* (ВВСС), которые связывают речь/дискурс на смысловом уровне [Чернышов, 2011б; 2012а], являются средствами развития мышления [Чернышов, 2011в]. Была предложена технология идентификации и анализа СС, отраженных в текстах различных типов, использующая аппараты теории моделей и логики [Чернышов, 2009; 2010а; 2012а-е]. В монографии [Чернышов, 2010в] было описано исследование большого объема сегментов текстов и полных текстов различных размеров (от рассказа до большого романа), относящихся к различным функциональным стилям речи, в целях выявления множества возможных в них типов ВВСС и построения их классификации. Нельзя исключить, что, несмотря на это, сторонники концепций смысловой связности, сформулированных еще в XX в., станут настаивать на том, что приведенные нами примеры убедительно подтверждают, но... их концепции. Возражать будет трудно, поскольку современная лингвистика пока не является строгой наукой (т.е. не образует логически стройную систему, состоящую из строгих теоретических постулатов, аксиом, теорем, правил вывода (т.е. доказывания) и собственного формального аппарата), а подавляющее большинство лингвистов не владеют логикой и превратно представляют себе, что такое семантика. Постулировать новое в таких условиях и при этом быть убедительным очень сложно. Пожалуй, именно логически строго построенные теории как раз и не будут поняты. У автора

почти нет сомнений в том, что специалисты в области риторики станут утверждать, что в работах автора риторические фигуры выданы за мысли-скрепы, а сторонники концепции интекста – что вербальные воплощения некоторых из классов постулированных нами ВВСС – ни что иное, как формы интекста. Вот почему для доказательства правоты наших утверждений необходимо, по возможности не прибегая пока к формальному логическому выводу, использовать в рассуждениях (а) наглядные примеры, (б) простой прием опровержения (фальсификации) по К.Р. Попперу, (в) аппарат теории моделей. Полезно обратиться также к рассмотрению смыслов дискурса.

Постулат 1. ВВМС есть МС, которая выражена вербально. ВВСС – тот смысл, который несет в себе ВВМС. Заметим, что вербальная форма, воплощающая ВВСС, может варьировать. Но, даже если вербальная форма является фиксированной, ВВСС может иметь различные смысловые оттенки.

Постулат 2. Согласно концепции мыслескреповой организации дискурса, множество достоверных медиаторов, обеспечивающих смысловую интегративность его ментальной составляющей, представляется в мышлении множеством МС (репрезентированных в речемыслительном процессе множеством вербально выраженных смыслов-скрепов (ВВСС), отображимых в вербальные формы), т.е. классом ментальных медиаторов. Этот уровень рассмотрения смысловых отношений не имеет какого-либо отношения к известным условным формам «вербальных средств смысловой связности текста». Заметим, что вербальные средства смысловой связности дискурса никогда прежде не постулировались.

Мы рассмотрим семантику дискурсивных отношений на примере речей ораторов, которые, безусловно, относятся к дискурсу в публицистике.

Утверждение 1. Множество достоверных медиаторов, обеспечивающих смысловую интегративность дискурса, представлено множеством МС (репрезентированных в мышлении

множеством ВВСС, отображимых в вербальные формы), т. е. классом ментальных медиаторов, принципиально отличающихся от известных форм вербальных СССТ.

Утверждение 2. ВВМС (и их содержание, т. е. ВВСС) отличаются от риторических фигур, интекстных вставок и иных СССТ. Доказательство этих утверждений нужно, чтобы подтвердить достоверность ВВМС как медиаторов, организующих сложную мысль, выражаемую вербально.

Прежде всего, необходимо напомнить читателю определения МС и ВВСС.

МС – конкретная мысль, рождающаяся в сознании индивида, которая однократно, неоднократно или же итеративно вводится в структуру последовательности формирующейся итоговой мысли в качестве медиатора ее смысловой интегративности [Чернышов, 2010б, с. 106]. Ее СС несет коммуникативно-, когнитивно- и эмоционально-значимые составляющие смысла, т. е. *выполняет функции* коммуникативно-, когнитивно- и эмоционально-смыслового связывания элементарных смыслов частей основной мысли в итоговый (ядерный) смысл формирующейся мысли, тем самым, помогая организовать последний для его эффективного донесения до адресата. Важными особенностями множества МС как медиаторов-скрепов частей основной мысли является то, что их нельзя изъять из основной мысли без потери важной (скреповой) части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей. МС, итерируемая в поток мысли, может быть вставлена в него *однократно, неоднократно* или же *может развиваться* по ходу изложения, образуя связующую логико-смысловую последовательность. Но важно помнить, что сама мысль не материальна. Поэтому возможно лишь опосредованное ее исследование через анализ слов.

В целях доказывания утверждения 1 рассмотрим сегмент из речи Дж. Буша:

Пример 1. «...*We will remember every rescuer who died in honor. We will remember every family that lives in grief. We will remember the fire and ash, the last phone calls, the funerals of the children (...)* (BUSH)», – в который итерированы *элементарные высказывания* (ЭВ) *We will remember* («мы будем помнить»). Таким образом, есть основания утверждать, что эти ЭВ – ни что иное, как вербально выраженные медиаторы смысловой интегративности, несущие скреповый коммуникативно-, когнитивно- и эмоционально-значимый смысл и являющиеся содержанием мысли, которую невозможно изъять из текста

без потери смысла. Такие медиаторы мы как раз и называем ВВСС.

Доказывая наше утверждение, применим логический прием доказательства «от противного». Предположим, что эти ЭВ можно изъять из текста без потери его смысла. Факт неизъёмности ЭВ станет очевиден, если попытаться удалить из сегмента текста выделенные части, представляющие ЭВ. При их удалении получаем явное смысловое противоречие, и можно утверждать, что идентифицирована ВВСС-рефрен вида *We will remember*.

Однако нельзя исключить, что адепты риторики станут утверждать, что в нашем примере использована риторическая фигура (РФ) как «красноречивая форма выражения мысли» [Weischedel, 1986, p. 20], а сторонники концепции интекста – что имеют место интекстные вставки (ИВ). Поэтому необходимо доказать, что Дж. Буш использовал не РФ и не интекст, а связующую «инмысль», т. е. ВВМС, ВВСС которой отображается в начала высказываний и организует синтез той мысли, которую говорящий желал донести до адресата. Доказательством является уже то, что наш СС (в отличие от РФ и ИВ) несет коммуникативно-, когнитивно- и эмоционально-значимые составляющие.

Обратимся к альтернативным формам организации скреповых построений. Известно, что древнеперсидские тексты, выражающие мысли Дария и Ксеркса, написаны по типу речей и испещрены ЭВ вида *Vâatiy Dvârayavaus xsayaviya* («Так говорит царь Дарий») и *Vâatiy Xšâyâršâ xsayaviya* («Так говорит царь Ксеркс»). Но эти ЭВ повторяются не в зачинах, а после каждой мысли, причем, по нескольку раз на каждой странице. В принципе, эти ЭВ могут быть рассмотрены как РФ, так как могут быть изъятые без потери полноты передачи частей ядерного смысла каждого из этих текстов. Однако с их исчезновением утратятся важные коммуникативный, когнитивный и эмоциональный оттенки смысла, организующие эти тексты в целях их эффективного донесения до адресата, а потому предполагавшие (по замыслу) постоянное напоминание о значимости основных мыслей, учитывая, кто их высказал. Это уже дает основание утверждать, что эти ЭВ выражают «напоминающие ВВСС-рефрены, предлагающие адресату должным образом воспринять повествование».

Но положение смысловых скрепов в тексте может не напоминать РФ и быть еще более гибким. Обратимся к стихотворению А.А. Вознесенского «Монолог Мерлин Монро»

(рассмотрим лишь фрагмент стихотворения).
Пример 2:

«Я – Мерлин, Мерлин.
Я – героиня самоубийства и героина.
Кому горят мои георгины?
С кем телефоны заговорили?
Кто в костюмерной скрипит лосиной? –
Невыносимо!
Невыносимо прожить, не думая.
Невыносимо углубиться.
Где наши планы? Нас будто сдунули.
Существование – самоубийство!
Невыносимо бороться с дрянью.
Невыносимо мириться с ними.
Невыносимо, когда бездарен.
Когда талантлив – *невыносимей!* (...)
Невыносимо, когда насильно.
А добровольно – *невыносимей!* (...)

ЭВ «невыносимо» здесь напоминает интекстную вставку, но не является ею по определению, так как несет неизываемую часть смысла текста. Согласно признаку неизываемости, это ЭВ, введенное в конце первого 6-стишья и далее проходящее по тексту рефреном в началах основных смысловесущих кусков, выражающих принципиальные заявления автора, несет ВВСС. Заметим, что он *совпадает с темой стихотворения*, поэтому у оппонентов есть основание утверждать (вслед за В.А. Кухаренко), что здесь имеет место «тематическая смысловая вежа» (ТСВ), выраженная наречием «*невыносимо*» [Кухаренко, 1987, с. 32]. Как в таком случае сделать доказательство убедительным? Беда в том, что его убедительность непременно споткнется о традицию невнимательности, характерную для многих лингвистов. Поэтому нам пришлось указать специальным выделением на то, что в двух случаях наше ЭВ имеет иную вербальную форму (*невыносимей*), и, как следствие, иной оттенок смысла. Что это? Новая, иная ТСВ? Но, по определению, ТСВ (и любого из иных ранее известных вербальных СССТ) не предусматривает варьирование формы и смысла. Между тем, ВВСС, по определению, предусматривает варьирование вербальной формы выражения. Следовательно, мы имеем дело не с ТСВ, а с ВВСС, отображаемым двумя различными вербальными формами. Итак, казалось бы, мы нашли очевидный пример ВВСС с варьируемой вербальной формой. Но нам справедливо укажут на то, что мы сделали вывод лишь по одному из признаков ВВСС: варьирование вербальной формы выражения. Этого недостаточно для доказательства. К счастью, наши исследования показали, что возможен и обратный случай с точки зрения вариативности «форма–содержание». Если мы

рассмотрим стихотворение М. Родина «Что моего во мне», то обнаружим пример ВВСС, имеющего одну вербальную форму, но в различных контекстных воплощениях в тексте этот ВВСС выражает различные смыслы. Пример 3:

«*Что моего во мне...* Вот разве только жажда,
Слепая жажда жить... да так, чтоб, вспыхнув весь,
Догла сгореть в любви... Но это может каждый.
Что моего во мне? От каждого я есмь (...)
(и позднее:)
Что моего во мне, когда я есмь везде?...»

Здесь налицо повтор одного и того же ЭВ «*что моего во мне*». Оно имеет вербально тождественную форму в трех случаях употребления в тексте, и, казалось бы, можно квалифицировать это ЭВ как ТСВ или *интекстную вставку* (ИВ). Однако нетрудно доказать, что это предположение ошибочно.

Аргументами важными для нашего доказательства, является наличие следующих особенностей у ВВСС как смыслового медиатора: (1) возможность неоднократной итерации ВВСС в поток смыслов, воплощающий мысль; (2) неизываемость ВВСС из этого потока без потери важной (скреповой) части смысла из-за исчезновения ключевых смысловых связей; (3) вербальная форма, воплощающая ВВСС, даже если она является фиксированной, может приобретать различные смысловые оттенки.

Подтвердим наличие указанных особенностей у ЭВ «*что моего во мне*». Действительно, (1) оно вставлено в текст неоднократно; (2) его нельзя изъять из текста, в противном случае произойдет полная утрата общего смысла текста. (3) Что касается третьего аргумента, то в первом случае ЭВ выражает мысль-рассуждение, во втором – риторический вопрос, обращенный автором к себе, а в третьем участвует в формировании мысли «а есть ли смысл вообще говорить о собственных качествах в себе, если ты практически все – в общении и в познании – заимствуешь от других людей и делишься с ними своими качествами». Такое содержательное варьирование фиксированного ЭВ возможно лишь на уровне смыслов. Очевидны различия трех ЭВ в коммуникативном, когнитивном и эмотивном отношениях, т. е. у нас есть основание утверждать, что природа медиатора, выраженного этим ЭВ, является смысловой. И все же, если обратиться к определению понятия, то одно свойство ВВМС не было учтено в нашем доказательстве: ВВМС, итерируемая в поток мысли, может быть вставлена в него неоднократно и может развиваться по ходу изложе-

ния, образуя связующую логико-смысловую последовательность. Рассмотрим Пример 4.

«*The headmaster who made headlines last year with a call for independent schools to give a moral lead to the nation appealed to his colleagues yesterday not to be deflected by scandals.*

Roy Chapman, the headmaster of Malvern College, said those in public life, including head teachers, must set an example. "It's a very old-fashioned idea, but the fact that human frailty has meant that one or two individuals have not been able to live up to it does not invalidate the principle behind this counsel of perfection."

Mr. Chapman, last year's chairman of the Headmasters' Conference, said he regretted his resignation of Peter Hobson from Charterhouse and the suspension of Anthony Verity at Dulwich College. "If the allegations are true I am full of sympathy for them. I would hazard a guess that this may be one of the results of the greatly increased pressure that is now exerted on headmasters". But Mr. Chapman said he stood by the sentiments he expressed last year, when he told colleagues that young people would no longer accept a "do as I say, not as I do" philosophy. He also said that independent schools were best placed to fill Britain's "gaping moral vacuum".

As Mr. Hobson went to ground amid new reports in his meetings with an 18-year-old escort girl, Vivian Anthony, the Secretary of the Headmasters' Conference said the 50-year-old classicist had been showing signs of strain before

the summer holidays. "He was not well last term, but I was as surprised as anybody by his departure."

Mr. Anthony, who is due at Charterhouse today, said the strains of headship has increased markedly. "I know of at least three heads who are under pressure and may not survive in the job"» [Leary, 1995, p. 1].

Здесь ВВСС, скрепляющий поток смыслов в мысли о персонаже статьи (*Mr. Chapman*), выражен тремя ЭВ, последовательно представляющими его в трех различных ипостасях, причем, смыслы этих ЭВ образуют связующую логико-смысловую последовательность. Итак, если обратиться к определениям понятий, во всех рассмотренных выше примерах мы имеем дело не с ТСВ, ИВ или *текстовым коннектором*, а с ВВСС.

Для большей убедительности прибегнем к доказыванию наших утверждений формально строго, с помощью метода структурно-смыслового моделирования. Построив структурно-смысловые модели, соответствующие сегментам из речи Дж. Буша, из древнеперсидских текстов, стихотворений М. Родина или А.А. Вознесенского, мы убедились, что они образуют один класс модели (рис. 1), в которой ВВСС итеративно повторяется в потоке элементарных смыслов. На вербальном уровне он отображается в текст как вербальный рефрен, допускающий варьирование, т. е. как ЭВ, итерируемое между сегментами, воплощающими множество элементарных смыслов.

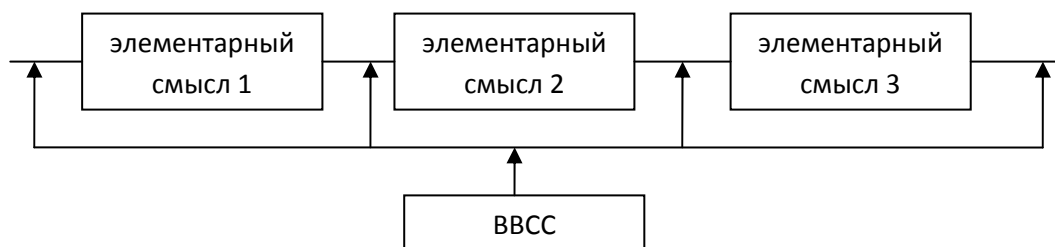

Рис. 1. Модель структурно-смысловой организации текста, при которой ВВСС итерируется между элементарными смыслами сегментов текста

С примерами такого итерирования ВВСС в текст, мы сталкиваемся, например, в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». В качестве вербального воплощения коммуникативно-значимого ВВСС здесь можно указать на выделенную строфу (в начале Песни Первой и в конце Песни Шестой), позаимствованную А.С. Пушкиным в «Сказании об Иеруслане» и ставшую смысловым обрамлением содержательной части поэмы:

«Дела дано минувших дней,
Преданья старины глубокой».

Этот ВВСС вводит читателя в атмосферу повествования в коммуникативном, когнитивном и эмоциональном аспектах.

Нетрудно показать также, что большинство научных текстов построены с использованием архитектурных ВВСС (СС класса б), т. е. по модели, представленной на рис. 1. Любому ученому знакома ситуация, когда при написании статьи, монографии или отчета приходится местами вставлять внутрь текста дополнительные куски, разделы, главы, примеры, определения, теоремы, их доказательства и т. п. Да, такие сегменты вербально выражены, но едва ли можно говорить о том, что они являются ИВ (ведь речь

не идет о цитатах (рис. 2)), ТСВ, вербальными повторами или иными СССТ.

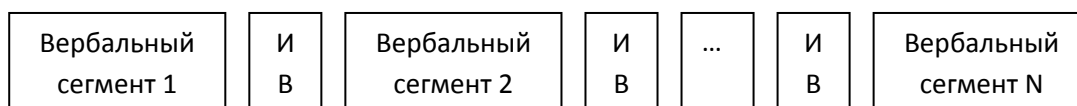

Рис. 2. Модель организации текста согласно концепции интекста

Функция этих сегментов – участвовать своими элементарными смыслами в формировании итогового смысла (с ним – мысли), выражаемого текстом, связывая его смысловые сегменты. И эта функция реализуется на смысловом уровне. Судя по характеристикам, эти сегменты – ВВМС, несущие ВВСС.

Итак, нам удалось вполне строго доказать, что в рассмотренном случае смысловая интегративность текста обеспечивается явно не СССТ, а, скорее всего, ВВСС, организующими текст в смысловом отношении. Но будет ли это наше утверждение убедительным для тех, кто не отличает мысль от текста и, следовательно, смысл-скреп от интекста? Беда в том, что, согласно известному утверждению классиков, «язык (точнее все же – речь. – М.Ч.) есть единственная действительность мысли». Вот почему, если мы хотим все же доказать, что рассматриваемые медиаторы являются не просто интекстовыми вставками, итерированными в текст, а смыслами-скрепами, скрепляющими текст в смысловом отношении, нам придется доказать, ни много, ни мало, что утверждение о языке как единственной действительности мысли является неверным. Чтобы доказать это (и, таким образом, добиться абсолютной убедительности), необходимо использовать (1) *argumentum ad hominem*, (2) *argumentum ad rem* и (3) привести примеры, в которых текст является связным на смысловом уровне, но о вербальных повторах или интекстных вставках невозможно говорить в принципе. Такая связность имеет место в случаях использования *вербально невыраженных мыслей скрепов* (ВВМС), несущих вербально невыраженные смыслы-скрепы (ВВСС). ВВСС следует отличать от «скрытых смыслов», допускающих вербальную выраженность при скрытости (метафора, метонимия и т. п.) [Масленникова, 1999].

(1) Приведем *argumentum ad hominem*. Ясно понимая, что вербальная форма текста и его смысл – разные вещи, такой авторитетный лингвист, как Ю.М. Лотман рассматривал текст как «упаковку», роль которой заключается в том, чтобы донести смысл до адресата [Лотман, 1992, с. 2526].

(2) Приведем *argumentum ad rem*. Для этого применим *метод моделирования путем построения логических формул* (ММПЛФ). В нашем доказательстве ММПЛФ будет использован лишь для отыскания ВВСС. Разумеется, нельзя забывать, что, к сожалению, в общем случае подобный логико-семантический анализ неизбежно преобразует смысл высказывания в ущербный вариант смысла в терминах логики предикатов 1-го порядка. Исследование показало, что ВВСС легко отыскиваются в так называемых *неполных высказываниях*. Например, высказывание «*A whisky and soda, please*» является вербально неполным и, тем не менее, ситуативно понятным. Оно подразумевает просьбу дать (продать, предложить) указанный напиток. Вербально невыраженный смысл и полная вербальная форма высказывания могут быть восстановлены путем построения модели отраженной в нем логико-функциональной зависимости, при котором невозможно избежать восстановления предиката: $GIVE(x, y)$, где x – *me*, y – *a whisky and soda*, а $GIVE$ – подразумевающийся и восстанавливаемый предикат.

Высказывание «*London, please*» также вербально неполно, но понятным оно может быть лишь с учетом конкретной ситуации. В одном из случаев это может быть высказывание, обращенное к кассиру, продающему билеты на рейсы, с просьбой забронировать (или продать) билет. В другом случае это может быть обращение к водителю такси отвезти пассажира в Лондон. Неполное высказывание «*London, Sir*» может означать, например, ответ на вопрос о том, где живет или куда направляется (или только что въехал) собеседник. Во всех таких случаях полностью опущенным оказывается вербальное выражение предиката, но не ВВСС, который подразумевается и легко восстанавливается средствами интуиции с учетом экстралингвистического контекста и коммуникативной ситуации. Но как в общем случае можно выразить такой ВВСС в терминах моделирования путем построения логических формул? И что это нам дает?

Очевидно, что смысловая структура неполных высказываний обусловлена коммуникатив-

ной ситуацией и должна быть, в общем случае, выражена более сложной и точной зависимостью $F(x, y, z)$, где x – speaker, y – addressee, z – object, F – отношение коммуникативного действия, которое как раз и является отражением смысла-скрепа. Восстановление отношения F для неполных высказываний и текстов как раз и подразумевает учет коммуникативной ситуации. На смысловом уровне F выражает *интегрирующую ситуативно-смысловую зависимость*, связывающую между собой составляющие коммуникативной ситуации и устанавливающую отношение $F(x, y, z)$ между этими составляющими: например: ГО-ВОРИТ (Джон, Мэри, люблю); ДАРИТ (Джон, Мэри, цветы); и т. п.

Необходимость восстановления зависимости F становится абсолютно очевидной при операциях *неинтуитивного понимания смысла*, т. е. понимания *без участия человека* (который, естественно, интуитивно способен многое понять). Речь идет об операциях понимания в сис-

Рис. 3. Модель структурно-смысловой организации текста, при которой ВВСС интегрируется с ЭС сегментов текста, начиная со второго, как ВНСС

И все же у оппонента есть причина задать вопрос: «Сколь веским является основание для рассмотрения подстановок ЭВ, выражающего ВВСС, как восстановлений ВНСС, не присутствующих в тексте?» Чтобы ответить на этот вопрос, необходимы более убедительные примеры, в которых не было бы ВВСС вовсе. Рассмотрим пример из сообщения в газете «The New York Times» (NYT) о событиях, комментируемых Белым Домом. Пример 5:

«By all accounts, *J. Christopher Stevens*, the American ambassador to Libya, who was killed Tuesday during an attack on a lightly fortified American diplomatic post in Benghazi, Libya, represented those resisting the United States government's push to turn diplomatic facilities into virtual fortresses and ring diplomats with bodyguards. The move gained impetus after the bombings in 1998 of two American Embassies in East Africa.

темах искусственного интеллекта (ИИ). Выяснилось, что, если при анализе в системе ИИ восстановление зависимости F не происходит, то смысл высказывания в данной коммуникативной ситуации оказывается не выявленным. Итак, очевидно: (1) *смысл-скреп модельно выражается интегрирующей ситуативно-смысловой зависимостью* и, следовательно, (2) *может быть описан в терминах логики функциональных отношений*. Q.E.D.

Теперь приведем примеры, в которых текст является связным на смысловом уровне, но о СССТ невозможно говорить, так как использованы ВНМС, несущие ВНСС. В нашей предыдущей статье [Чернышов, 2010a] был приведен пример, в котором ВВСС вида «Скажи-ка, дядя, (ведь)» из 1-й строфы поэмы М.Ю. Лермонтова «Бородино», восстанавливается в остальных строфах поэмы как ВНСС. Чтобы понять, в чем особенность смысловой организации текста поэмы с ВНСС, прибегнем к построению его структурно-смысловой модели (рис. 3), которая не может не отличаться от модели на рис. 1.

Although *Mr. Stevens's* trademark runs through the countryside and his casual stops to converse with everyday Libyans made him stand out from his button-down colleagues who focus their work in back rooms and over conference calls, his violent death most likely will only increase efforts to protect American diplomatic personnel from the chaos of the countries where they are posted.

The State Department's spokeswoman, Victoria Nuland, disputed suggestions on Thursday that there was inadequate security at the post in Benghazi. When it comes to security at the State Department's 275 diplomatic missions around the globe, a number of which encounter some form of attack each year, the lessons have been hard learned.

Such protection measures came through bitter experience in Lebanon. After the civil war erupted in 1975, an American ambassador was assassinated after his limousine was hijacked as it crossed a neutral zone in divided Beirut, and suicide bombers

blew up the American Embassy twice...» [The protest..., 2012, p. 1].

Подобных примеров великое множество. Здесь смысл-скреп мог бы быть представлен как коммуникативно-значимый ВВСС, выраженный ЭВ «*a senior administration official said that*», итерируемый в абзацы сообщения, но такого ЭВ здесь нет. Между тем, содержание и характер ЭВ в началах абзацев текста («*J. Christopher Stevens, the American ambassador to Libya, who was killed Tuesday*», «*Mr. Stevens's trademark runs through the countryside*», «*The State Department's spokeswoman, Victoria Nuland, disputed suggestions*», «*Such protection measures came through bitter experience in Lebanon*», «*Those two deadly attacks prompted an overhaul in security measures*») прямо указывают на то, что речь может идти только о сообщениях официальных лиц Белого дома. Здесь описывается ситуация на Ближнем Востоке после гибели Дж. Кристофера Стивенса, посла США в Ливии, и меры безопасности, предпринимаемые Госдепартаментом США в целях защиты своих послов и дипломатов в Каире, Бенгази и Санае. Кореференты именных фраз «*American ambassador*» могут – согласно практически всем известным концепциям смысловой связности – быть признаны скрепляющими. Но вывод о смысловой связности, построенный на такой основе, был бы неверным: определение связности по кореферентам, отображаемым фразами (*J. Christopher Stevens* и *American ambassador*), является грубой ошибкой. Необходимо отслеживать связность по

содержанию, как минимум, элементарных высказываний (ЭВ), а лучше – абзацев текста. В самом деле, уже переход к рассмотрению референции фраз данного текста с учетом вклада в значение от артиклей показывает, что ЭВ с «*the American ambassador*» и «*an American ambassador*» не являются кореферентами. Учет смысла абзацев текста в целом показывает, что первое ЭВ относится к Дж. Стивенсу, погибшему в сентябре 2012 г. в Ливии, а второе ЭВ – к послу США, погибшему в 1975 г. в Ливане. Итак, очевидно, что общепринятые концепции смысловой связности текста несовершенны и не работают в этом и в других подобных случаях.

Связность этого текста обеспечивается за счет ВНСС, представленного подразумеваемым ЭВ «*A senior administration official said (declared) that*». Для проверки утверждения выполним подстановку этого ЭВ в начала (концы) абзацев текста. Очевидно, она не приводит к смысловым противоречиям. Следовательно, это ЭВ можно рассматривать как восстановление ВНСС в тексте.

Применяя структурно-смысловое моделирование, построим модель структурно-смысловой организации Примера 5 (рис. 4). Здесь смысл-скреп совсем не итерируется между элементарными смыслами (ЭС) сегментов текста, т. е. не происходит вставление ВВСС между вербально выраженными ЭС, как было в Примере 4. Смысл-скреп интегрируется с ЭС каждого сегмента текста, «вливаясь в него» и приобретая форму ВНСС (ср. рис. 4 с рис. 1 и 3). Q.E.D.

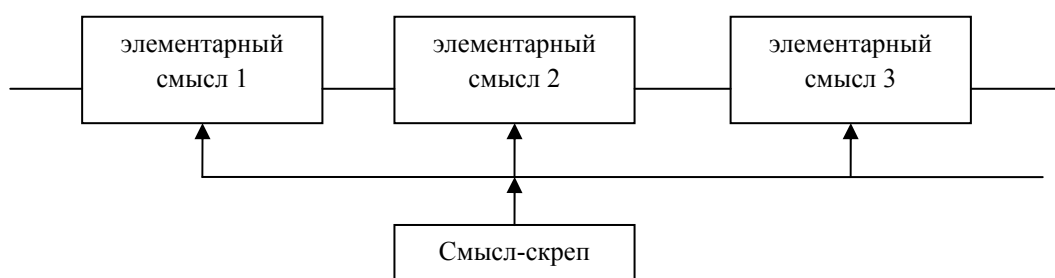

Рис. 4. Модель структурно-смысловой организации текста, при которой осуществляются интеграция ВНСС с ЭС каждого сегмента текста

Итак, доказана возможность смысловой интеграции текста с помощью смыслов-скрепов, выраженных в вербальной и невербальной формах. Это принципиально отличает нашу концепцию смысловой организации речи от других концепций. Еще одним доказательством ее достоверности служит факт выявления автором большого множества примеров ВВМС в текстах и построения четкой классификации ВВМС (см. монографии автора [Чернышов, 2010б, в]).

В отличие от риторических фигур, интекстных вставок и других «средств смысловой связности текста» (СССТ), являющихся всего лишь повторяющимися элементами, итерируемыми в текст, чтобы, якобы, внутренне связать его, назначение таких медиаторов смысловой интегративности, как ВВМС (и их содержания, т. е. ВВСС, с помощью которых ВВМС репрезентированы в семантике *средств коммуникативной*

передачи смысла (СКПС)) – организовать мысль.

Учитывая возможность отражения в тексте вербально невыраженных, но логически легко восстанавливаемых мыслей-скрепов, утверждение о том, что «речь есть единственная действительность мысли», является ошибочным. В подтверждение достоверности этого утверждения нами были выполнены исследования семантики альтернативных СКПС: текстов компьютерных программ [Чернышов, 2012в,з] и текстов музыкальных произведений [Чернышов, 2012д,е].

Литература

1. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

2. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Избранные статьи: в 3-х т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – 414 с.

3. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: [Место защиты: СПбГУ, 1999]. – СПб., 1999. – 310 с.

4. Чернышов М.Ю. Основы метода анализа смысловой интегративности текста с помощью вербально выраженных мыслей-скрепов // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Романо-германская филология. – 2009. – Вып. 11. – С. 146-150.

5. Чернышов М.Ю. Техника идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста // Вестник ИГЛУ. – 2010а. – № 4. – С. 203-207.

6. Чернышов М.Ю. Вербальные средства выражения мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текста. – М.: Наука и право, 2010б. – 168 с.

7. Чернышов М.Ю. Проблема идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов смысловой интегративности текстов. – М.: Наука и право, 2010в. – 152 с.

8. Чернышов М.Ю. Сущность вербально выраженной мысли-скрепа как медиатора смысловой интегративности текста // Знание. Понимание. Умение. – М., 2011а. – № 4. – С. 31-37.

9. Чернышов М.Ю. Примеры идентификации вербально выраженных мыслей-скрепов как медиаторов

смысловой интегративности текста // Вестник ИГЛУ. – 2011б. – № 1. – С. 184-193.

10. Чернышов М.Ю. Развитие мышления, сознания и развитие аппарата анализа смыслов в этих целях // Известия Академии педагогических и социальных наук. – 2011в. – Вып. XV. – Ч. 1. – С. 107-117.

11. Чернышов М.Ю. Идентификация вербально выраженных смыслов-скрепов как средств анализа смыслов текста // Интеграция образования. – 2012а. – № 1. – С. 43-49.

12. Чернышов М.Ю. Основы вычислительной технологии для анализа и реструктурирования текстов на принципах логико-смыслового анализа и синтеза // Бурятского государственного университета. Сер.: Математика. Информатика. – 2012б. – Вып. 9. – С. 70-75.

13. Чернышов М.Ю. Основы вычислительной технологии, предназначенной для исследования программных систем и основанной на принципах логико-смыслового анализа // Вестник ТОГУ. Сер.: Информатика, вычислительная техника и управление. – 2012в. – № 2(25). – С. 27-36.

14. Чернышов М.Ю. Программный комплекс, предназначенный для логико-смыслового анализа сложных программных систем // Вестник ТОГУ. Сер.: Информатика, вычислительная техника и управление. – 2012. – № 4(27). – С. 21-33.

15. Чернышов М.Ю., Сотова Е.А. Подход к проблеме синтеза и анализа смыслов в лингвистической и музыкальной семантике // Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Романо-германская филология. – 2012д. – Вып. 11. – С. 114-119.

16. Чернышов М.Ю., Сотова Е.А. Принципы музыкального мышления и синтез смыслов в музыкальной семантике // Вестник ЧГАКИ. – 2012е. – № 3(31). – С. 90-96.

17. Чернышов М.Ю. Мысли-скрепы как медиаторы смысловой интегративности текста. Подход к анализу смысловой связности текста с помощью мыслей-скрепов // Вопросы филологии. – 2013. – №1. – в печати.

18. Leary J. Head appeals to schools to maintain moral lead // The Times. – 1995. – September 2. – P. 1-6.

19. The protest at the embassy in Sana followed attacks this week in Cairo and in Benghazi, Libya // NYT. – 2012. – Thursday, September 13. – P. 1.

20. Weischedel R.M. Knowledge representation and natural language processing // Proceedings of the IEEE. – 1986. – Vol. 74. – №7. – P. 11-30.

Чернышов Михаил Юрьевич – зав. методической частью Иркутского научного центра (ИНЦ) СО РАН, канд. фил. наук, почетный профессор Кембриджского ун-та, иностранный член Royal Society. 664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 134, Президиум ИНЦ СО РАН; (3952) 42-67-27; (3952) 29-52-93; E-mail: cell@sifibr.irk.ru.

Chernyshov Mikhail Yurievich – Irkutsk Scientific Center, Siberian Branch of RAS, Presidium of ISC, ISLU, Honorary Professor of Cambridge University, Foreign member of the Royal Society, 134, Lermontov st., Irkutsk, 664033, Russia, (3952) 42-67-27; E-mail: cell@sifibr.irk.ru

УДК 81 '33

© Е.А. Шагланова

Использование иноязычных слов в компрессии текста

В статье идет речь о выделении такого способа сжатия текста, как использование иностранных слов и морфем в компрессивной функции. В связи с современной тенденцией экспансии иноязычных слов в развитии общества и языка заимствование является многофункциональным средством в языке, и его можно считать весьма продуктивным и актуальным способом компрессии текста.

Ключевые слова: языковая экономия, компрессия текста, телескопное словообразование, иноязычные морфемы, заимствования.

Е.А. Shaglanova

The loan words in the text compression

The article deals with the accentuation of the use of foreign words and morphemes in their compressive function. Due to the modern tendency of loan words' expansion in the social and language development, loan words and morphemes are thought to be multifunctional means of language and rather productive and actual texts compression method.

Keywords: linguistic economy, compression of the text, word-building, telescopes, loan words and morphemes.

Ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии и активизирует процессы образования лаконичных единиц языка, позволяющих человеку, передать наиболее сжато и быстро определенный объем информации. Весьма актуальная на сегодняшний день проблема языковой компрессии под разным углом зрения не раз привлекала к себе внимание исследователей [1]. Одно из современных, на наш взгляд, определений этого явления: «Языковая компрессия – это обусловленное законом речевой экономии, требованиями жанра, особенностями информационного носителя упрощение в процессе обработки или порождения текста его поверхностной структуры – за счет повышения информативности языковых единиц и элиминирования тех компонентов, которые могут быть восстановлены из невербальной части текста, без изменения его информационной стороны по сравнению с исходным текстом или нейтральной стилистической нормой» [2]. Используя разные термины для обозначения языковой компрессии, большинство исследователей подразумевают под ней возможность выражения определенного объема информации минимальными, лаконичными языковыми средствами. Компрессия, или свертывание информации – процедура определения уровня необходимой и достаточной информативности сообщения в зависимости от стоящей коммуникативной задачи. При этом сжатие сопровождается уменьшением физического объема сообщения.

В нашей статье мы рассматриваем один из способов сжатия текста, который является при этом актуальным процессом в языке. Заимствование, наряду с аббревиатурой, словосложени-

ем, телескопией, замещением, эллипсисом, использованием различных стилистических приемов, является на сегодняшний день значимым и широко используемым способом языковой экономии.

Заимствование слов – естественный процесс, который является результатом глобализации и отражает политические, экономические, военные, культурные, научные отношения между народами в разные периоды истории. Слово «заимствование» означает переход элементов одного языка в другой как результат взаимодействия языков, причем заимствованными могут называться как слова, так и части слов – морфемы, их произношение и даже написание. «Заимствования раскрывают жизнь вещей, понятий, они говорят о географическом месте возникновения новых предметов, вещей (*коньяк, панاما, бордо*), об их творцах (*ампер, ватт*) и т.д.» [3]. Иностранные языки стали хорошим источником появления новых слов и морфем в русском языке. Количественный состав заимствований из того или иного языка различается. Бесспорное первое место во всех тематических направлениях занимают заимствования английского языка, значительное число которых пришлось на XIX–XX в. Интенсивное внедрение английской лексики в другие языки мира объясняется его доминирующей глобальной ролью в современном мире. Далее идут заимствования из французского языка, в основном представленные словами военной тематики, искусства, названиями пищи, одежды и бытовых предметов. Заимствования из немецкого, латинского, греческого языков также представляют собой в русском языке и других языках мира значительный пласт лексики.

Обилие заимствованных слов и морфем можно объяснить следующими основными причинами: 1) потребность в наименовании новой реалии; 2) наличие международной терминологии; 3) стремление выделить какой-либо оттенок значения, который не совсем выделен ресурсами своего языка; 4) замена заимствованным словом или морфемой «неэкономных» слов и компонентов своего языка или «стремление говорящего обозначить объект наименования одним словом» [4]; 5) мода и престиж иноязычных слов и компонентов.

Заимствованные слова обладают огромным функциональным потенциалом, возможностями, которые при необходимости можно использовать в разных целях. Необычный графический облик, звучание, новизна заимствований наделяет их различными функциями. Так, иностранное слово, являясь экспрессивным, дает определенный стилистический эффект. Если говорить о речевой, социальной характеристике, то иностранное слово зачастую свидетельствует о высоком социальном положении, высоком уровне образованности и степени интеллектуального развития говорящего. Многие лингвисты склонны считать, что одной из причин заимствований является престижность иностранного языка, мода на иностранные слова, особенно слова английского языка. Как отмечает Л.П. Крысин, «большая социальная престижность иноязычного слова по сравнению с исконным вызывает иногда явление, которое может быть названо **повышение в ранге**: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному» [5]. Кроме того, иностранные слова и термины дают возможность выразить завуалировано то, что было бы неприлично или неприемлемо в исконном языке. Заимствования здесь рассматриваются как один из языковых способов и средств эвфемизации – «способ непрямого, перифрастического и при этом смягчающего обозначения предмета, свойства или действия» [6].

И, наконец, иностранные слова и морфемы являются неотъемлемой частью языковой игры – каламбур, обыгрывание и переиначивание смысла – прием, который сегодня широко применяется в языке СМИ, в рекламных текстах, в языке интернет-коммуникаций. Англицизмы, часто встречающиеся в качестве элемента языковой игры, используются для экспрессии, создания комического эффекта, что говорит о наличии немаловажной функции иностранного

слова – функции манипулирования – воздействия на адресата.

В рамках нашего исследования иноязычные слова, морфемы рассматриваются как один из способов сжатия текста, так как дают возможность назвать что-либо одним словом, а не словосочетанием. Иначе говоря, происходит замена описательного оборота однословным наименованием. Например, прочно вошли и используются в русском языке следующие слова, которые заменяют целые описательные обороты: **турне** – путешествие по круговому маршруту; **спринтер** – спортсмен, совершающий забег на короткие дистанции; **тинэйджер** – подросток 13–17 лет; **киллер** – профессиональный наемный убийца; **менеджер** – наемный управляющий, специалист по управлению; **грант** – денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований и др. Таким образом, из приведенных примеров мы видим, что, например, англицизм *спринтер* заменяет описательный оборот *спортсмен, совершающий забег на короткие дистанции*. Еще один внутриязыковой фактор, способствующий заимствованию, – укрепление в языке заимствованных слов с определенной морфологической структурой. Так, например, наличие в русском языке таких слов, как *полисмен, джентльмен*, заимствованных еще в XIX веке, значительно облегчило дальнейшее заимствование слов с общим элементом *-мен*, который значит «человек» в переводе с английского и позволяет более сжато выразить значение, связанное с выполнением человеком какой-либо деятельности. Так, например, в конце XIX – начале XX в. к заимствованным ранее словам прибавились еще такие экономичные слова, как *спортсмен* – человек, занимающийся спортом; *яхтсмен* – спортсмен, специалист по вождению яхт; *бизнесмен* – предприниматель; *конгрессмен* – член конгресса, парламента США.

В разные эпохи развития роль проводников иноязычной лексики в общем употреблении играют разные социальные группы говорящих. В условиях информационного общества культурно-языковое влияние осуществляется посредством массовой коммуникации, интернет-общения. Употребление огромного количества заимствований в медиатекстах мотивировано стремлением сохранить более экономичную языковую форму, необходимостью быть эмоциональным и привлекать внимание. Смело можно утверждать, что именно тексты СМИ являются наиболее активным проводником заимствований, так как слово, появившись однажды

в телевизионной речи или на страницах прессы, мгновенно подхватывается массовой аудиторией и все глубже проникает в родной язык. В современном русском языке огромное количество слов иностранного происхождения, которые на данный момент проникли уже во все сферы речеупотребления. Прочно войдя в словарный фонд современного языка, заимствования заменяют слова языка-реципиента. Причины могут быть в следующем: заимствованное слово легче произносится, оно короче, прозрачнее в своей этимологии, обозначает относительно новое для российской действительности понятие, описание которого средствами русского языка требует определенных усилий. Например, понятие **public relations (PR)** обозначает в русском языке связь с общественностью, но оно уже вряд ли будет вытеснено своим русским эквивалентом, тем более, что у него уже появились производные слова: *пиар* – вид информационной деятельности, направленной на формирование общественного мнения; *пиарщик* – специалист по связям с общественностью. На сегодняшний момент слово *пиар* уже можно рассматривать как первую часть таких сложных слов, как *пиар-агентство*, *пиар-акция*, *пиар-менеджер*, *пиар-деятельность*, *пиар-кампания*, *пиар-служба*, *пиар-стратегия* и многие другие. Кроме того, появились глаголы, обозначающие само это действие – *пиарить*, *распиарить* и т.п. Здесь можно согласиться с мнением Е.А. Земской, которая считает, что «морфемы-чужестранцы» становятся суффиксами и приставками исконного языка, когда они приобретают в языке-реципиенте самостоятельность и активность, могут сочетаться с исконными основами и начинают употребляться для создания новых слов [7].

Таким образом, происходит обновление словаря в языке за счет заимствований, которые, в свою очередь, вызваны, как мы уже отметили выше, внешними факторами – развитием общества, науки, техники, контактов между народами, развитием человеческого сознания и духовной культуры человека. Все эти внешние причины «стыкуются» с внутренними, при этом мы получаем ярко выраженную тенденцию замещения описательного оборота одним словом [8]. Именно эта способность заимствованной единицы, наряду с другими, дает ей возможность адаптироваться и удержаться в языке-реципиенте.

Иностранная терминологическая лексика является таким же незаменимым средством лаконичной и точной передачи информации в текстах научного характера, предназначенных для

узких специалистов. Но, необходимо отметить, что заимствования, закрепленные в определенных функциональных стилях речи, в современный период развития языка переходят из одного стиля в другой. Например, сложившаяся на базе английского языка терминология вычислительной техники легко пополняется новыми терминами английского происхождения. А такие слова, как *байт*, *ворд*, *интернет*, *баннер*, *е-мейл*, *гуглить*, *прогуглить* используются в речи людей, которые имеют дело с компьютерами, и их становится все больше и больше, то есть англицизмы из сугубо профессиональной сферы переходят в широкое использование. Их функциональный потенциал в языке-реципиенте проявляется в их использовании при стремлении к экономии речевых усилий, для придания престижности говорящему, для создания высокого экспрессивно-оценочного потенциала.

В нашей статье мы также выделяем такой способ компрессии текста, как использование иноязычных морфем в словообразовании, а именно в телескопии. Телескопия – распространенный во многих языках самостоятельный вид лексической компрессии на уровне словообразования, с точки зрения которой «телескопия – особый способ образования сокращенных лексических единиц, для которой характерны элементы морфологической аббревиатуры, а именно стяжение в новое цельноформленное слово начальных элементов одного слова и конечных элементов другого» [9]. Получается, что слова накладываются друг на друга как части телескопа, отсюда и название «телескопные слова» [10]. Например: *smoke + fog = smog*, *Oxford + Cambridge = Oxbridge*, *dictate + gramophone = dictaphone*, *магнитофон + радиолла = магнитола*, *фрукт + йогурт = фругурт*, *клип + мейкер = клипмейкер*.

Действие закона речевой экономии, тенденция к компактности и цельноформленности породила телескопию, которая заключается «в объединении двух, связанных определительным отношением полнозначных слов с одновременным усечением одного из них или обоих и в создании новой, единой формально и семантически, монолитной единицы» [11]. Как показывают примеры, в структуре телескопических единиц (разных языков) принцип экономии проявляется особенно ярко: *рация (радио + станция)*, *бионика (биологический + электроника)*, *avionics (aviation + electronics)*, *telephone (television + marathon)*, *internet (international + net)*.

Основным признаком телескопного слова можно считать то, что в телескопных единицах

сочетания «осколка» могут быть самыми разнообразными и представлять собой: 1) слияние «осколка» с «осколком» – *smog* (смог) < *smoke* + *fog*, *zedonk* (смесь зебры с ослом) < *zebra* + *donkey*); 2) слияние полной основы с «осколком» – *mediamorphosis* (изменение или искажение фактов средствами массовой информации) < *media* + *metamorphosis*; 3) слияние «осколка» с полной основой – *ecopolitics* (изучение политики с точки зрения экономики) < *economic* + *politics*); 4) слияние двух основ с элементом наложения на стыке этих основ – *barococo* (смесь стилей барокко и рококо) < *baroque* + *rococo*.

Телескопические единицы также могут быть созданы из одного или двух и более имен собственных (особенно это явление можно наблюдать в американском варианте английского языка). Так, многие американские города, расположенные на границах между штатами, имеют в качестве своих названий телескопизмы, образованные от названий самих штатов. Например: *Calico* (*California* + *Mexico*), *Nosodak* (*North Dakota* + *South Dakota*) и т.д. Частым явлением можно считать телескопические слова, образованные от имен людей. Например: *Olouise* (*Olive* + *Louise*), *Rosella* (*Rose* + *Bella*), *Adnelle* (*Addison* + *Nellie*) и др.

В разных источниках средств массовой информации, а особенно в текстах рекламного характера, в интернет–дискурсе мы все чаще наблюдаем использование неадаптивных телескопических единиц с иноязычным компонентом или словом, что, очевидно, является результатом активного межкультурного общения, научно-технического прогресса и отражает характер потребления и использования телескопических единиц современным обществом. Очевидна продуктивность использования таких словообразовательных элементов и слов латинского, греческого, английского происхождения в плане компрессии текста, например: *анти* – (греч. *anti* – против) *антикоррупция*, *антивещество*, *мега* – (греч. *mega*- огромный) *мегамаркет*, *мегапицца*; *нео* – (англ. *neo* – новый) *неополитика*; *поли* – (греч. *poly* – множественный) *полимерный*; *моно* – (греч. *monos* -один) *монокомпонентный*; *би*- (лат. *bi* -двойной) *би-лайн*; *супер* – (лат. *super* – сверх, со значением высшего качества, главенства) *суперчеловек*, *суперэффективный*, *супергерой*; *макси* – (лат. *maxi* – большой) *максимойка*; *мульти* – (лат. *multum* – много) *мультимиллионер*; *нон-* (лат. *non-* не) *нон-стоп*; *веб* – (англ. *web-сеть*) *вебмастер*; *а-* (греч. приставка со значением отрицания) *антипичный*, *аморальный*; *де-* (латинская приставка со значением преобразования, ликвидации) *де-*

градация; *шоу* – (англ. *show* – пока) *шоу-программа*; *контр* – (лат. *Contra* – против) *контраргументация*; *эко* – (eco – от англ. *ecology* – экология) – *экотуризм*; *ультра* – (лат. *ultra* – сверх, крайний) *ультраконсервативный*, *ультралегкий*; *архи* – (греч. *archi* – со значением старший, высшая степень) *архиважно*; *гипер* – (греч. *hyper* – сверх, превышающий предел) *гиперинфляция*; *экс* – (лат. *ex* – бывший) *экс-супруг*, *экс-президент*; *e-mail* – (английская буква *e* – от англ. слова *electronic*) *электронное письмо*, *сообщение*; *киберпространство* – (*кибер* от англ. *cyber* – относящийся к компьютерам, информационным технологиям, интернету) и др.

Акклиматизируясь в разной степени, «морфемы-чужестранцы» приживаются в новом языке настолько, что вытесняют даже чисто русские морфемы. Например, приставка *анти-* (от греч. *anti* – против) очень активна в русском языке и производит новые слова. Как отмечает Е.А. Земская, приставка уже в начале XIX века стала использоваться для производства слов от русских основ: *антипольская* (встречается в письмах А.С. Пушкина к И.А. Тургеневу), *антирусское начало* и т.д. [12]. Многочисленные примеры говорят о том, что эта приставка оказалась удобной и весьма экономичной, что вытеснила русскую приставку *противо-* с аналогичным значением в разных сферах: в дипломатической, официально–деловой и т.д. (например: *противоуправительственный* – *антиуправительственный*, *противонародный* – *антинародный*, *противорелигиозный* – *антирелигиозный*, *противообщественный* – *антиобщественный* и др.)

Особенно активизировалось действие иноязычных морфем и слов с развитием рекламы (*супергерой*, *суперцена*, *мегамаркет*, *мегавкус*, *мегапицца*, *ультрамодный*, *фильмы в режиме нон-стоп*, *биоигурт*, *экотуризм*, *экопродукт* и т.д.). Экспансия иноязычных слов и компонентов – очень значимая тенденция развития лексико-семантической и словообразовательной систем русского языка.

Высока частотность слов, которые состоят из двух частей, где первая часть – иноязычное вкрапление, написанное латиницей, а вторая – либо на русском, либо также латиницей. Например: *TV – shop*, *PIN – код*, *SMS – голосование*, *PR – служба*, *IQ – тест*, *web – дизайн* и многие другие. Эти сложные слова Л.П. Крысин называет «словами-кентаврами» и пишет, что «большая часть таких слов обозначает новые реалии, которые относятся главным образом к телевидению, новым видам связи, новым ин-

формационным технологиям, к интернету» [13]. Как мы видим, в данных примерах использованы аббревиатуры английского языка как часть слова: *TV – television – телевидение; PIN – personal identification number, SMS – short message service, IQ – intelligence quotient и др.* Все эти перечисленные явления, связанные с заимствованием, являются результатом влияния английского языка и его словообразовательной системы. Наиболее употребительные из них осваиваются говорящими, превращаясь в обычные русские слова – *смска, пин, пиар, сиди (CD)* и т.д.

Сегодня мы встречаем использование компрессивного словообразования в различных сферах быта, научно-технической деятельности, общественно-политической жизни, в разной социальной среде, в кинематографии, в искусстве, в спорте, в терминологии медицины, транспорта, торговли. Особенно часто их используют в языке рекламы и в средствах массовой информации, где они, являясь способом сжатия текста, служат экспрессивности, привлечению внимания, созданию комического эффекта, интриги и новизны. Например, не так давно в языке американской прессы появилось телескопное слово *governator* от двух английских слов *governor – губернатор* и *terminator – терминатор*, по имени робота-убийцы в американском фильме «Терминатор». Словом *Governator* стали в шутку называть Арнольда Шварценеггера, который в 2003 году баллотировался на пост губернатора в штате Калифорния (США) и выиграл выборы и который сыграл главную роль в фильме 90-х гг. «Терминатор». Причем, само слово терминатор – заимствование из английского языка (от глагола *terminate – завершать, кончать, класть конец*), которое обозначает в фантастике робота-убийцу в человеческом или ином облике. Лексема *Governator* уже занесена в один из словарей слов и фраз англоязычного сленга, где указываются несколько его значений: 1) *A machine sent back in time to terminate Gray Davis and become Governor of California – некая машина, отправленная в прошлое, чтобы положить конец Грэй Дэвису (губернатор штата Калифорния 1999–2003 гг.) и стать губернатором Калифорнии;* 2) *Referring to any public celebrity who runs for public office on fame and recognition-factor only, while having no other qualifications or natural talents for the position – обозначает какую-нибудь знаменитость, которая занимает государственную должность только благодаря своей славе и признанию, при этом, не имея квалификации или природного таланта занимать эту должность* [14]. Кон-

таминированное телескопное новообразование *Governator* имеет не только комический эффект, но и выражает отношение говорящего к самому губернатору, в данном случае отрицательное.

Итак, использование заимствований, а также образование телескопических единиц с использованием «морфем-чужестранцев» дает возможность образования экспрессивной нестандартной лексики, что на сегодняшний день является очень популярным и достаточно эффективным средством в достижении компрессии текста и речи, следовательно, и целей коммуникации. Использование заимствований и заимствованных морфем в словообразовании как компрессивный способ имеет тенденцию к дальнейшему развитию, так как является отражением состояния, развития современного языка и общества, которые в силу современных веяний и состояния стремятся к краткости, но в то же время и к экспрессивности выражения.

Литература

1. Zipf G. Human behavior and the principle of the least effort. – Cambridge Mass., 1949; Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. – М., 1960; Мурзин Л.Н. Компрессия и семантика языка // Семантика и производство лексических единиц (проблема деривации): межвуз. сб. науч. тр. – Пермь. 1979. – С. 36-46; Вейзе А.А. Смысловая компрессия текста при обучении иностранным языкам // Методика и лингвистика. Иностранный язык для научных работников. – М., 1981. – С. 44-61; Блюменау Д.И. Проблемы свертывания научной информации. – Л., 1982; Боброва К.А. Компрессия как средство повторной номинации в немецкой диалогической речи // Единицы языка в коммуникативных и номинативных аспектах. – Л., 1986. – С. 29-37; Судовцев В.А. Научно-техническая информация и перевод. – М., 1989; Кобков В.П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации // В помощь преподавателям иностранных языков. – Вып. 5. – Новосибирск, 1974. – С. 49-73; Жилин И.М. Синтаксическая компрессия в новых германских языках // Иностранные языки в высшей школе. – 1971. – № 5. – С. 15-22.
2. Шокина А.Б. Языковая компрессия в рекламном тексте. – URL: www.mediascope.ru/node/240 (дата обращения: 29.03.2011).
3. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык: Лексикология. Фразеология. Морфология: учеб. для студ. вузов. – М., 2003. – С. 164.
4. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). – М., 1996. – С. 147.
5. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. – 2002. – №6. – С. 27-34.

6. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996. – С. 387–389.

7. Земская Е.А. Как делаются слова. – М., 1963. – С. 75.

8. Попова М.А. О семантическом аспекте заимствований // Русская речь. – 2007. – №6. – С. 54.

9. Борисенко И.И. Телескопия в современном английском языке // Вопросы языковой структуры (исследования по романо-германской филологии): сб. ст. – Киев, 1976. – С. 91.

10. Омельченко Л.Ф. Телескопия – один из малоизученных способов глаголообразования современного английского языка // Филологические науки. – 1980. – №5. – С. 66.

11. Сухова Е.А. Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – С. 5.

12. Земская Е.А. Указ. соч. – С. 76.

13. Крысин Л.П. О некоторых новых типах слов в русском языке: слова – «кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, Серия Лингвистика. – 2010. – №4 (2). – С. 575–576.

14. Urban Dictionary. URL: <http://urbandictionary.com/#define?term=governator> (дата обращения 26.02.2013).

Список использованных словарей

Словарь иностранных слов. – 7-е изд., перераб. – М., 1979.

Шагланова Елена Андреевна – ассистент КИЯЕН Бурятского государственного университета, 89021674070, e-mail: shaganel80@mail.ru

Shaglanova Elena Andreevna – assistant professor of the chair of the foreign languages of the Buryat State University, 89021674070, e-mail: shaganel80@mail.ru

УДК 811.133.1: 659

© Н.К. Шангаева

Использование интенсификаторов в языке французских женских журналов

В статье рассматривается функционирование интенсификаторов в современном французском языке (на материале женских изданий). Данная тема представляет научный интерес, поскольку в языке средств массовой информации формируются и проявляются общие тенденции развития языка.

Ключевые слова: интенсификаторы, интенсификация, французский язык.

N.K. Shangaeva

The use of intensifiers in french women's magazines language

The article is devoted to the use of intensifiers in French language (on the basis of women magazines). This subject attracts different specialists because in media language the tendencies in the development of language are formed and manifested.

Keywords: intensifiers, intensification, the French language.

В современной науке интенсификацию рассматривают как усиление выразительных и образительных определений языковых единиц различными языковыми средствами, происходящее эксплицитно или имплицитно. Интенсификация посредством интенсификаторов приводит к усилению или ослаблению степени признака, состояния, действия и носит объективный характер, поскольку зависит от синкретизма восприятия. Интенсификаторы характеризуются способностью усиливать значения других слов. При этом они меняются их грамматические формы и теряется собственное значение. Традиционно интенсификаторы определяются как такие языковые элементы, семантика которых приспособляется для того, чтобы служить модификатором знаменательных элементов.

Лингвисты отмечают непостоянство класса интенсификаторов. Язык постоянно обновляется новыми средствами выражения, поэтому в качестве интенсификаторов могут использоваться разные языковые средства. Существует несколько классификаций интенсификаторов, которые выделяют тот или иной аспект данного явления, но не исчерпывают его. Интенсификаторы можно классифицировать по степени усиления значения, по степени грамматизации, по морфологической структуре.

Гендерный аспект использования интенсификаторов также не остается без внимания лингвистов, которые считают употребление данного языкового явления как одно из самых заметных отличий женского стиля общения [Земская, 1993]. Причины частого употребления интенсификато-

ров лингвисты видят в большей склонности женщин преувеличивать свои эмоции [Ягубова, 1998].

Для анализа нами были выбраны тексты, взятые из современных французских изданий (Elle, Vogue, Marie Claire, Men's Health). Исследование фактического материала позволило разделить интенсификаторы, встречающиеся в женских изданиях, на 2 группы:

1. Интенсификаторы в узком смысле. Собственно интенсификаторы – это определенные конкретные слова, утратившие первоначальное значение. Их основная функция состоит в том, чтобы усиливать, интенсифицировать значение другой языковой единицы – слова, фразы, предложения. Интенсификаторы этой группы можно условно разделить на две подгруппы: семантически опустошенная лексика, которая представлена наречиями с опустошенной семантикой, и усиительные префиксы.

Усилительные префиксы – это префиксы, служащие для создания дополнительной экспрессивности. Усилительные префиксы, встретившиеся во французских женских изданиях, можно условно разделить на две подгруппы: простые усиительные префиксы, то есть префиксы, состоящие из одного слова, например: *super* – «супер-», *hyper* – «гипер-», *méga* – «мега-», *extra* – «экстра-», *ultra* – «ультра-», *archi* – «архи-», а также сложные префиксы, которые представляют собой комбинацию из нескольких, чаще всего двух усиительных префиксов, например: *superméga* – «супермега-», *mégahyper* – «мегагипер-», *archiméga* – «архимега-».

Семантически опустошенная лексика представлена лексическими единицами, утратившими свое первоначальное значение и употребляющимися в основном в сочетаниях с другими лексическими единицами. В ходе анализа мы выявили следующие наиболее часто встречающиеся семантически опустошенные ЛЕ: *épornément* «чрезмерно», *totalemment* «полностью», *extrêmement* «крайне», *insupportablement* «невыносимо», *complètement* «полностью», *terriblement* «ужасно».

2. Интенсификаторы в широком смысле. К ним относятся слова, выполняющие в конкретной ситуации функции интенсификаторов. К данной группе принадлежат средства создания неординарной степени интенсивности, функциональные слова, семантика которых носит абстрактный характер и заключается в выражении большей по сравнению с нормой степени признака, состояния, действия. К наиболее распространенным интенсификаторам этой группы на страницах французской прессы мы отнесли следующие: *de fer* «железный», *de rêve* «моей мечты», *de déesse* «божественный», *science-*

fiction «научная фантастика», *XXL* «очень большого размера», *surréaliste* «сюрреалистический» и другие.

Так, например, для обозначения беременности без осложнений используется интенсификатор *top de rêve* «моей мечты»:

- «*Si après une grossesse de rêve j'ai une constitution plus solide, c'est parce que je suis du Nord*» (Elle).

В другом примере использование интенсификатора *de déesse* «божественный» подчеркивает совершенную красоту женского тела:

- «*On lui envie ses courbes de déesse*» (Marie Claire).

На страницах женских журналов интенсификаторы могут выполнять определенные функции, к основным из которых мы отнесли следующие:

1. Интенсификаторы служат для усиления выразительных и изобразительных определений предметов, явлений, состояний.

Интенсификаторы на страницах женских изданий усиливают определение предмета. Так, например, для того, чтобы подчеркнуть современность прически, используется усиительный префикс *ultra* – «ультра-»:

- «*Ils infligent un volume ultra-moderne aux coupes classiques*» (Vogue).

Интенсификаторы, встречающиеся в женской прессе, призваны также усиливать качество тех или иных явлений. Так, усиительный префикс *super* – «супер-» указывает на то, что женщина, чтобы понравиться мужчине, должна в совершенстве владеть кулинарным искусством:

- «*Un mec comme ça ne peut aimer qu'une femme qui fait super bien la cuisine*» (Elle).

Интенсификаторы имеют свойства усиливать эмоциональные проявления. Например, для того, чтобы выразить и объяснить испытанную когда-то влюбленность, используется семантически опустошенное наречие *extrêmement* «крайне»:

- «*J'ai été extrêmement amoureuse*» (Vogue).

2. Также интенсификаторы на страницах женской прессы придают рассказу необычную форму, которая способна вызывать интерес сама по себе независимо от стоящего за ней содержания, как бы предупреждая адресата о том, что будет сказано далее. Так, например, в начале рассказа о рождении ребенка, для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть неподготовленность героини к этому событию, а с другой стороны, заинтересовать читательниц продолжением повествования, используется метафорический интенсификатор *pure science-fiction* «чистая научная фантастика»:

- «Ça a beau être la chose la plus naturelle au monde pour lui c'était pure science-fiction!» (Elle).

Специфика использования интенсификаторов на страницах женской прессы сводится к двум основным аспектам. Во-первых, разные виды интенсификаторов служат для различных целей. Так, семантически опустошенная лексика используется на страницах женских журналов, главным образом, для усиления именно эмоциональных состояний, например:

- «Cette oeuvre m'a énormément touchée» (Elle);

- «Toutes ces cachotteries me mettaient extrêmement mal à l'aise» (Marie Claire).

Усилительные префиксы используются на страницах женской прессы как для усиления характеристики эмоциональных состояний, так и для усиления определений предметов и явлений, например:

- «Lancée par les jeunes Japonais mégahyperbranchées, la mode des mèches pour la vraie brune arrive à la vitesse grand V» (Vogue);

- «Une aventure extra-conjugale hétéro est souvent réparable avec du temps et du dialogue» (Marie Claire).

Специфика использования интенсификаторов в широком смысле состоит в том, что данные конструкции используются на страницах женской прессы для создания неординарной экспрессивности. Так, например, чтобы подчеркнуть силу испытываемой любви, используется интенсификатор XXL «страсть XXL – страсть самого большого размера»:

- «Et surtout passion XXL pour son mari» (Elle).

Во-вторых, использование интенсификаторов на страницах женских изданий характеризует определенные тематические предпочтения. Так, интенсификаторы чаще всего используются на страницах прессы при обсуждении тем личного характера, таких, как романтические отношения, любовь. Это связано с тем, что именно любовь способна вызвать наиболее яркие и незабываемые эмоции у женщины, которые она хочет передать с помощью интенсификаторов, например:

- «C'était extrêmement sensuel, c'est la plus belle marque d'amour» (Marie Claire);

- «J'avais besoin de me sentir ultra désirable» (Marie Claire).

Интенсификаторы также широко используются на страницах прессы при обсуждении такой темы, как внешность, красота. Действительно, вопросы внешнего вида не только всегда ак-

туальны для женщин, они вызывают у женщин много эмоций, которые женщины склонны преувеличивать, например:

- «Je suis allée acheter une robe hyper sexy» (Marie Claire).

Явления повседневной жизни, связанные с работой, семьей, воспитанием детей также могут быть преувеличены с помощью интенсификаторов, например:

- «Mes enfants sont hyper doués» (Vogue).

Однако при обсуждении данных тем интенсификаторы используются менее часто.

Итак, выделенные интенсификаторы позволяют женщинам не просто выражать свои эмоции, но и выражать их в преувеличенном виде.

Сопоставительный анализ, проведенный на материале наиболее распространенных интенсификаторов в женских и мужском изданиях, позволяет обнаружить различия в использовании средств интенсификации мужчинами и женщинами на страницах прессы. Использование таких интенсификаторов, как семантически опустошенная лексика, и интенсификаторов в широком смысле является нехарактерным для языка мужских изданий. Исключение составляют только усилительные префиксы, которые также используются на страницах мужских изданий. Однако частота использования усилительных префиксов в мужском журнале ниже, чем в женских изданиях. Следует также отметить, что если для женских журналов характерно использование как простых, так и сложных усилительных префиксов, то в мужских изданиях употребляются только простые усилительные префиксы. Полученные результаты позволяют отнести использование усилительных префиксов к особенностям, более характерным для языка женской прессы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что одной из особенностей женской речи является использование интенсификаторов, которые помогают выразить эмоциональное отношение женщины к окружающей действительности.

Литература

1. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – М., 1993. – С. 90-136.

2. Ягубова М.А. Оценка в разговорной речи мужчин и женщин // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. – СПб., 1998. – С. 43-54.

Шангаева Надежда Константиновна – канд. социол. наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. E-mail: chnadejda@rambler.ru

Shangaeva Nadezhda Konstantinovna – cand. of sociology science, Assistant Professor in the department of German and French, BSU, 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24a. E-mail: chnadejda@rambler.ru

УДК 81' 22

© Д.В. Эрдынеева

К вопросу об асимметрии в языке

В статье рассматривается понятие языковой асимметрии. Проанализированы различные подходы к изучению асимметрии, уточнено понятие языковой нормы. Выявлено, что асимметрия является важнейшим компонентом языковой системы, связанным с самим устройством и функционированием языка.

Ключевые слова: языковая асимметрия, языковая норма, языковые преобразования.

D.V. Erdynееva

On the question about asymmetry in the language

In the article the notion of the language asymmetry is considered. The different approaches to the asymmetry study are analyzed. Furthermore the notion of the language norm is ascertained. The asymmetry is determined to be an important component of the language system regarding its organization and function.

Keywords: language asymmetry, language norm, language transformations.

Язык – часть мира, и лингвистика – тоже часть мира; поэтому космос и хаос можно усмотреть не только вне языка (внеязыковой космос и хаос) и вне лингвистики (нелингвистический), но также и в языке, и в лингвистике.

Нарушение языковых норм вызывает разную реакцию, по мнению С.А. Крылова, в зависимости от социальных обстоятельств, в которых это нарушение произошло. Нарушение орфоэпических, грамматических и стилистических норм взрослыми психически и физически здоровыми носителями языка может быть (1) случайным или (2) систематическим.

Случайное нарушение обычно не замечается и воспринимается как порой досадная, но несущественная помеха в общении; предметом изучения оно становится лишь в психолингвистике, разрабатывающей теорию речевых ошибок (опечаток, описок, оговорок). Психологи пытаются вскрыть бессознательные механизмы, лежащие в основе случайных речевых ошибок.

Систематическое нарушение представляет собой факт языка (просторечие) и так такое составляет предмет изучения (в ортологии), предмет исправления (в культуре речи), предмет имитации и стилизации (при намеренном воспроизведении народной речи в художественной литературе) и предмет насмешек (в художественной сатире и в языковой игре).

Нормативность речевых действий составляет предмет особого внимания лингвистической прагматики (это так называемые коммуникативные постулаты, молчаливо соблюдаемые собеседниками в ходе разговора). Нарушение норм речевого общения оценивается либо как проявление психической аномалии, либо как особое средство художественной выразительности (на

этом основаны риторические фигуры, парадоксы и т. п.).

Нарушение моральных норм может выражаться и в отступлении от этики речевого общения. Этическая порядочность / непорядочность также имеет свои проявления. Примечателен тот факт, что неэтичное пользование языком состоит не в игнорировании коммуникативных постулатов, а в злоупотреблении ими (как показывает, например, практика демагогии – интенсивного вербального воздействия на массовое сознание).

Наличие в языке особых норм привлекает внимание уже со времен античности. В явном или в неявном виде понятие языковой нормы присутствовало в формулировке задач грамматики (как искусства правильно писать), стилистики (как искусства правильно говорить), логики (как искусства правильно рассуждать).

Нарушение языковых норм (до XIX в.) были предметом насмешек, предметом исправления или предметом профилактики. В XIX в. преобладает равнодушное отношение к феномену языковых нарушений. В начале XX в. приходит осознание того, что деятельность нарушителей языковых норм имеет особую эстетическую функцию. Нарушение норм начинает восприниматься уже не как деструктивный феномен, а как языковая новизна, как средство художественной выразительности, как средство созидания новых знаковых средств, которые более адекватно выразят мысли и чувства людей в постоянно меняющемся мире. Положительное отношение к ломке языковых норм характеризует направления лингвистической мысли, как эстетический идеализм, футуристическое словотворчество, и, шире, языкотворчество, а позднее

– и концепцию поэтической актуализации языковых средств в Пражской школе.

Наличие в языке жестких правил отнюдь не лишает его такого свойства, как поистине безграничная коммуникативная гибкость [9, 311].

С. Карцевский был, пожалуй, первым, кто в своей статье «Об асимметричном дуализме языкового знака» (1929) воспользовался терминами симметрия и асимметрия в приложении к языку. Он отметил характернейший тип лингвистической асимметрии – многозначность / синонимия языковых явлений, – происходящий вследствие расхождения плана выражения и плана содержания.

Асимметрия отражает нарушение упорядоченности, регулярности, разнообразия. В асимметрии проявляются нарушения равновесия и устойчивости, связанные с изменением в организации системы, составных частей целого.

Ценность анализа Ш. Балли заключается в стремлении определить все виды языковой асимметрии и показать, что они обнаруживаются на всех уровнях, во всех аспектах языковой системы – от фонологии и до синтаксиса.

Асимметрия – явление вечное и универсальное, и к ней поэтому нужно относиться не как к «болезни» языка, к недостатку языка как орудия общения, но как важнейшему компоненту языковой системы, связанному с самим устройством и функционированием языка. Прежде всего, следует обратить внимание на симметрию в самой асимметрии. Основная причина асимметрии в том, что люди оперируют понятиями с расплывчатыми границами, хотя с четким ядром. Это позволяет обозначать словесно любой объект, даже такой, для которого в языке нет особого наименования. Но эта важнейшая задача коммуникации осуществляется ценой нечеткости границ значения языковых элементов (слов, грамматических форм).

Давая наименования новым объектам, осуществляя их группировку и классификацию, говорящий субъект пользуется теми элементами плана выражения и плана содержания, которые уже представлены в данном языке. Использование знакомых языковых форм для наименования новых предметов и ситуаций соответствует фундаментальной черте человеческой психики, состоящей в том, что человек способен воспринимать новую информацию только на основе уже имеющейся некоторой информации. Прежнее наименование, ассоциирующееся с некоторыми уже известными представлениями, оказывается тем мостиком, который человеческое сознание перебрасывает от известного к неизвестному. Использование известных форм для

выражения нового содержания принимает двоякую форму. Оно происходит либо путем их использования в целостном виде способом переосмысления (например, метафора), либо путем их реорганизации (составление новых единиц из готовых элементов по определенным моделям – как в словообразовании, так и в синтаксисе) [3, 234].

Асимметрию в языке рассматривают с различных позиций, анализируя тот или иной тип языковых нарушений.

Ю.С. Степанов в своей работе «В трехмерном пространстве языка» обращает внимание на поэтику эгоцентрических слов. Все поэтики модернизма – формалистов, футуристов, имажинистов (В. Шершеневич, А. Мариенгоф, Р. Ивнев), позднее структуралистов и даже, хотя и в меньшей степени, символистов – некоторыми чертами, в особенности «операциями над словом», близки друг к другу. Подобно футуристам и особенно Хлебникову имажинисты устремлялись к глубинному образу слова «Необходимо помнить всегда первоначальный образ слов, забывая о значении».

«Мы хотим славить несинтаксические формы, нам скучно от смысла фраз: доброго утра! Он ходит!.. Нам милы своей образностью и бессмысленностью несинтаксические формы: доброй утра! или доброй утры! или он хожу!». Сходным образом В. Шершеневич рассматривает все части речи от существительного до предлогов. Возводя их в ранги сообразно степени аграмматичности. И тогда делается понятным – столь важное для имажинистов – отличие их от футуристов: «Не заумное слово, а образное слово есть материал поэтического произведения». В своем требовании «аграмматической формы» русские имажинисты выступили предвестниками будущего французского структурализма в поэтике [11, 262].

Элементарной единицей изменения в языке по В.Г. Гаку является изменение отношения номинации, на уровне формы или на уровне референта, а иногда одновременно обоих. А это изменение не является чисто произвольным, но зависит всякий раз от человеческого сознания, от интенции говорящего, либо от допущения, согласия говорящего. Ш. Балли даже писал в одной из своих работ, что укоренение новшества в языке больше зависит от слушающего, чем от говорящего, поскольку именно слушающий дает согласие на усвоение и дальнейшее распространение языковой инновации. Второй специфический момент – это социальная координата языковых явлений, которая превращает языковое движение в разнородное и многослойное. Поряд-

док – это системность, униморфность, симметрия; хаос – противоположность этим качествам. В языке борются эти две тенденции, хаос переходит в порядок, но внутри порядка создается снова беспорядок, который все же, пусть в ограниченном материале, образует свою систему, свой порядок, но на другом уровне, в другой сфере.

Пауль останавливался и на психологических факторах, но более подробно они были проанализированы в книге А. Фрей «Грамматика ошибок». Изучая ошибки во французском просторечии, Фрей пришел к выводу, что в этих ошибках отражается новая становящаяся система. Сегодняшняя ошибка – это завтрашнее правило. По его мнению, в основе изменений – пять тенденций: аналогия (в том числе народная этимология, контаминация, аттракция), дифференциация, экономия, неизменность, экспрессивность.

В дополнение к тем факторам, о которых писали Пауль и Фрей, нужно добавить следующие: неравномерность языковой компетенции у носителей одно и того же языка (это обуславливает вариативность речи), быстрота речи (при общении необходимо обеспечить не только правильность, но часто быстроту речевых реакций) [4, 292].

По наблюдению Н.Д. Арутюновой, экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Поэты делают это чаще всего для того, чтобы вернуть «чувственность» смыслу и освободить его от ненужных ассоциаций или ввести в иную систему смысловых связей. Писатели в разных целях скрещивают концепты и выводят гибридных обитателей литературных миров. Примерами первых могут послужить слова – «саквожи» Джойса, примерами вторых – шорьки (хорек + ящерица + штопор), зелуки и мюмзики Кэрролла, пуськи бятые, калуши и бутявки из лингвистической сказки Л. Петрушевской [1, 79].

Известно, сколь неопределимую услугу оказывают языковедам отрицательные факты. Лингвистические работы последних десятилетий пестрят звездочками (Ср.: Апресян Ю.Д. (1995), Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. (1997), Падучева Е.В. (2009) и др.).

Когда говорят о творческом отношении к языку, о творческом начале и использовании языка человеком, о речевой деятельности как творчестве и человеке – творце языка, то имеют в виду, прежде всего, способность человека каждый раз заново порождать завершенное оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов. Наиболее выразительной иллюстрацией языкотворчества является обычно создание

новых слов новых сочетаний и переносов значений, обогащение значения привнесением в него элементов субъективного смысла. Сюда же, к средствам творческого развития языка, относят иногда речевые ошибки, оговорки, окказионализмы (Ср.: сочетания (*неумытый столик, сентиментальная кислятина, молодой ребенок, бездорожная езда, живой мертвец, пятиэтажный молодец и др.*)). Однако, все эти явления, будучи, безусловно, показателями творчества (сознательного или бессознательного) индивида в языке, представляют собой то, что можно квалифицировать как лексико-семантические и лексико-грамматические преобразования, и вовсе не исчерпывают всех возможностей творческого подхода к языку. Ведь язык является важнейшим средством познания, и, оперируя элементами «образа мира», элементами знаний с помощью языка, человек осуществляет когнитивные преобразования в процессах отражения сознанием объективной реальности. Но начинать рассмотрение языка как творческой деятельности личности следует, вероятно, с прагматического уровня, имея в виду, что каждый человек для выражения даже простейших личностных (хотя и социально детерминированных, но индивидуально-переживаемых) интенциональностей, таких, как, скажем, досада, возмущение, подобострастие, удивление, всегда находит собственные, неординарные средства и способы [6, 240].

В рамках теории неологизации интересным представляется изучение новых метафорических номинаций. Так, Л. Ю. Касьянова отмечает, что неометафоризация обладает когнитивной парадоксальностью, состоящей в том, что сопоставляемым объектам свойственна асимметричность. Например: «Кто виноват в *финансовых трюмах?*» (АиФ. – 2008. – № 38); «... перенос *финансовой инфекции* из США...» (Новая газета. – 2008. – №48). Она является не только приемом изображения, но и способом мышления, способом восприятия вечно меняющегося мира. Это значительный когнитивный ресурс, определяющий вектор инноваций в познании человеком окружающей действительности [7, 74].

Наиболее общей характеристикой живых процессов, наблюдаемых в русском литературном языке наших дней, нельзя не признать демократизацию. Впрочем, точнее для характеристики этих весьма бурно разворачивающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону

последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной; литературный стандарт становится менее стандартным. Наиболее рельефно языковой вкус иллюстрируется стилистическими явлениями.

Так, популярными стали привлекающие внимание необычностью и остроумием внутренней формы разного рода наложения, вроде *стервис* (*стерва* + *сервис*) [8, 44].

В основе развернувшихся процессов лежат изменения в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Эти социально и исторически осмысленные явления порой получают некое официальное одобрение (хотя бы примером речи политических авторитетов и речевой практикой масс-медиа), а порой и законодательное закрепление.

Отступления от общелитературной нормы, а также новообразования в той или иной речевой сфере оцениваются в исторической перспективе или как вклад автора в развитие литературного языка, или как продукт индивидуального речетворчества, порожденный художественными устремлениями писателя, но не нашедший признания и продолжения в дальнейшей истории общелитературной речи [2, 205].

Н.К. Рябцева справедливо отмечает, что в современном мире «инновационные» явления усложняют восприятие информации, делают его многоступенчатым и опосредованным, требуют специальных интеллектуальных усилий и дополнительных знаний.

Интеллектуальная «игра с примечаниями в поэзии эпохи постмодерна и интернета. Предельно креативное использование авторских примечаний и комментариев в поэзии эпохи постмодерна проявляется в их необычном оформлении и выделении (Ср.: *онлайн-технологии, электронный маркетинг, дистрибьютор, внешняя память, металлическая субкультура* и др.).

Все соответствующие инновации – «игры с примечаниями» предполагают «выход из текста» и потому задают двойной способ его членения и прочтения – «горизонтальный» и «вер-

тикальный (как у Барта) т.е. умножают количество его «слоев-уровней» и потому свободы прочтения текста, углубляют его перспективу [10, 116].

Соединение потенциальных возможностей языковой системы с языковыми способностями говорящего пополняет речь средствами, производящими определенный эстетический эффект. Это дает материал для изучения тех начал в человеке, которые позволяют быть участником интеллектуальной игры, направленной на индивидуальное словотворчество.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
3. Гак В.Г. От хаоса к беспорядку и от порядка к хаосу («анархия мать порядка, порядок отец анархии») // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – С. 286-293.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998 – 768 с.
5. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 6-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
7. Касьянова Л.Ю. Неометафоризация в свете когнитивной семантики // Гуманитарные исследования. – 2009. – №2. – С. 68-74.
8. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3 изд., испр. и доп. – СПб.: Златоуст, 1999. – 320 с. (Язык и время. Вып. 1).
9. Крылов С.А. Порядок и беспорядок с металингвистической точки зрения // Логический анализ языка: космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова – М.: Индрик, 2003. – С. 302-319.
10. Рябцева Н.К. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2011. – С. 111-123.
11. Степанов Ю.С. Французская стилистика. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.

Эрдынеева Дарима Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков БГУ. 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, e-mail: darierdin@yandex.ru

Erdynceeva Darima Vladimirovna – candidate of philology, associate professor of German and French languages chair of the Buryat State University. 670000, Buryatia, Ulan-Ude, 16 Sukhe-Batora st., tel: 214810, 89148343392, e-mail: erdari@mail.ru

УДК 811.111'27

© Д.Д. Эрдынеева

Прототипический подход к категоризации обмана

В статье предпринимается попытка моделирования прототипической ситуации обмана, которую можно представить в виде прототипического сценария, состоящего из нескольких этапов. Осуществляется соотнесённость английских идиом со значением обмана к единой категории с прототипом, а точнее с прототипической ситуацией обмана.

Ключевые слова: категория, категоризация, идиома, прототип, прототипический сценарий, непрототипический сценарий.

D.D. Erdyneeva

Prototypical approach to the categorization of deception

The present article attempts to model a prototypical situation of deception. The latter can be presented as a prototypical scenario that consists of several stages. By using a prototypical approach English idioms denoting deception we could be related to the prototypical category.

Keywords: category, categorization, idiom, prototype, prototypical scenario, non-prototypical scenario.

Концепты служат основой формирования категорий, они сводят многообразие всех наблюдаемых явлений к чему-то единому, под одну рубрику. И концептуализация, и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему конечному результату или цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, а процесс категоризации на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории [Болдырев, 2001].

Когнитивная наука поставила вопрос о категоризации как о когнитивной деятельности человека, вопрос о том, на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определённые категории [КСКТ]. Когнитивная категория – это класс представлений определённого знания о том, в какую форму облечь содержание. «Осмыслить категоризацию – немаловажное дело, а показать при этом детально, как работают основные когнитивные механизмы, – еще более серьезное достижение. Чтобы понять, что представляют собой когнитивные аспекты категоризации, необходим детальный анализ на уровне основных когнитивных механизмов» [Лакофф, 1988:29].

С когнитивной точки зрения, прототип – это ментальная репрезентация или когнитивный ориентир категории [Болдырев, 2001].

Вслед за Н.Н. Ефимовой, разработавшей прототипический сценарий ситуации риска [Ефимова, 2000], в ходе работы предпринимается попытка моделирования прототипической

ситуации обмана, которую можно представить в виде прототипического сценария, состоящего из нескольких этапов. Прототипический сценарий обмана разрабатывается на основе теоретических положений Дж. Лакоффа и М. Джонсона о когнитивном моделировании [Lakoff, 1980] с использованием совокупности лексических универсалий, предложенных А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1999]. Представляется, что «DECEPTION» переводим на язык семантических примитивов (1). Сценарий репрезентируется словами, в значении которых заложена определённая динамика развития события, схема каких-либо действий.

Так как прототипический подход используется для описания фразеологии, то сценарий может быть представлен фразеологическими единицами. Значения фразеологических единиц имплицитно подразумевают последовательность определённых этапов, эпизодов, которые разворачиваются во времени. Мы попытаемся осуществить соотнесённость английских идиом со значением обмана к единой категории с прототипом, а точнее с прототипической ситуацией обмана. Термины, используемые при обозначении названий этапов прототипического сценария ситуации обмана, заимствованы у Н.Н. Ефимовой [Ефимова, 2000].

Так, английские идиомы со значением обмана являются членами категории на основе наличия у них определённых характеристик данного ниже прототипического сценария.

Прототипический сценарий ситуации обмана:

Этап 1. Оценка ситуации субъектом S1. Субъект S1 расценивает сложившуюся ситуацию как представляющую опасность для него,

либо сулящую выгоду ему. Исходя из данного соображения, S1 намеревается ввести в заблуждение субъекта S2. Показательно то, что обманывающий S1 может характеризовать свою будущую жертву S2 как что-то “мягкое” и “легкодоступное (2)”: *easy game (mark или prey)* – легкая добыча, простофиля; *easy meat* – легкая добыча, легковверный человек; *a soft mark* – человек, которого легко обмануть, одурачить и др. Например:

He was such an easy mark, even if he did think he knew it all [Jones – АРФС].

Этап 2. Активные действия S1. Обманывающий S1 вводит в заблуждение обманываемого S2. Знания для себя у S1 расходятся с его формой представления для S2. В пресуппозиции S1 можно отметить, что такое поведение обусловлено, в первую очередь, страхом и выгодой: *lay a trap for smb.* – «подготовить ловушку»; *fly a (one's) kite* – (пытаться) получить деньги под фиктивный вексель, *pick smb.'s brains* – использовать чужие мысли, присваивать чужие идеи.

Идиомы этого типа отражают активную позицию S1, иногда наносящего вред или ущерб (3) S2. Например:

No, I began to believe that the only policy was a bold one – somehow or other to lay a trap for him [Christie, 175].

Этап 3. Оценка ситуации S2 и его эмоциональная реакция. Активные действия обманывающего S1 иногда вызывают подозрение об-

манываемого S2, поскольку S1 может показаться S2 хитрым, льстивым, скрытным, болтливым человеком (*a deep one* – скрытный, хитрый человек, хитрец, каких мало; *smell a rat* – чуют недоброе, неладное, подозревать нечестную игру; *(as) sweet as honey* – льстивый, неискренний, слащавый; *(as) tricky as a monkey* – проказливый, хитрый; *a bag of wind* – болтун, пустозвон, пустомеля, трепло и др.). Например:

I smell a rat – a big, filthy rat... I tell you, there is evil in the air [Du Bois – АРФС].

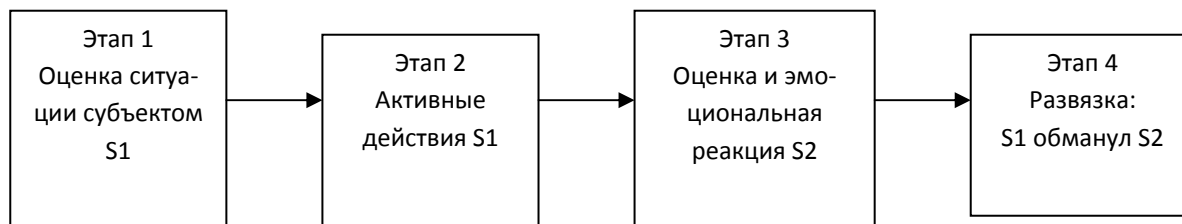
Этап 4. Потенциальная развязка. Попытка S1 ввести в заблуждение S2 увенчалась успехом. Идиомы этого типа обнаруживают перлокутивный эффект: *put one's neck into the noose* – дать себя провести; *swallow a gudgeon* – дать себя обмануть, перехитрить, провести; *be bought and sold* – быть преданным, обманутым, одураченным; *be (get) left* – быть обманутым, одураченным; *get (have) the better of (smb.)* – перехитрить, обмануть, надуть кого-либо и др. Например:

The trouble with Walt was he was always letting somebody get the better of him when it came to business deals [Caldwell – АРФС].

Каждый этап прототипического сценария уже представляет собой свернутую концептуальную структуру «DECEPTION», независимо от наличия и характеристик других этапов.

Схематично прототипический сценарий может быть представлен следующим образом:

Схема I

Идиомы со значением обмана, не вписывающиеся в прототипический сценарий, составляют периферию категории, если отвечают требованиям непрототипических ситуаций обмана.

Непрототипический сценарий ситуации обмана I:

Этап 1. Совпадает с прототипическим.

Этап 2. Совпадает с прототипическим.

Этап 3. Оценка S2 и его эмоциональная реакция. В ответ на активные действия обманывающего S1 обманываемый S2 совершенно уверен, что S1 вводит его в заблуждение, например: *a lie out of (the) whole cloth* – наглая, вопиющая ложь; *lie in one's teeth* – нагло, бесстыдно лгать,

лгать прямо в глаза; *it is not cricket* – это нечестная, неспортивная игра; *on the crook* – нечестно, обманным путем и т.д. Так, например:

“But whatever it is, Mr. Dodd, it’s on the crook. And looks like privacy,” I added [Stevenson – АРФС].

Этап 4. Потенциальная развязка. Попытка обманывающего S1 обмануть S2 потерпела фиаско, так как обманываемый S2 верифицировал обман S1. Идиомы этого типа указывают на перлокутивный эффект: *get (take) smb.'s measure* – распознать, раскусить кого-л.; *give smb. the lie* – уличать кого-л. во лжи, показать всю лживость

кого-л.; *nail to the counter* – разоблачить (ложь или клевету). Например:

Philip... made one or two remarks, but she answered with monosyllables. She had taken their measure. They were boys, and she surmised they were students. She had no use for them [*Maugham* – АРФС].

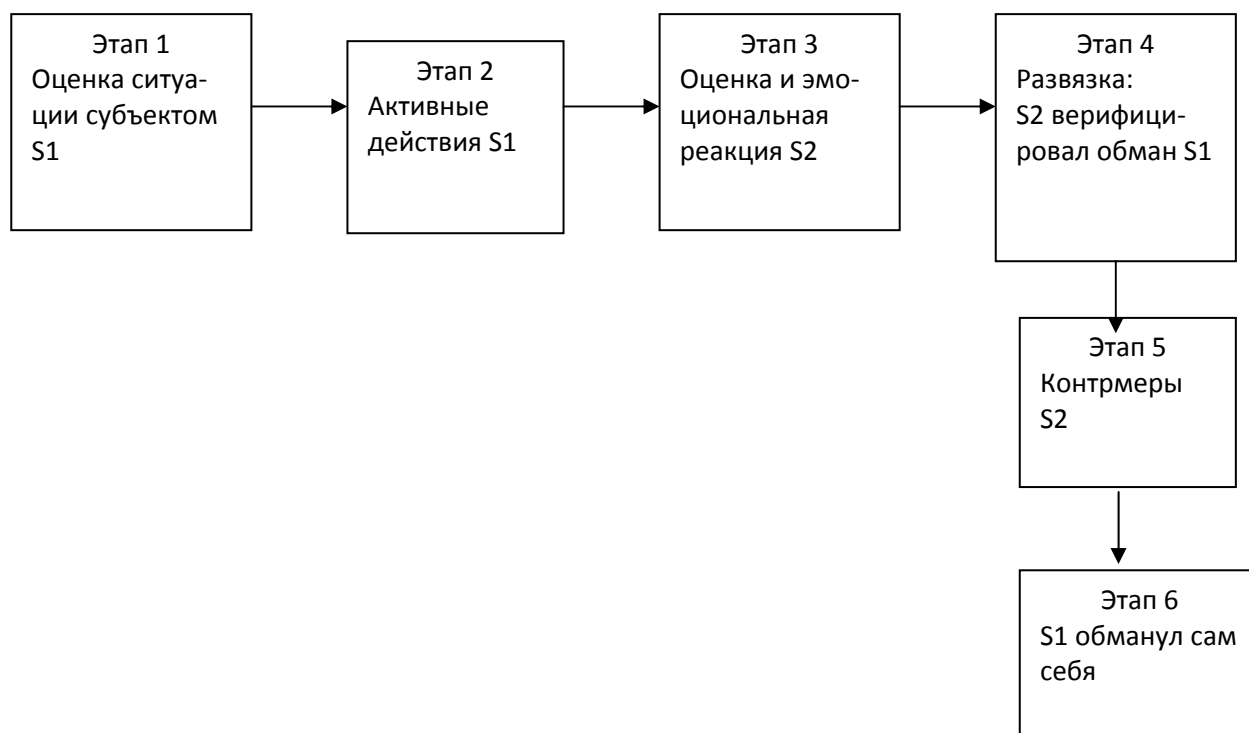
Иногда контрмеры обманываемого S2 (Этап 5) способствуют тому, что обманывающий S1, в итоге, сам себя вводит в заблуждение (Этап 6): *hoist by (with) one's own petard* – *попавший в собственную ловушку, пострадавший от собст-*

венных козней; *a biter bit* – *пострадавший от собственных козней (когда обманщик, шулер сам себя перехитрил при сделке)*. Например:

The spectacle of a biter being bitten is always funny, even the bitten bitter happens to be oneself. Conscious and civilized, he had had been defeated by someone even more civilized, he had been defeated by someone even civilized than himself. The justice is poetic [*Huxley* – Kenk.].

Схематично непрототипический сценарий I может быть представлен таким образом:

Схема II

Непрототипический сценарий ситуации обмана II:

Этап 1. Совпадает с прототипическим.

Этап 2. Пассивное поведение обманывающего S1 каузирует ситуацию, в которой обманываемый S2 находится в состоянии неведения относительно истинного положения дел: *have (keep) smb. on a (the) string* – держать кого-либо в неизвестности, водить кого-либо за нос; *mask one's batteries* – скрывать, маскировать свои враждебные намерения; *bury one's hand in the sand* – закрывать на факты глаза, придерживаясь страхового политики. Такое поведение S1 обусловлено различными мотивами: выгодой, жалостью, любовью, равнодушием и т.д. Так, например, негативная оценка (4) происходящего, связанная с идеей чего-то “тёмного” отражается в идиоме *keep (leave) smb. in the dark* – дер-

жать кого-либо в неведении, скрывать от кого-либо:

He was very fond of Elizabeth, but he was also very fond of Fanny. If he hadn't been taken in with the “freedom” talk and had kept Elizabeth permanently in the dark about Fanny, he might have lived an enviable double life [*Aldington*, 43].

Этап 3. (выпадает)

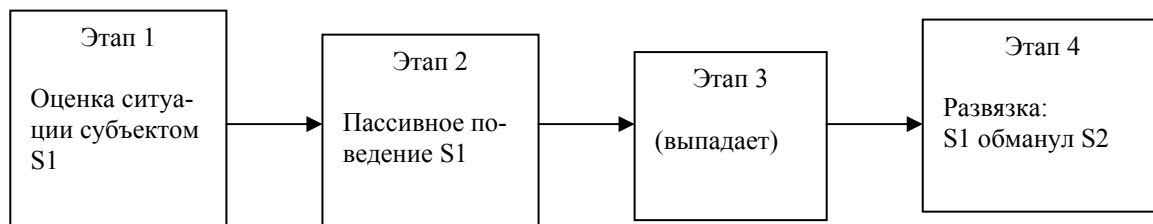
Этап 4. Потенциальная развязка. Пассивная позиция S1 привела к тому, что S2 введен в заблуждение. Так, идиома *shoot the moon* – “ночью съехать с квартиры, не заплатив за нее” указывает на перлокутивный эффект:

“Why, when they came and told me the Drieffields had shot the moon you could have knocked me down with a feather. They owed me four pounds seventeen and six for coal. We've all

been let in, even poor old Galloway who never got his muffins for tea” [Maugham, 101].

Схематично непрототипический сценарий II представлен следующим образом:

Схема III

В целом, мы отмечаем, что прототипический сценарий ситуации обмана предполагает активную позицию обманываемого S1, наличие различных мотивов обмана и, в конце концов, – успешный обман. В непрототипическом сценарии I два первоначальных этапа совпадают с прототипическим сценарием, а на третьем этапе происходит отклонение от прототипического сценария, поскольку обманываемый S2 верифицирует обман и, как следствие, обман не успешен (Этап 4). Возможно и дальнейшее развитие событий: действия обманываемого S1 (Этап 5) оборачиваются против него самого (Этап 6). Непрототипический сценарий II предполагает пассивное поведение обманывающего S1 и, в конце концов, – успешный обман.

Представляется, что список непрототипических ситуаций обмана остается открытым для дальнейших исследований.

Основываясь на понимании категории как радиальной структуры с прототипом в центре и периферийной зоной, можно говорить о наличии категории когнитивных моделей обмана с прототипическим сценарием в центре. Таким образом, мы можем осуществить категоризацию английских идиом обмана с прототипическим сценарием ситуации обмана в центре и непрототипическими сценариями на периферии категории.

Примечания

1. Целесообразно отметить: «Слову *лгать* можно дать вполне обоснованное толкование на языке “дискретных семантических признаков”»:

X солгал Y=

X сказал нечто Y-у

X знал, что это неправда

X сказал это, потому что хотел, чтобы Y думал, что это правда [люди бы сказали: тот, кто так поступает, поступает плохо]” [Вежбицкая, 1996: 206].

2. Хотя обманывающий S1 иногда осознает, что поступает плохо, тем не менее, он скрывает свои истинные намерения. Наблюдается, так называемый, когнитивный диссонанс (проявляется здесь как конфликт интенций).

3. «Образное воплощение обжуливания, надувательства, обмана в идиомах русского и английского языков имеет в основе своей общую идею “манипулятивного воздействия на субъект”, которая характеризуется... нанесением вреда, ущерба субъекту» [Шаховский, Панченко, 1999: 286-287].

4. Возможно и то, что обманывающий S1 может и не осознавать того, что поступает плохо, поскольку умолчание (то есть сокрытие фактов) в моральном плане всегда меньше осуждалось, чем активный обман [Экман, 1999].

Литература

1. АРФС – Англо-русский фразеологический словарь / под ред. А.В. Кунина. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
5. Ефимова Н.Н. Онтологизация концепта «риск» в английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2000. – 168 с.
6. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 12-51.
7. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М., 1996. – 248 с.
8. Шаховский В.И., Панченко Н.Н. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 285-288.
9. Экман П. Психология лжи. – СПб.: Питер, 2000. – 272 с.
10. Kenk. – Ichicawa S., Minc T., Inui R., Rihara K., Takah S. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. – Tokyo: Kenkyusha Press, 1969. – 849 p.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

12. *Aldington* – Aldington R. Now Lies She There. An Elegy. – Moscow: Progress Publishers, 1967. – P. 87-131.

13. *Christie* – Christie A. The Thirteen Problems. – Moscow: Phoenix, 1995. – 254 p.

14. *Maugham* – Maugham W.S. Cakes and Ale: or the skeleton in the cupboard. – Moscow: Progress Publishers, 1980. – 236 p.

Эрдынеева Дарима Дашадоржиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 16, факультет иностранных языков БГУ, 214810, 89148343392, e-mail: erdari@mail.ru.

Erdynееva Darima Dashadorjievna – candidate of philology, associate professor of English philology chair of the Buryat State University. Buryatia, Ulan-Ude, 16 Sukhe-Batora st, 214810, 89148343392, e-mail: erdari@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бабушкина Е.А., Намдакова А.А.</i> Просодия английского повествования в условиях бурятско-русского двуязычия	3
<i>Баяртуева Е.П.</i> О развитии концептуальной структуры созидания в английском языке	8
<i>Борисова И.З.</i> Концепт «любовь» в пословичной картине мира во французском и якутском языках	13
<i>Дондокова Б.В.</i> К содержанию термина «этнокультурный аспект аргументации»	17
<i>Доржиева Г.С.</i> Социальные дивергенты квебекского французского языка (на топонимическом материале)	23
<i>Есина Ю.Г.</i> Показатели региональной идентичности в произведениях руссильонских писателей (на примере творчества Л. Массе)	26
<i>Каверзина А.В., Журавлева А.М., Чернышов М.Ю.</i> Смысловая структура метафоры и логические принципы ее формирования	28
<i>Карбаинова М. Ю.</i> Функционирование нулевого артикля в нарративе в современном французском языке	32
<i>Малюга Е.Н.</i> Развитие теории межкультурной деловой коммуникации в современном языкознании	35
<i>Озонова Л.Г.</i> Метафорическое представление эмоции радости во французском языке	40
<i>Рупышева Л.Э., Цыренов Б.Д.</i> Грамматическая характеристика субстантивных многосложных флоронимов в бурятском языке	44
<i>Семенова М.В.</i> Роль присоединения в выражении синтаксических отношений (на материале английского языка)	48
<i>Федоров М.А.</i> Аспектуальность как способ преодоления множественности определений термина «концепт»	51
<i>Чернобровкина Е.П.</i> Речевое поведение президента США Барака Обамы: роль стратегий и тактик в создании имиджа популярного и успешного политика	57
<i>Чернышов М.Ю.</i> Доказательство достоверности концепции мыслескреповой организации текстов и дискурса	61
<i>Шагланова Е.А.</i> Использование иноязычных слов в компрессии текста	70
<i>Шангаева Н. К.</i> Использование интенсификаторов в языке французских женских журналов	75
<i>Эрдынеева Д.В.</i> К вопросу об асимметрии в языке	78
<i>Эрдынеева Д.Д.</i> Прототипический подход к категоризации обмана	82

CONTENTS

<i>Babushkina E.A., Namdakova A.A.</i> Prosody of English narration in Buryat-Russian bilingual classroom	3
<i>Baiartueva E.P.</i> Concerning the Creation Concept Structure Development in English	8
<i>Borissova I.Z.</i> The “Love” Concept in the French and Yakut Languages Proverb World Image	13
<i>Dondokova B.V.</i> On the Content of the Term «Ethnocultural Aspect of Argumentation» ...	17
<i>Dorzhieva G.S.</i> Social divergents of Quebec French (on a toponymic material)	23
<i>Yesina Y.G.</i> Markers of the Regional Identity in the Literature of the Writers of Roussillon (on the Example of the Works of L. Massé)	26
<i>Kaverzina A.V., Zhuravleva A.M., Chernyshov M.Yu.</i> The semantic structure of metaphor and the logic principles of its formation	28
<i>Karbainova M. Yu.</i> The Functioning of Zero Article in the Narrative in Modern French	32
<i>Malyuga E.N.</i> Intercultural Business Communication Development in the Modern Linguistics	35
<i>Ozonova L.G.</i> Metaphorical representation of the emotion of the joy in the French language	40
<i>Rupysheva L.E., Tsyrenov B.D.</i> The Grammatical Characteristic of Substantive Multisyllable Floronyms in the Buryat Language	44
<i>Semenova M.V.</i> The Role of Cumulation in Terms of Syntactic Relations (on the Material of the Modern English)	48
<i>Fyodorov M.A.</i> Research Aspects as a Way to Overcome the Excessive Number of Definitions of “Concept”	51
<i>Chernobrovkina E.P.</i> US President Barak Obama’s Verbal Behavior: the Role of Strategies and Tactics in Creating his Image of a Successful Politician	57
<i>Chernyshov M.Yu.</i> The Proof of Plausibility for the Conception of Linking-thought Organization of Texts and Discourse	61
<i>Shaglanova E.A.</i> The Loan Words in the Text Compression	70
<i>Shangaeva N. K.</i> The Use of Intensifiers in French Women’s Magazines Language	75
<i>Erdyneeva D. V.</i> On the Question about Asymmetry in the Language	78
<i>Erdyneeva D.D.</i> Prototypical Approach to the Categorization of Deception	82

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2013 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: feu-bsu@mail.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатъевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производится редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

- Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

- Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректур авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

- Статьи принимаются в течение учебного года.

- Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

- Формат журнала 60x84 1/8.

- Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.